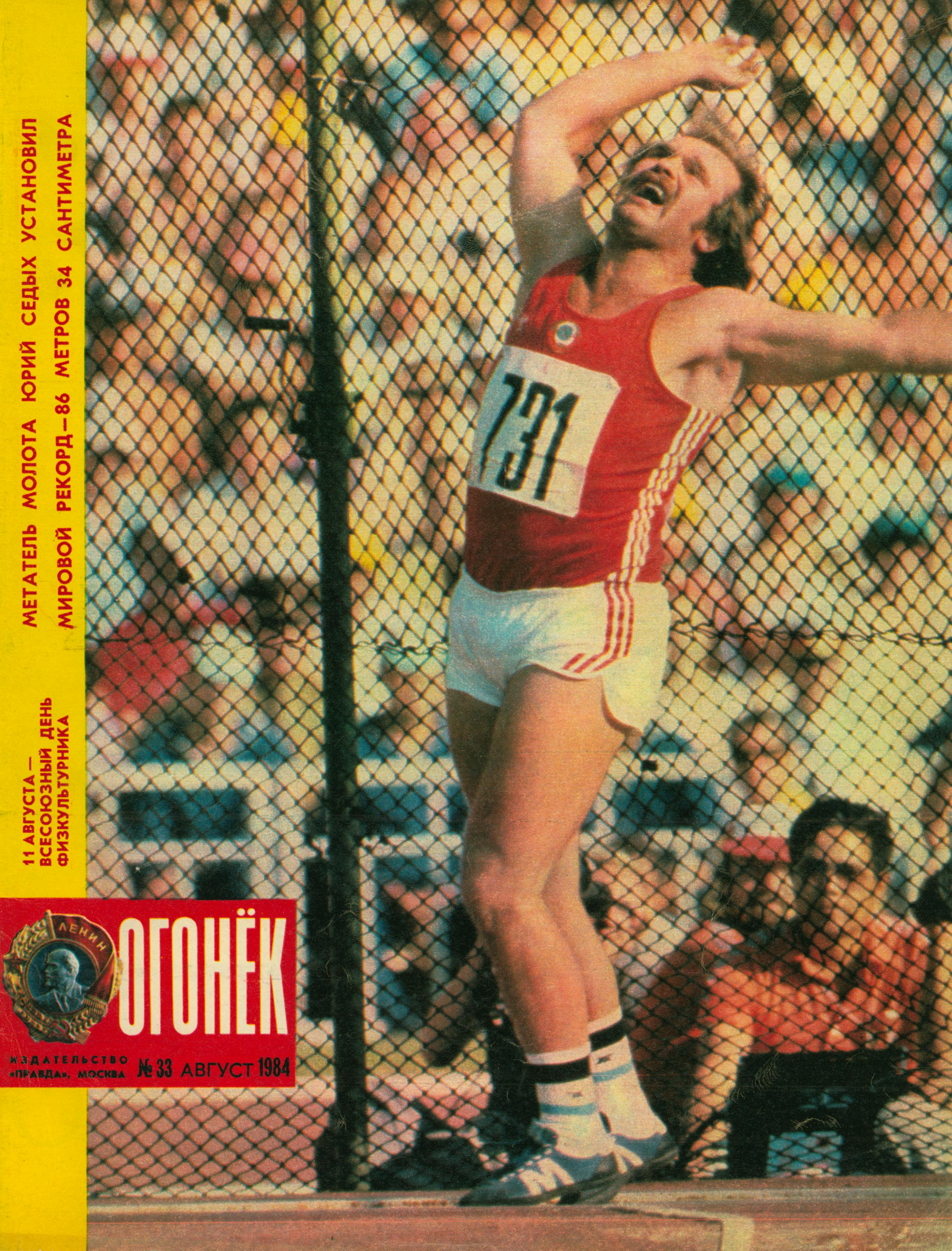

МЕТАТЕЛЬ МОЛОТА ЮРИЙ СЕДЫХ УСТАНОВИЛ
МИРОВОЙ РЕКОРД—86 МЕТРОВ 34 САНТИМЕТРА
11 АВГУСТА —
ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ
ФИЗКУЛЬТУРНИКА
731
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 33 АВГУСТ 1984

ОСТАНЕТСЯ ГО

◀ **И шутка делу не помеха... Интернациональный стройотряд имени Ю. А. Гагарина в минуты отдыха.**

Анна БОГОСЛОВСКАЯ

Фото Михаила САВИНА

Стройотрядовские куртки на плечах юношей и девушек стали такой же обязательной приметой лета, как яркие цветочные клумбы в садах и парках. Третий, трудовой семестр — одна из лучших традиций советского студенчества. Четверть века прошло с тех пор, как первый студенческий стройотряд — ССО,— организованный на физфаке МГУ, построил свои шестнадцать домиков в совхозе «Булаевский» Северо-Казахстанской области. А теперь вклад Всесоюзного студенческого строительного отряда в народное хозяйство составил уже миллиарды рублей.

Наш корреспондент ведет рассказ об Интернациональном ССО имени Ю. А. Гагарина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 33 (2978)

11 АВГУСТА 1984

РОД В ДУШЕ...

Дайга Пупола — студентка Лиепайского педагогического института.

В Гагарин мы приехали вечером и удивились: на некоторых улицах все еще шла работа — выравнивалась дорога, заливались бетоном ямы, выкладывались бордюры из камня. Но все стало ясно, когда на рукаве куртки одного из рабочих мелькнула стройотрядовская эмблема...

Уже тринадцатое лето подряд приезжают на родину первого космонавта бойцы Интернационального ССО. Город словно молодежная стройка, потому что ни одно мало-мальски заметное здание здесь за последнее десятилетие не возводилось без участия студентов. Бурно растущим, молодеющим становится бывший Гжатск. Студенты передают ему свой характер, свои традиции. И сами, в свою очередь, тоже многим обязаны городу: именно тут узнают они друг друга, тут завязывается товарищество на всю жизнь.

Попасть в этот стройотряд не просто: надо выдержать жесткий конкурс.

— У нас, например, было четыре претендента на место,— рассказывает командир отряда «Грузия-84» Сосо Мампория.— Кроме хорошей учебы, надо, чтобы студент имел общественное лицо и у товарищей уважением пользовался... Наша специализация —благоустройство улиц. Сейчас, видите, выкладываем фигурными плитами площадь у реставрирующегося Благовещенского собора. Подготовительные занятия проводили еще в учебном году. Каким образом? — улыбается Сосо.— После лекций тренировались в одном из тбилисских парков...

Мы спросили: «Кто в отряде работает лучше всех?» Сосо никого не захотел выделить особо: «Всех можно похвалить».

Примерно так же ответил на этот вопрос и бригадир отряда «Армения» Месроп Асатрян — его ребята трудятся на строительстве путепровода. Бетонные работы, которые выполняют сейчас студенты Ереванского политехнического, кроме умения, требуют силы и выдержки. Попробуйте хоть на минуту взять в руки тяжеленный, похожий на удава вибратор для уплотнения бетона. «К вечеру сам начинаешь вибрировать»,— улыбается Гарник Акопян. Хотя у него-то как раз силушки хватает: до института занимался физическим трудом и службу проходил в десантных войсках.

Ребятам из Армении все в этом русском городе нравится, только вот прохладно с непривычки, да и дожди что-то зарядили. Но завтра, конечно, погода должна быть на славу, завтра праздник — Интернациональный стройотряд отмечает День Армении.

У студентов занят почти каждый вечер: проводятся праздники союзных республик, агитбригады выезжают с концертами в села. Особо популярны выступления молдаван.

— Они у нас нарасхват: прямо как профессионалы,— говорит комиссар Интеротряда ленинградец

Мемориал памяти погибших при освобождении от фашистских захватчиков Гжатского (ныне Гагаринского) района спроектирован и воздвигнут студентами.

Сергей Гусаров.— А готовятся к выступлениям ребята еще дома: нельзя, чтобы здесь основная работа стояла. Все общественные дела — только в свободное время, а его-то у нас и нет. Даже по воскресеньям отправляемся в совхозы и колхозы — помогать в заготовке кормов...

— Никто ведь нам не придумывает дополнительной работы — сами ее ищем,— вступает в разговор командир Интеротряда инженер Владимир Архипенков. Вот, например, отряд Смоленского мединститута организовал студенческую поликлинику. Каждый вечер ведут прием. «По направлению врача из городской поликлиники больному могут сделать инъекцию, измерить артериальное давление, поставить банки... Инвалиды Великой Отечественной войны обслуживаются на дому» — такое объявление появилось в местной газете. Случайно оказалось, что в смоленском отряде много будущих педиатров. А его командир Леонид Страчунский — кандидат медицинских наук, ассистент кафедры детских болезней. У отряда есть два подшефных детских сада: «Василек» и «Звездочка». Студенты периодически проводят там осмотры малышей. Доброе дело, полезное не только для маленьких гагаринцев, но и для студентов — будущим врачам очень нужна практика...

Свой глаз — хорошо, беседы со студентами — еще лучше. А вот как оценивает работу отряда городское руководство?

— Только рублями, пожалуй, не измерить помощь студентов городу,— говорит первый секретарь горкома КПСС Геннадий Андреевич Штыряев,— но все же цифры порой действуют весьма убедительно. Так вот: только за нынешний год сводный Интеротряд, состоящий из 750 человек, освоит капиталовложений на 1 миллион 600 тысяч рублей. Студенты заняты на строительстве более двадцати самых разных объектов — это промышленные предприятия, жилые дома, детские сады... Причем каждый национальный отряд отрабатывает день в фонд нашего города. И знаете, какой подарок мы получили в прошлом году? Полмиллиона рублей! На эти деньги закупили экспонаты для нашей художественной галереи...

7 июля этого года, в первый день третьего, трудового, семестра, здесь открылся новый музей. Картины, скульптуры, панно рассказывают об истории города, его прошлом и настоящем.

Уже поздно вечером, когда мы уезжали, через центральную площадь промаршировали студенты. Они пели, и в воздухе разносилось: «Яростный стройотряд...», «...За непохожих, за презревших грошевой уют...».

Сегодня у ребят — День Армении.

Алексей Иванов — бригадир отряда «Россия» и Валерик — воспитанник детсада, на строительстве которого работают студенты.

В этот древний сербский городок я попала случайно и прожила несколько дней в незнакомой семье, которая приняла москвичку как родную. А произошло это так. Вместе с Любкой Шешеринац, коллегой из журнала «Илустрована политика», мы отправились поездом в Загреб, но случилось непредвиденное. В те памятные февральские олимпийские дни на Югославию обрушилась снежная буря небывалой силы. Наш поезд попал в снежный плен. Предстояла ночь, а может быть, и следующий день в промерзшем вагоне. И тут у моей коллеги родилась счастливая идея. «Ты когда-нибудь бывала в городе Сремска-Митровица? Нет? Тогда приглашаю тебя в этот старинный город — мы от него всего в нескольких километрах...»

Пассажиры купе, с которыми мы успели подружиться, принялись отговаривать Любку. Загреб — прославленная столица Хорватии! А что можно показать советскому журналисту в провинциальном городке? Но Любка Шешеринац выложила свой главный козырь — оказывается, в Сремска-Митровице у нее родные: сестра матери — баба Нада и ее трое взрослых детей. Одна дочь — учительница, вторая — экономист, а сын — рабочий на заводе. Все они будут рады советской гостье, а я получу возможность увидеть, как живут в Югославии.

...Мы объявились на пороге дома номер 50 по улице Иво Рибара, словно два «снежных человека». Энергичная старушка в очках, баба Нада, кинулась сушить одежду, ее синеглазая дочка Божица захлопотала у плиты, зять Стева принес лучшее лекарство от простуды — сливовую ракию собственного изготовления, а его дочки — 13-летняя Надежда и 11-летняя Слободанка — принялись проворно расставлять на столе тарелки. Долго в тот вечер светились окна этого уютного дома, где за большим столом, накрытым с такой же широтой и гостеприимством, как принято у нас, шел разговор о новостях семейных и новостях телевизионных, о моей смоленской бабушке, брат которой в гражданскую войну попал в Югославию, и об отце бабы Нады — Луке Лупуровиче, который в годы революции оказался в нашей стране.

И вот что было самое удивительное: в этой большой семье никто не говорил по-русски, а я не учила сербскохорватского, но мы прекрасно понимали друг друга!

Несколько дней, пока не наладилось движение поездов, прожила я в этом доме. Узнала древнюю историю Сремска-Митровицы и историю трудной жизни бабы Нады. Мне рассказали о судьбе замечательного человека Луки Лупуровича и посвятили в историю романтической любви глазного врача из местной больницы Стевы Стойковича и его синеглазой пациентки Божицы, меня познакомили с сыном бабы Нады Павлом, который слывет среди родни мастером на все руки, я побывала в гостях у ее старшей дочери Джурджицы.

«Ты приезжай к нам летом, со всей своей семьей приезжай!» — сказала баба Нада, обнимая меня на прощание, и вручила подарки — нарядные салфетки, которые в долгие зимние вечера вязали она сама, Божица и самая младшая в доме — Слободанка.

Эти салфетки лежат у меня дома на столе, и всякий раз, глядя на них, я вспоминаю неожиданную счастливую остановку в Сремска-Митровице, историю большой, дружной семьи бабы Нады.

ЛУКА

Лука Лупурович — это светлая семейная легенда. В окрестностях Сремска-Митровицы есть село Бежка, откуда он родом, и отсюда его взяли в солдаты в годы первой мировой войны. Сначала Лука попал на Салоникский фронт, а потом, уже в 1918 году, оказался на Дальнем Востоке, в Благовещенске, среди той группы югославов, которые перешли на сторону революции и дрались в партизанских отрядах Мухина и Кузнецова с белоказаками, японцами. В конце 1920 года здесь установилась Советская власть. Партизаны были демобилизованы, и красный боец Лука Лупурович отправился к семье, домой. Долгим был его путь. Через Шанхай добирался он до родного села, а как добрался, позвал местного фотографа и снялся на память вместе с семьей, которую не видел так долго. Я держала тот снимок в руках. Усатый Лука в папахе чинно сидит подле жены, а к его ногам прильнули малыши: Надежда (баба Нада) и Катица (она стала потом матерью Любки Шешеринац).

Бабе Наде, тогда девчушке-семилетке, запомнилось, как отец учил их с сестрой русским песням. Он показывал односельчанам книжки, которые привез из России, рассказывал про Ленина, про революцию и новую, справедливую жизнь, которую завоевали большевики России.

«Погоди, вот прослышат жандармы про твои речи, заберут в тюрьму»,— беспокоилась жена. Но Лука был не из тех, кого легко запугать. Бывший красный боец Лупурович стал коммунистом. Когда началась вторая мировая война, он помогал партизанам. Однажды, прослышав, что в городе Сремска-Карловица готовится облава на гимназистов — членов Союза коммунистической молодежи, он сумел предупредить ребят, и многим удалось уйти к партизанам. Среди них была его дочка, 17-летняя Катица, и Лука очень гордился, что войну она закончила уже в звании капитана.

Страшное горе обрушилось на Надежду в сорок втором году. Фашисты схватили и убили ее мужа, двух ее братьев и их отца. В 28 лет младшая дочь Луки Лупуровича осталась вдовой с тремя ребятишками, младшей, Божице, было всего семь месяцев.

— Отец утешал меня в горе. Он говорил: «Подожди, дочка, скоро придет Красная Армия!»— рассказывала баба Нада.

Она хорошо запомнила тот день. Не было, казалось, человека счастливее, чем Лука Лупурович. Со слезами радости обнимал он солдат Страны Советов и пел с ними русские песни...

Жаль, недолго еще прожил он на земле. Вот порадовался бы Лука, если б узнал, что дочери как святыню передали память о его жизни своим детям, а те — внукам.

БОЖИЦА

Пять часов утра. За закрытыми ставнями сонная тишина. Но Божица уже на ногах. Она торопится растопить печь, чтобы тепло поскорее побежало по батареям в комнаты. Потом ежедневный заход к соседу-пекарю. К завтраку в доме всегда теплые, душистые калачи. Божица торопится: ведь в семь утра Стева должен быть в своей больнице, а она с дочками в школе. Профессор Божица Стойкович вот уже семнадцать лет преподает английский язык. В Югославии учителями называют только преподавателей начальных классов, а тех, кто обучает ребят с 8-го по 13-й класс, величают профессорами.

Баба Нада, отстраненная дочерью от утренних забот, привычно говорит: «Что ж я, не сумею завтрак приготовить?» И Божица привычно отвечает: «Отдохни, мама, ты уже за свою жизнь наработалась». Что верно, то верно. Баба Нада в городе человек известный. Долгие годы она славилась как специалист по изготовлению знаменитых огненных от перца сремских колбас. И еще к ней ходят за советом пчеловоды: вот уже сорок лет занимается она пчелами.

— Скорее бы уж весна приходила!— вздыхает баба Нада.

— А что будет весной?— спросила я.

— Весной я сяду на велосипед и поеду за семь километров от города к своей землице! Там у меня есть маленькая халупа, какие бывали в старину, без света и удобств. А главное, тут и пчелки и виноградник, растут яблони, сливы, малина, зелень всякая...

«Землицей» своей баба Нада дорожит не только потому, что с детства привыкла к крестьянскому труду. Это — большое подспорье к семейному бюджету. Особенно важно это в условиях быстрого в последние годы роста цен в стране. И мне, человеку новому в доме, она с особенным удовольствием объясняет, какую большую экономию приносит семье ее «землица». По данным официальной югославской статистики, при общем снижении жизненного уровня в связи с ростом дороговизны в лучшем положении оказались семьи, имеющие дополнительный доход от земли.

— Это наше большое подспорье!— соглашается Божица.— Тем более, что мы еще не рассчитались с долгами за дом!

Я уже знаю: строительство нового, просторного, удобного дома на месте прежнего тесного дома бабы Нады — важный рубеж в жизни семьи. Они не сразу решились. Но тут проявил твердость Стева Стойкович. В городе пока еще строится не так много домов. К тому же квартплата, а особенно плата за свет и отопление, резко подскочила и продолжает расти. А свой дом — это свой дом! И долгих восемь лет всей семьей они каждую свободную минуту трудились на строительстве.

Утром за завтраком Божица сказала:

— Жаль, что весь двор снегом завалило, а то бы я тебе показала остатки стены, которую еще римляне строили!— Увидев недоверие на моем лице, она весело рассмеялась.— Думаешь, я фантазирую? У нас в городе такое не редкость. Когда мы начали строить новый дом, сразу наткнулись на эту стену. А еще мы нашли перстень. Я отнесла его в наш городской музей и узнала, что его носили модницы во времена римского императора Максимиана!

Оказывается, у этого небольшого городка богатейшее прошлое, и он буквально начинен памятниками античной культуры. Сирмиум — вот вначале какое было имя у него в I веке нашей эры. Тогда он получил наивысший городской ранг и стал римской колонией, а в следующем веке он центр сбора войск для военных походов. Известный историк Аммиан Марцелл два века спустя назвал Сирмиум «многолюдной славной матерью городов», где жили императоры Траян, Аврелий, Максимиан.

Во времена Третьего крестового похода сюда пришли войска Фридриха Барбароссы, и немецкий историк, описывая бои, сообщал, что от Сирмиума остались только развалины. Уцелел лишь монастырь Святого Димитрия с крепостью. По старому названию Сирмиума вся область стала называться Срем. Название постоянно изменялось. Новое поселение, выросшее возле крепостных стен, получило в XIII веке по монастырю название Димитровицы, а позднее Митровица.

...При выходе из музея мы заглянули в лапидарий, где выставлены римские каменные памятники. Здесь саркофаги, надгробные памятники I—IV веков. Жертвенники, посвященные Юпитеру и Нептуну. В середине лапидария я увидела отделанный мозаикой пол. Оказывается, под нашими ногами находится богатое римское здание III века, еще и не исследованное археологами.

— Теперь ты, наверное, поймешь, почему я так люблю свой город и никогда из него не уеду!— сказала Божица Стойкович.

ДЖУРДЖИЦА

— Джурджица звонила, говорит, что испекла торт и ждет вас с Любкой в гости,— сказала баба Нада. Дом, в котором живут ее старшие дети — Джурджица с семьей и ее брат Павел,— находится почти в центре города, неподалеку от новой гостиницы «Сирмиум». Она стоит в том самом месте, где архео-

Новелла ИВАНОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

НЕЖДАННАЯ ОС

ЗА ТРУДОВУЮ И РАТНУЮ ДОБЛЕСТЬ

За большие заслуги трудящихся города в революционном движении, их вклад в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны и успехи в хозяйственном и культурном строительстве Улан-Удэ награжден орденом Трудового Красного Знамени.

3 августа в столице Бурятской АССР состоялось торжественное заседание городского комитета партии и городского Совета народных депутатов совместно с представителями партийных, советских и общественных организаций, посвященное вручению высокой награды.

С воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем К. У. Черненко.

На заседании тепло встреченный собравшимися выступил секретарь ЦК КПСС Н. И. Рыжков, который от имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР сердечно поздравил жителей города с наградой.

Н. И. Рыжков огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Улан-Удэ орденом Трудового Красного Знамени и под аплодисменты участников заседания прикрепил награду к знамени города.

С подъемом было принято приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу К. У. Черненко.

На снимке: во время вручения награды.

Фото В. Матвиевского (ТАСС)

логами открыто здание IV века новой эры, в котором жили римские императоры. И я спрашиваю Джурджицу Карич, как она относится к такой близости к Истории.

— По правде сказать, меня больше занимает сегодняшний день нашего города! — ответила она.— Ведь я уже двадцать три года работаю экономистом в статистическом управлении.

Джурджица была дома одна. Ее муж, преподаватель физкультуры в школе, уехал в горы с ребятами, а дочь-студентка — на Олимпийские игры в Сараево. Джурджица показала мне свой дом, и в одной из комнат я увидела на диване искусно вышитую крестом картину летнего леса.

— Это ваша работа или дочери?

— Да что вы, разве у меня или у дочки хватило бы терпения! Такой вышивкой по традиции в наших местах занимаются мужчины. Это работа мужа и, кстати, хорошее подспорье к его учительскому жалованью.

И в этом доме нет-нет, да и упоминалось о самом болезненном — о стоимости жизни, об инфляции, которая, несмотря на принимаемые меры, продолжает расти. Это действительно наболевший вопрос. В газете «Борба» в начале года была напечатана статья, в которой говорилось:

«Если за килограмм мяса надо заплатить сумму, равную суточному заработку рабочего, если зимние ботинки стоят пять-шесть суточных заработков рабочего, а расходы на электричество и отопление составляют примерно столько же, тогда неудивительно, что многие семьи едва сводят концы с концами, а значительное число семей не в состоянии покрыть самые необходимые расходы. Снижение жизненного уровня стали практически ощущать уже и семьи, где доходы превышают средний уровень. Расходы на жизнь с января по ноябрь прошлого года возросли на 48,9 процента. В Сербии также заработная плата не может угнаться за ростом цен, которые за 11 месяцев прошлого года возросли на 41,9 процента по сравнению с 1982 годом».

От Джурджицы Карич, хорошо владеющей статистическими данными, я узнала, что в городе около 38 тысяч жителей. Среди них больше шести тысяч безработных, причем почти половина — люди с дипломами вузов! А в общине живет свыше 85 тысяч жителей. Рабочие составляют почти четвертую часть. Крестьян в 1953 году было 60 процентов населения, а теперь их втрое меньше. Крестьяне прежде уходили из села в город. А нынче, когда жить в городе стало дорого, люди потянулись назад, на землю, которая может прокормить. Сейчас даже интеллигенция стремится жить в селах. В общине тридцать начальных и десять средних школ, где обучаются почти пятнадцать тысяч ребят.

— Особенность нашего края — Воеводины — маленькие семьи. Семьи с одним ребенком. Тут мы занимаем первое место по стране. Жизненный уровень тому причина. Женщины должны работать, а с кем оставить детей? Ясли, детские сады пока что проблема.

В доме Джурджицы я увидела много книг. Здесь были сербская классика, русские, английские, американские книги. И она огорчается, что в последние годы интерес к книгам, увы, падает.

— У нас на всю общину 13 библиотек. Одна в городе, остальные в селах, которых у нас 26. Зато телевизоров почти 20 тысяч и столько же радиоточек. Мы все гордимся, что за последние годы сделано много, очень много,— сказала она, прощаясь.— У нас и здесь, в Сремска-Митровице, появилась своя промышленность. Есть мясной комбинат, мебельная фабрика, сахарный завод, молочный комбинат. У нас есть хорошие планы дальнейшего развития, и я верю, они непременно осуществятся. Непременно!

СТЕВАН

Доктор Стеван Стойкович производит впечатление человека, который знает, чего он хочет в жизни, и умеет стойко переносить трудности. Фамилия удивительно к нему подходит. Он ироничен, немногословен, но едва чуть поближе узнаешь его и сразу видишь: самое главное в этом красивом человеке — безграничная доброта, любовь к людям. В городе он слывет не просто хорошим врачом, его называют: «Наш доктор Стева».

Москвичка в доме Стойковича — повод к заинтересованному разговору о русской литературе и советских фильмах, которые недавно были показаны по телевидению.

— «Вокзал для двоих» — это же прекрасный фильм о доброте русской женщины! — говорит он и с лукавой улыбкой сообщает, что его родной дядя, вернувшись с первой мировой войны, привез в деревню русскую жену Анастасию Ивановну Коневу. Она родила пятерых детей! Сейчас ей уже за восемьдесят перевалило, но говорит только по-русски.

От Стевы я узнала, что в городе работают несколько советских специалистов, которые принимают оборудование для своего предприятия, и один из них был его пациентом в глазном отделении, а коллега Стойковича ездил в Одессу в глазную клинику Филатова.

— Как видишь, я тоже связь с русскими не прерываю. А мечта у меня — побывать в Москве и встретиться со знаменитым профессором Федоровым. Ты слышала, конечно, о его уникальных операциях?

Я ответила, что «Огонек» одним из первых рассказал об этом человеке и с тех пор он в большой дружбе с нашим журналом. Стойкович расцвел улыбкой.

— Вот видишь, как удачно получается! Если приеду в Москву, «Огонек» сможет меня познакомить с Федоровым.

Слушая нашу беседу, баба Нада в раздумье произносит:

— И мне бы надо увидеть страну, где бывал мой отец. А что? Вот обзаведусь наконец красивыми новыми зубами и поеду...

Баба Нада относится к зятю с уважением:

— Он землю любит и умеет хорошо работать. Мы с ним вдвоем как пойдем косить, так я едва за ним поспеваю. А он идет себе легко, споровисто да покрикивает: «Не отставай!»

Стева родился и вырос в деревне неподалеку от этого города, но профессию свою выбрал не случайно. Это про таких, как он, говорят: «У него талант от бога!» Божица, влюбленно глядя на мужа, говорит: «Он у меня сельский врач!» «Отчего же сельский? Ведь он заведует глазным отделением городской больницы»,— думала я, а потом поняла, что имела в виду Божица. Рано, еще затемно, он спешил в свою больницу. Днем забежит на час-другой домой, перекусит, с дочками поболтает — и снова к больным. После ужина — туда же.

— Там у меня лежит бабуся после операции, и если я не приду погладить перед сном ее руку — нипочем не уснет!

Нагрузка у доктора Стойковича огромная. В день он принимает до сотни больных, а потом оперирует в больнице, где у него 30 коек. Я спросила, почему он работает один, где остальные врачи этого отделения. Одна вышла замуж и уехала, другой сбежал оттого, что ему не дали квартиры. А жить, снимая комнату, не позволяет скромная зарплата.

Когда Стева оканчивал медицинский факультет столичного университета, ему предлагали аспирантуру. Конечно, это было заманчиво, но в деревне остались старики родители: как их оставишь без помощи? Так он стал врачом в Сремска-Митровице.

...В Загреб мы так и не попали. В день нашего отъезда в Белград Стева Стойкович пошел нас проводить к поезду. Мы шли к вокзалу, и встречные, увидев его, расцветали улыбкой: «Здравствуй, Стева! Как дела?» Он отвечал шутками.

Мы пришли на вокзал, где опять-таки оказались пациенты доктора Стойковича.

— По-моему, Стева, ты самый популярный человек в Сремска-Митровице! — сказала я, и он, как всегда шутливо, ответил:

— Теперь, я надеюсь, в Советском Союзе наконец узнают, что в нашем городе есть две главные достопримечательности — античный музей и глазной врач Стева Стойкович!

Сремска-Митровица — Москва.

ТАНОВКА

Вещественные доказательства шпионской деятельности против ДРА одного из сотрудников посольства США в Кабуле, Ричарда Вандайвера.

Фото ТАСС

АФГАНИСТАН.

ФАЛЬСИФИКАТОРЫ

Абдулу Вахеду крупно не повезло: он потерял ногу, по неосторожности подорвавшись на собственной мине. На этом ратная карьера одного из участников бандитских формирований, действующих на территории Афганистана, вполне могла бы закончиться. И оставили бы Вахеда в покое, не попадись он на глаза некоему англичанину по имени Сэнди Гоул, который представился как киножурналист. Впрочем, в киножурналистскую личину новоявленного «друга» Вахед не верил ни минуты. И не без оснований.

В обмен на лечение и установку протеза Сэнди Гоул предложил оставшемуся не у дел душману принять участие в шумной антиафганской пропагандистской кампании. В Пешаваре он сдал Абдула Вахеда Майклу Берри, американскому гражданину, сотруднику ЦРУ США, организатору целого ряда аналогичных пропагандистских кампаний в западной печати.

Обо всем этом Абдул Вахед рассказал, уже будучи захваченным в плен народными вооруженными силами ДРА после разгрома бандитских формирований в долине Панджшир.

Гвоздем кампании фальсификаторов стало проведенное в столице Норвегии шоу с душманами в главных ролях, целью которого было во что бы то ни стало «доказать» применение химического оружия в Афганистане вооруженными силами ДРА и подразделениями советского ограниченного воинского контингента.

«Тексты всех моих заявлений на этой конференции,— сказал Абдул Вахед,— были подготовлены лично Майклом Берри. Нас было десять — представителей контрреволюционных афганских организаций. Наши фотографии были показаны по телевидению и опубликованы во многих газетах. Там и в последующих многочисленных интервью, подготовленных для меня еще одним агентом ЦРУ, Картером, у которого я гостил в Лондоне, мы наговорили очень много такого, что могло бы опорочить правительство ДРА, но чего не было в действительности. Так, большой сбыт нашли наши фотографии в противогазах на фоне мечетей. Эта фальшивка была сработана для того, чтобы провести идею о применении против нас химического оружия. Цель — получение дополнительного количества оружия и помощи от Запада...»

Эти свидетельства, равно как и другие им подобные, со всей очевидностью еще раз подтверждают, что за пропагандистской антиафганской кампанией, поднятой силами империализма, стоят ЦРУ и другие спецслужбы целого ряда западных стран. Но похоже, что и в Вашингтоне уже не делают из этого особого секрета. Действительно, трудно назвать войну «тайной», если многие миллионы долларов для ее ведения выделяются столь явно — решением палаты представителей конгресса США.

КРАХ ОПЕРАЦИИ «ФАКЕЛ»

ТВ

НА ГОЛУБОМ ЭКРАНЕ — НОВЫЙ ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ФИЛЬМ «ТАСС УПОЛНОМОЧЕН ЗАЯВИТЬ...»

Юрий КОРНИЛОВ, политический обозреватель ТАСС

...Гремит взрыв, яростные языки пламени охватывают мирное торговое судно, плывущее по бирюзовым водам одного из далеких южных морей. Звучит сигнал тревоги, стремительно сбегают по трапам моряки, пытающиеся потушить пожар, падает на пол раненый механик... Эти кадры кажутся хорошо знакомыми: давно ли советские люди с чувством возмущения и гнева читали сообщения о том, что американские спецслужбы, попирая общепризнанные нормы международного права, заминировали территориальные воды Никарагуа, и в результате был подорван советский танкер «Луганск»? Но на этот раз перед нами не кинодокумент. Перед нами первые кадры десятисерийного киносериала «ТАСС уполномочен заявить...», который подготовлен столичной киностудией имени М. Горького и премьера которого только что состоялась по советскому телевидению.

Кадр из фильма.

Новая кинолента — широкое политическое полотно, в котором затрагиваются важнейшие проблемы современности: проблемы войны и мира, борьбы народов за независимость, против угрозы ядерной бойни. Действие развертывается одновременно в разных странах, в столицах многих государств — в Москве и Вашингтоне, в Берлине и Луисбурге. В фильме, поставленном по сценарию Юлиана Семенова, занято более 50 актеров. В этом обширном, многогранном творческом ансамбле — народные артисты СССР В. Тихонов, М. Глузский и дебютантка Э. Зубкова, для которой работа в фильме стала первой пробой сил в кинематографе. Не нуждающиеся в представлении Ю. Соломин, Л. Куравлев, Ж. Прохоренко, В. Кикабидзе и молодые артисты, еще только завоевывающие позиции в киноискусстве. Но о каких бы актерах мы ни говорили, какой бы эпизод фильма ни вспомнили — каждый из них оставляет впечатление подлинности, достоверности.

И это, разумеется, не случайно. Хотя в титрах фильм назван художественным, лента носит отчетливо выраженный художественно-документальный характер. В ее основу положены реальные факты, действительные события. Более того, главные герои фильма, советские разведчики генерал Константинов (В. Тихонов) и полковник Славин (Ю. Соломин), во многом списаны с реально существующих людей, чье мужество и профессиональное мастерство позволили сорвать одну из наиболее коварных операций ЦРУ, направленную как против интересов государственной безопасности СССР, так и против одного из молодых государств, где победило национально - освободительное движение. Фильм, думается, во многом потому и вызвал столь большой интерес, что он буквально дышит подлинностью.

Известно: после того, как к власти в США пришла «команда Рейгана», подрывная деятельность американского «разведывательного сообщества», и прежде всего ЦРУ, приобрела небывалую интенсивность и беспрецедентные масштабы. Это по-своему закономерно: реакционные империалистические круги не могут смириться с тем, что колесо истории работает на социализм, на повсеместное утверждение принципов национальной свободы и социальной справедливости, и ЦРУ, как и Пентагон,— одно из главных орудий, пользуясь которым эти круги пытаются повернуть вспять ход мировых дел. Годовой бюджет ЦРУ, этой, по меткому выражению Ф. Кастро, «самой опасной мафии XX века», превышает, по данным зарубежной печати, 1,5 миллиарда долларов, штат его постоянных сотрудников составляет свыше 16 тысяч человек. Как констатирует осведомленный американский журнал «ЮС Ньюс энд Уорлд рипорт», «разведывательное сообщество» США осуществляет в настоящее время в различных странах свыше 50 широкомасштабных подрывных операций.

И хотя на географической карте мира нет африканской страны Нагония, народ которой, как явству-

НИКАРАГУА

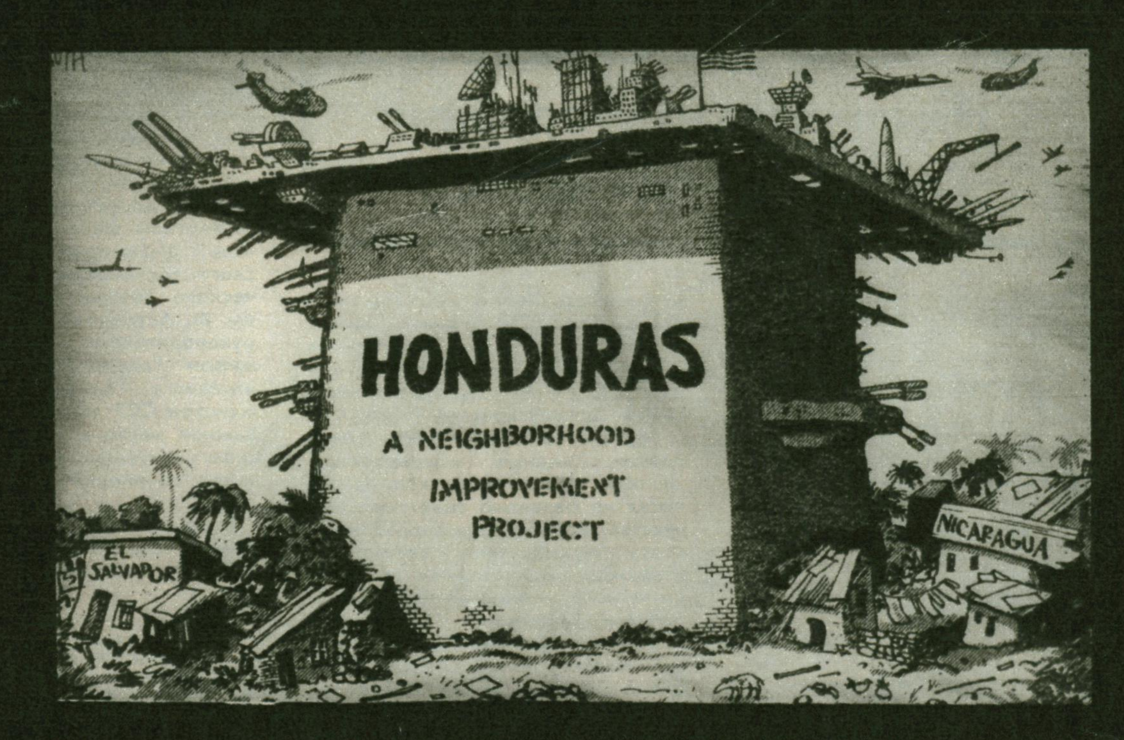
ВЫБОРЫ: КТО ПРОТИВ?

В трудной, напряженной обстановке идет народ Никарагуа к первым в истории своей страны подлинно демократическим, свободным выборам, которые должны состояться 4 ноября этого года. Непрекращающиеся вылазки «контрас», которых финансирует, вооружает и обучает Вашингтон, сделали ряд провинций этой маленькой страны буквально полем боя. Именно сейчас, в преддверии выборов, действия контрреволюции приобрели наиболее ожесточенный, масштабный характер.

Одновременно президент Рейган дал толчок новой клеветнической антиникарагуанской кампании, распространяя измышления о «превращении Никарагуа в советскую базу». Правительство молодой республики с полным на то основанием рассматривает эту огульную ложь как попытку оправдать готовящуюся военную интервенцию США против Никарагуа.

Как заявил глава никарагуанского государства и кандидат от Сандинистского фронта национального освобождения на пост президента Даниэль Ортега, «рейгановская администрация пытается не допустить выборы в Никарагуа... Он (Рейган) по-настоящему заинтересован в том, чтобы сделать наши выборы неэффективными».

Как сообщил высший избирательный совет, для участия в выборах уже зарегистрировались 1400 тысяч человек — гораздо больше, чем предполагалось вначале. В течение последних недель в стране прошли многочисленные митинги, в ходе которых никарагуанцы заявили о решимости отдать свои голоса за кандидатов СФНО и, если понадобится, с оружием в руках отразить новые агрессивные акции, планы которых вынашивает администрация Рейгана.

Граничащий с Никарагуа и Сальвадором Гондурас все в большей степени превращается в военный плацдарм США для провокационных вылазок против Никарагуа и подавления освободительной борьбы патриотов Сальвадора.

Надпись гласит: «Проект улучшения добрососедских отношений».

Карикатура из газеты «Бостон глоб»

ет из фильма, избрал прогрессивный путь развития, и против которой плетется заговор в вашингтонских верхах, финал «ТАСС уполномочен заявить...» сделан так, что, наблюдая за напряженным, подчас трагическим развитием действия, мы невольно вспоминаем о событиях, происходивших (да и происходящих в наши дни) в реально существующих государствах. Это ведь те же враждебные миру силы, которые хотят помешать прогрессивному развитию Нагонии, которые пытались «вбомбить в каменный век» Вьетнам. Это они развязали и ведут ожесточенную «необъявленную войну» против революционного Афганистана и суверенной Никарагуа. Это они, действуя заодно со штурмовиками от сионизма, стремятся установить угодные Вашингтону порядки на земле многострадального Ливана. Это они «готовили почву» для гангстерского похода американских морских пехотинцев против маленькой Гренады...

Да, среди прогрессивных политических и общественных деятелей разных стран, которые по тем или иным причинам «неугодны» Вашингтону, нет премьер-министра Нагонии Джорджа Грисо, которого ЦРУ, как явствует из фильма, намерено сбросить путем контрреволюционного путча. Однако фильм еще раз напоминает, что террор действительно возведен ныне Вашингтоном в ранг государственной политики, а заговоры и политические убийства прочно взяты на вооружение заокеанскими претендентами на мировое господство. Разве мир забыл, как зверски расправились ЦРУ и его наемники с президентом Чили С. Альенде и национальным героем Конго П. Лумумбой?

Одна из сюжетных линий фильма заключается в том, что, как устанавливают советские разведчики, автор спланированной ЦРУ террористической операции «Факел» Дж. Глэбб оказывается по крови и по духу связанным с фашистским военным преступником. Вымысел автора? Нет! И дело не только в том, что США, как известно, стали настоящим прибежищем нацистских изуверов, которые под патронажем ЦРУ более чем вольготно чувствуют себя на «свободной» американской земле. В то время как из Вашингтона изливается нескончаемый поток риторики о приверженности США принципам некоей «международной морали» и «делу прав человека», определенные круги США все более открыто действуют на международной арене как прямые наследники фашизма. В фильме мы видим, например, как заокеанские «рыцари плаща и кинжала» перебрасывают своему агенту в СССР ампулы с ядом, чтобы убивать ни в чем не повинных людей. А ведь это тоже не авторский вымысел: так оно и было на самом деле...

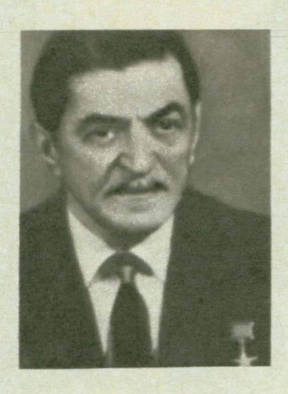
Небывало острая, бескомпромиссная борьба между силами войны и мира, прогресса и махровой империалистической реакции идет сегодня на международной арене, и фильм «ТАСС уполномочен заявить...» позволяет увидеть один из участков этой борьбы. Заслуга создателей фильма не только в том, что они сумели показать, какой он сильный, жестокий, коварный — наш враг. Не менее важно, что они создали живые, достоверные образы тех, кто смело вступает в поединок с этим врагом и успешно противодействует его замыслам. «Для зрителей, возможно, будет неожиданным, что картина лишена привычных аксессуаров детектива,— заявил в одном из интервью режиссер-постановщик фильма В. Фокин.— Наш фильм — о «мозговом центре» контрразведки, о тех, кто безукоризненно точно вычислил и рассчитал операцию, скорее о борьбе интеллектов, нежели разведывательных методов, техники, мускулов. Но эта дуэль интеллектов, думается, не менее интересна».

«Чекистская тема» — одна из тех, которые, особенно в последние годы, практически постоянно присутствуют на нашем кино- и телеэкране. Новый фильм — это, естественно, и новые полнокровные образы героев, не повторяющие тех, которые были созданы прежде. Однако фильм убеждает, что есть, бесспорно, нечто общее, что роднит, объединяет генерала Константинова и полковника Славина с легендарными чекистами первых революционных лет и с прославленными разведчиками военной поры. Это общее — беззаветная преданность Родине, глубочайшая убежденность в правоте своего дела, чувство высокой ответственности за судьбы мира, верность долгу, готовность к самопожертвованию.

И вот еще о чем хотелось бы сказать. Фабула фильма, носящего, повторяем, художественно-документальный характер, отличается не только динамичностью, но и определенной сложностью, ибо в картине идет речь о судьбах многих и очень разных людей, на иных из которых (как это было и в жизни) в силу стечения обстоятельств падает подозрение в измене Родине. Создатели фильма, следуя жизненной правде, не обходят «острые углы», не замалчивают сложные и щекотливые ситуации. Но фильм убедительно свидетельствует: в словаре, характеризующем работу советских чекистов, решительность, смелость, высочайшее профессиональное мастерство стоят в одном ряду с такими понятиями, как деликатность, такт, забота о добром имени любого советского человека, который волею судеб оказался ввергнутым в водоворот событий. «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками»,— говорил Ф. Э. Дзержинский. Советские чекисты верны этому завету.

В то время когда съемки фильма «ТАСС уполномочен заявить...» подходили к концу, президент США Р. Рейган, выступая в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, с особым усердием рекламировал деятельность этого ведомства кровавых дел, еще и еще раз подтверждая, что вашингтонские «крестоносцы» намерены и впредь делать все, чтобы с помощью террора, провокаций, диверсий попытаться «демонтировать» социализм, «потеснить» силы мира и прогресса. Надо ли говорить, сколь злободневно, актуально звучит в сегодняшнем накаленном мире правдивый и художественно яркий рассказ о том, какую угрозу народам несет подрывная деятельность ЦРУ — одного из главных орудий экспорта контрреволюции? Телефильм «ТАСС уполномочен заявить...» не только рассказ о подвиге советских чекистов, чьи подлинные имена, к сожалению, еще не пришло время называть. Это и призыв к бдительности. Во имя мира, во имя свободы!

Ниязи Зульфугарович Тагизаде-Гаджибеков

Советская музыкальная культура понесла тяжелую утрату. На 72-м году жизни скончался выдающийся советский композитор и дирижер, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и Азербайджанской ССР Тагизаде-Гаджибеков Ниязи Зульфугарович (Ниязи).

Верный сын Коммунистической партии, видный общественный деятель, Ниязи всю свою жизнь посвятил развитию советского искусства, борьбе за высокую идейность музыкального творчества, утверждению принципов социалистического интернационализма.

Ниязи родился в 1912 году в г. Тбилиси. Он был наделен ярким многогранным талантом. Его опера «Хосров и Ширин», балет «Читра», музыкальная композиция «Цветы одного сада», посвященная расцвету социалистического Азербайджана, симфонические произведения, музыка к драматическим спектаклям и кинофильмам завоевали широкое общественное признание.

С именем Ниязи во многом связаны достижения советской дирижерской школы. Он был главным дирижером Азербайджанского государственного академического театра оперы и балета им. М. Ахундова, художественным руководителем и главным дирижером Государственного симфонического оркестра Азербайджанской ССР им. У. Гаджибекова. Важное место в его исполнительском искусстве занимала пропаганда сочинений советских авторов.

Ниязи много сил и энергии отдавал общественной деятельности. Он избирался делегатом XXVI съезда КПСС, являлся депутатом Верховного Совета СССР, был членом правления Союза композиторов СССР.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги Н. З. Тагизаде-Гаджибекова. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, присуждены государственные премии СССР и Азербайджанской ССР, международная премия им. Дж. Неру. Он награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета».

Художник-коммунист, патриот Ниязи Зульфугарович Тагизаде-Гаджибеков весь свой талант посвятил служению народу, партии, Родине.

Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, М. В. Зимянин, Б. И. Стукалин, В. Ф. Шауро, С. Г. Лапин, Ф. Т. Ермаш, Т. Н. Хренников, К. М. Багиров, К. А. Халилов, Г. Н. Сеидов, В. Н. Коновалов, Р. Э. Мехтиев, Г. Г. Алмасзаде, Ю. Я. Барабаш, Р. М. Бейбутов, Р. С. Гаджиев, В. Б. Дударова, М. А. Ибрагимов, Г. А. Иванов, Д. Б. Кабалевский, Д. Г. Китаенко, А. Д. Меликов, Е. А. Мравинский, М. В. Пашков, Г. Н. Рождественский, Е. Ф. Светланов, Ю. Х. Темирканов, З. П. Туманова, В. И. Федосеев, Р. К. Щедрин.

МОЛОТОБОЕЦ

Метателей молота иногда называют «молотобойцами», хотя их семикилограммовый спортивный снаряд — металлический шар на длинной проволочной ручке — на рабочий молот совсем не похож. И все же в этом прозвище есть свой смысл: метатели молота — поистине рабочая гвардия легкой атлетики; только огромный повседневный труд дает возможность спаять воедино силу штангиста и скорость спринтера, без этих двух, казалось бы, диаметрально противоположных атлетических качеств метателю невозможно добиться успеха.

И вот перед нами победитель. Его зовут Юрий Седых.

Кто же такой Юрий Седых? Почему именно его мы решили поместить на обложке журнала, который выходит в День физкультурника? Потому что наш замечательный спортсмен — плоть от плоти физкультурного движения, получившего такой огромный размах в нашей стране.

Когда в знойный июльский день двенадцатилетний мальчишка выскочил на футбольное поле никопольского стадиона в погоне за мячом и чуть-чуть не угодил под летящий молот, мог ли предположить тренер детско-юношеской школы Владимир Воловик, что ему в руки попал будущий двукратный олимпийский чемпион, чемпион Европы, четырехкратный рекордсмен мира. Воловик схватил мальчишку, чтобы уберечь его от столкновения со стальным шаром, и вовсе не собирался делать из него молотобойца, но мальчик сам решил испытать свои силы в метании молота. И вот через пять лет занятий с Воловиком молот семнадцатилетнего юноши уже приблизился к черте 63 метра. А поступив в Киевский институт физкультуры, Юрий Седых стал учеником чемпиона Мюнхенской Олимпиады, двукратного рекордсмена мира Анатолия Бондарчука.

Удивительно сплетение этих двух спортивных судеб. В 1963 году, когда Седых впервые попытался запустить в воздух молот, Бондарчук уже был близок к своей первой большой победе: на международных соревнованиях в Париже он победил венгра Дьюлу Живоцки, будущего чемпиона мексиканской Олимпиады. А в 1972 году, когда Анатолий Бондарчук добился победы на Олимпиаде в Мюнхене, Седых стал его учеником, с тем, чтобы через четыре года на Олимпийских играх в Монреале самому подняться на высшую ступень пьедестала почета. И рядом с ним на двух других ступенях заняли места Алексей Спиридонов и тридцатишестилетний Анатолий Бондарчук.

Выступление Бондарчука в Монреале было последним, после этого он все свои силы отдал тренерской работе, и вот на Московской Олимпиаде его лучший ученик Юрий Седых снова завоевал золотую медаль, и снова вместе с ним на пьедестал почета поднялись два советских молотобойца: Сергей Литвинов и Юрий Тамм.

Сергей Литвинов, так же как Юрий Седых, начал увлекаться спортом в школе, так же, как Седых, встретился с опытным тренером (его учителем стал Игорь Тимашков) на футбольном поле, так же, как Седых, Литвинов упорно и долго постигал секреты сложной техники метания молота. И вот еще за год до Олимпийских игр в Москве прозвучало его имя: он стал победителем VII Спартакиады народов СССР, дважды устанавливал мировые рекорды, а на Спартакиаде в 1983 году установил свой третий мировой рекорд, равный 84 метрам 14 сантиметрам. Казалось, он надолго стал лидером, завоевав еще и первенство мира, но Юрий Седых не сдался, и, когда два советских молотобойца в июле нынешнего года вошли в стартовый круг в ирландском городе Корке, их встреча стала мировой сенсацией. Еще никогда в славной истории легкой атлетики не разгоралась столь яркая и столь эффективная борьба. Это был поистине спор спортивных титанов. Шесть раз молот улетал за рекордный флажок. Сергею Литвинову удалось ровно на метр улучшить свой прошлогодний бросок, но Седых побил прежний рекорд Литвинова на 2 метра 20 сантиметров...

Так из массовых физкультурных глубин поднимаются все новые и новые выдающиеся атлеты, радуя нас своей силой, своим мастерством.

В. ВИКТОРОВ

Неизвестный художник. ПОРТРЕТ П. И. КОВАЛЕВОЙ-ЖЕМЧУГОВОЙ. Кон. XVIII — нач. XIX вв.

Всесоюзная выставка «Реставрация музейных ценностей в СССР».
Останкинский дворец-музей творчества крепостных.

Ф. Бруни. 1799—1875. ВАКХАНКА, ПОЯЩАЯ АМУРА. 1828 г.

Всесоюзная выставка «Реставрация музейных ценностей в СССР».
Государственная Третьяковская галерея.

школа: сегодня и завтра

Заводской пропуск

Галина **КУЛИКОВСКАЯ**,
специальный корреспондент «Огонька»

Учебному цеху на заводе «Электроавтоматика» в Йошкар-Оле двадцать один год. Столько же времени возглавляет его Евгений Тимофеевич Никудимов, заслуженный учитель школы Марийской АССР, отличник просвещения СССР, «по образованию историк, по профессии слесарь», как он сам представляет себя. В годы войны четырнадцатилетним уже слесарил на оборонном заводе. После Победы работал сборщиком в экспериментальном цехе и мечтал о вузе. Поступил в пединститут на истфак. По окончании — средняя школа. Он преподавал в ней не только историю, но и машиноведение, слесарное и автодело. В нем счастливо сочетались теория и практика, педагогика и мастерство. Словом, более подходящую кандидатуру на начальника цеха трудно найти.

Крепкий, едва тронутый сединой в свои пятьдесят шесть лет, он легок и быстр в ходьбе — едва поспеваем за ним по крутым ступеням на пятый этаж, где расположен учебный цех. Площадь его пятьсот квадратных метров. 72 рабочих места.

— Мы,— рассказывает Никудимов,— главным образом работаем на «Таир», электробритву, она единственная из всех выпускаемых в стране может питаться от сети и от батарейки. То, что делается в нашем цехе, не дублируется в других, то есть мы непосредственно работаем на план... А вот наши классы и участки,— открывает он двери.

На механическом светло, чисто и зелено от фикусов и пальм. Напротив, по другую сторону коридора, монтажный участок. О, тут девичье царство! Впрочем, и ребят в белых халатах здесь немало.

Учебный цех зарекомендовал себя на заводе поставщиком высококачественных изделий — 96 процентов продукции идет с первого предъявления. Мастера с самого начала стремятся привить ученикам и высокое чувство материальной ответственности.

— Эти девятиклассники, которые работают сейчас, занимались по четвергам в течение года, приобрели опыт,— поясняет Евгений Тимофеевич.— У нас, как и в производственных цехах, бригады с единым нарядом и с заводскими расценками, конечно, с корректировкой для учеников. Один нормо-час на операции резки шнура к бритвам стоит, например, 50 копеек, пайки плат — один рубль. Контролеры тщательно проверяют работу каждого и ставят оценки по пятибалльной системе. В конце месяца подводятся итоги соревнования между бригадами. Набравшей наибольшее количество очков вручается в качестве поощрения хорошая книга. Часть ребят, которым исполнилось шестнадцать лет, направляем во время летней практики в основные цеха.

Никудимов повел нас в механосборочный цех, познакомил с Людой Киртаевой из школы № 17. Люда участвует в сборке блока питания трансформатора бритвы. Операция совсем непростая. Но девушка справляется успешно и соседок, взрослых и даже немолодых работниц, не подводит. Ею довольны. А она сама?

— Конечно! Очень нравится работа... Нет, не надоедает одно и то же, через некоторое время мы меняемся местами.

— Скажу вам больше,— дополняет короткий диалог с Людой начальник учебного цеха.— Пройдет месяц обязательной производственной практики, и некоторые ученики снова придут в цеха. По своей доброй охоте, заметьте. Так было в прошлом году с Русланом Ериным. Он почти все лето, будучи восьмиклассником, проработал на заводе. Видели бы вы, какой гордостью светились его глаза, когда он степенно отошел от заводской кассы со своей первой в жизни зарплатой!

— А как смотрят на это родители?

— Спросите сами хотя бы маму того же Руслана. Вчера она приходила ко мне, просила за сына, чтоб ему разрешили и в это лето поработать. Заводу это тоже выгодно, особенно когда рабочие уходят в отпуска.

Сания Тагировна Ерина, монтажница сборочного цеха № 5, подтвердила:

— Я на заводе уже четырнадцать лет. Мы собираем прибор «СК-4» высокой чувствительности. Мастер, Александра Яковлевна Жуковская, посадила сына на главный конвейер, в бригаду. И Руслан очень гордится этим... Когда же он отдыхал? Да две недели после экзаменов.

— Нельзя ли было бы проследить более отдаленные, так сказать, результаты трудового обучения в учебном цехе? — обратилась я к Евгению Тимофеевичу.

— Пожалуйста. За двадцать лет через наш цех прошло шесть тысяч старшеклассников. Есть среди них теперь кандидаты наук и знатные рабочие, инженеры и преподаватели по труду. В соседнем с нами цехе работает, например, токарь Леонид Вотяков. Он учился в школе № 11. Авторитетным стал человеком. Секретарь комсомольской организации, член партии. Один из первых наших выпускников, Юрий Васильевич Малышев, учился у нас на токаря. Недавно назначили начальником нового цеха. Бастриков и Чигирева поступили в политехнический институт, став инженерами, вернулись на завод.

Ирина Чигирева очень молода, всего-то двадцать три года. Но уже инженер весьма современного отдела на «Электроавтоматике» — отдела автоматизации и проектирования технологических процессов! Вопрос к ней прямой: «Что дал вам этот учебный цех?» Ответ был неожиданным:

— Нас, девчонок, непременно готовили на монтажниц. Работа та, что полегче. А мне ставить проводочки и пластиночки было неинтересно. Мне очень хотелось на механический участок, к настоящему токарному или фрезерному станку. Так и не доверил мастер. В институте я очень сожалела, что не хватило у меня характера, надо было добиться, чтоб разрешили. Я все-таки поступила на факультет технологии машиностроения. И мне просто необходимо было знать станки и инструменты.

Этот же факультет кончал годами раньше и Евгений Бастриков. И у него нашлись замечания к занятиям в учебном цехе. Его «допускали» к станкам и слесарному верстаку, но он считает, что производственной практики было мало, особенно для человека, избравшего это дело своей профессией.

Мой пересказ беседы с молодыми специалистами вызвал поначалу замешательство Евгения Тимофеевича:

— Вы же видели Чигиреву. Она и сейчас тоненькая и хрупкая, а шесть лет назад совсем была соломинка. Как же можно было ее к токарному ставить? — Но мнение Бастринова его приободрило:— Согласен с ним полностью. Больше часов в неделю надо отводить на школьную практику в течение всего учебного года! И еще. Пример Руслана и его товарищей говорит о том, что надо раньше, с восьмого класса, привлекать учеников к производственной практике. Тут дело не только в приобщении к конкретному общественно полезному труду, но и к рабочему коллективу.

А что думает об учебном цехе школа? Хотя бы та, 26-я, чьи ребята стоят сейчас за станками и сидят на сборке?

Тепло, с любовью отзывается об учебном цехе Валентина Михайловна Шестакова:

— Хорошо поставлена производственная практика на «Электроавтоматике». Высокая дисциплина и организованность, прекрасные мастера, умеющие с первых месяцев учебного года увлечь ребят. И это меня, как педагога, радует больше всего. Вот вам пример. Декабрь. Начались зимние каникулы. Но на заводе трудно: конец года. Надо вытягивать план. Комитет комсомола обращается к нам. Я иду к девятиклассникам не без опаски: «Что скажут?» Осторожно завожу разговор. А они, оказывается, уже в курсе дела: «Мы же решили, с завтрашнего дня идем в цеха». Именно там, в цехах, уточняют они свою дорогу в жизни.

— Есть ли желающие остаться работать на «Электроавтоматике»?

Не сразу ответила директор школы:

— В прошлом году было трое, сколько будет в этом — трудно сказать. Осень покажет...

Подобный вопрос мы задали и главному инженеру «Электроавтоматики» Николаю Степановичу Черноусову, присовокупив еще фразу о том, рентабельно ли предприятию содержать учебный цех, если только единицы из прошедших практику на заводе классов вливаются в коллектив?

— Прежде всего должен сказать, что считаю ваш вопрос некорректным,— не без улыбки парировал главный инженер.— Мы выполняем государственное задание, готовим кадры не только для себя — для всего города. Теперь давайте поговорим о рентабельности. Учебный цех дает товарной продукции на 200 тысяч рублей, а содержание штата цеха — в нем всего девять человек — составляет 15 тысяч триста рублей в год, или семь процентов. Так есть нам прямая выгода от такого цеха или нет? Пошли дальше. Прибавьте к единицам, о которых упоминали, тех (а их не единицы — десятки), кто приходит на завод с учебных участков других предприятий города. Имеет значение место жительства, сама работа и, наконец, наличие жилья.

— А формирование трудовых династий?— пришла подмога главному инженеру в лице заведующего гороно Ивана Александровича Козярчука.— Замечено, что дети идут охотнее туда, где трудятся родители. Вот та же Чигирева, с которой вы познакомились. Ее же отец работает у вас на заводе. И Руслан Ерин... Это закономерный процесс, и мы его всячески поддерживаем. Что же касается общей картины по Йошкар-Оле, то она такова: 46 процентов выпускников прошлого, 1983, года пошли работать на предприятия и поступили в учебные заведения по профилю трудового обучения.

Тут уместно воспользоваться данными, предоставленными нам Екатериной Федоровной Артюшовой, министром просвещения Марийской АССР. Недавно она делала доклад по этим вопросам в Москве, на коллегии Министерства просвещения РСФСР. На предприятиях республики создано восемь учебных цехов и участков на несколько сот рабочих мест. В этом году откроются новые в Козьмодемьянске, Звенигове, в поселке Юрино, в самой Йошкар-Оле. В перспективе их будет еще больше.

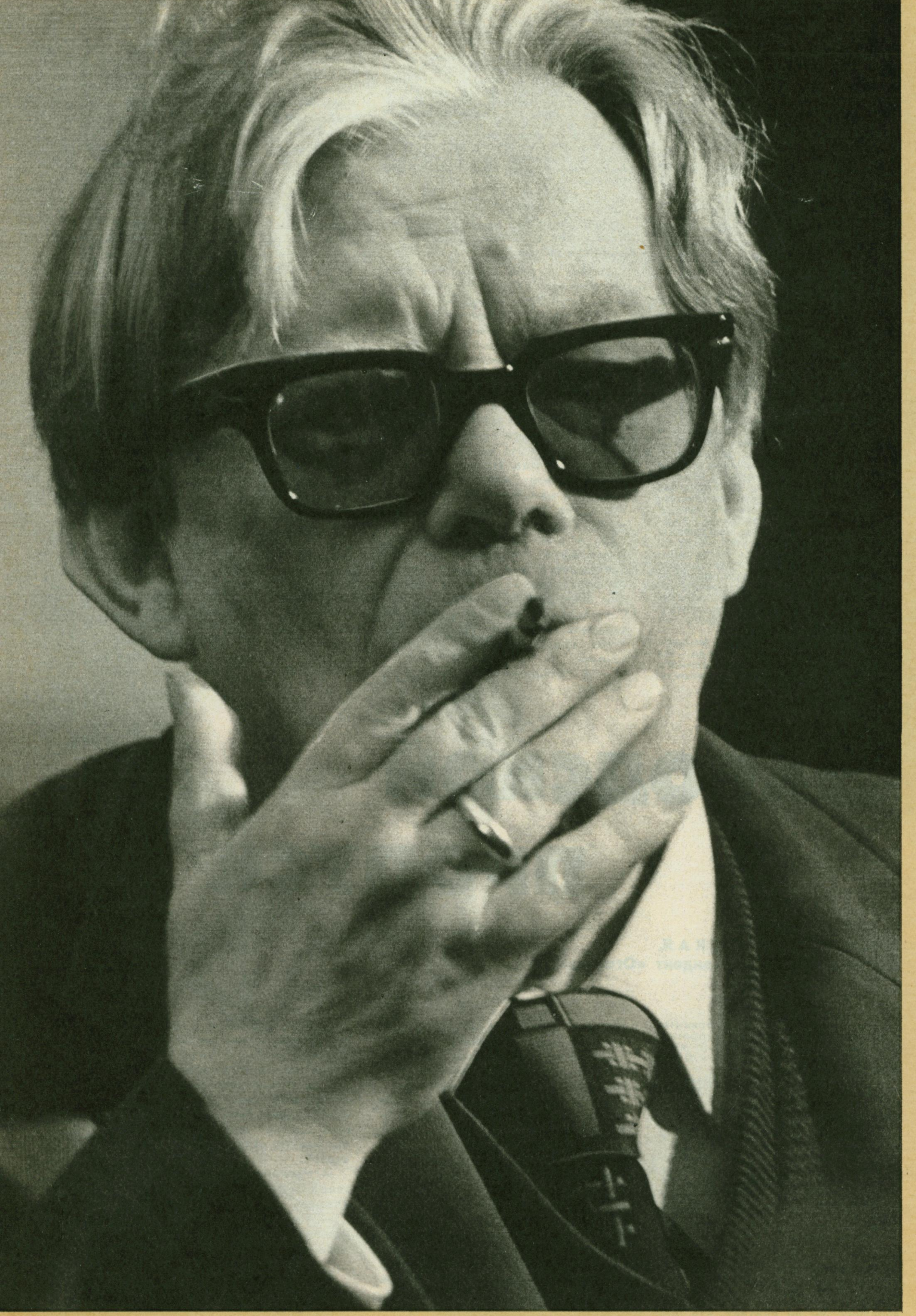
Мы уже собирались расставаться с Н. С. Черноусовым и самим заводом, но вдруг разговор наш приобрел острый характер.

— Вы упомянули, Николай Степанович, о затратах, идущих на содержание штата учебного цеха,— заговорил хранивший до сих пор молчание Е. Т. Никудимов.— А ведь придется их увеличивать! Педагогам и мастерам производственного обучения увеличиваются оклады, а как же будет с мастерами учебного цеха? Немалого труда стоило их подобрать. Человек не только должен знать дело, но и иметь еще влечение души к молодежи, быть для нее примером высокой нравственности. Как бы мне не остаться одному на заставе?..

— Увеличивать не будем,— твердо, уже без улыбки ответил главный.

— Но это же не выход из положения,— стоял на своем начальник учебного цеха.

Разумеется, добавим от себя, не выход. Его еще надо искать и предприятиям и министерству просвещения, и не только в Йошкар-Оле. Учебные цеха и участки на базе заводов и комбинатов — важное звено в воспитании нового поколения людей, и все возникающие в ходе их утверждения проблемы надо решать оперативно. Надо полагать, что они найдут отражение в Положении о базовом предприятии школы, готовящемся к выходу в свет.

Николай Николаевич Боголюбов.

ДО САМОЙ СУТИ...

Академик
А. А. ЛОГУНОВ,
вице-президент АН СССР,
Герой Социалистического Труда

Каждый ученый, а точнее, каждый человек, до определенного возраста как бы движется от учителя к учителю. Среди них рано или поздно встречается и тот, кто играет поворотную роль в формировании твоего мировоззрения, подхода к миру, видения его. Для меня таким учителем стал Николай Николаевич Боголюбов. Он удивительно просто решает сложнейшие проблемы, к которым до него никто и подступиться не мог. Скажем, как объяснить проблемы сверхтекучести с позиций квантовой механики? Идей и теорий на этот счет хватало: ведь ею занимались Ландау, Тиссе и многие другие крупные физики. Но мой учитель создал теорию, вошедшую во все учебники мира, пришел к цели точно, изящно и удивительно красиво. При этом он глубоко проник в сущность явления.

Или возьмите теорию сверхпроводимости. Она построена Боголюбовым удивительно точно и окончательно, хотя это явление ведь не могли понять в течение почти полувека. И излагается теория в учебниках так, как впервые это сделал Боголюбов. Вот такое поразительное умение не только решить проблему, но и найти наиболее простое и адекватное ей описание — наиболее характерная особенность творчества Боголюбова.

Лидер в науке—это тот, кто определяет цель, намечает пути ее достижения. В любой области знания он определяется богатством идей, которые преображают, революционизируют ту или иную область науки в целом. Лидер должен суметь охватить огромное количество материала и рассечь его! Выделить то самое главное, которое необходимо осветить светом сознания, чтобы осуществить прорыв к ясности. Именно эти качества наиболее ярко и полно проявляются в стиле работы Николая Николаевича, его характера как человека и ученого.

Николаю Николаевичу Боголюбову, одному из крупнейших ученых современности, исполняется 75 лет.

Академик Н. Н. Боголюбов дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда, он лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, академик-секретарь отделения математики АН СССР, директор крупнейшего научного центра — Объединенного института ядерных исследований в Дубне. Накануне юбилея ученого мы попросили рассказать о нем двух из его учеников разных поколений.

СЛОВО

О чем идет этот разговор на зеленой улице Дубны! Вице-президенту АН СССР академику А. А. Логунову и директору Института ядерных исследований АН СССР академику АН Грузии А. Н. Тавхелидзе по-прежнему во всем важно мнение их учителя.

На семинаре в пылу спора.

Фото Юрия ТУМАНОВА

ОБ УЧИТЕЛЕ

Дома, с женой Евгенией Александровной и сыновьями.

ЩЕДРОСТЬ

А. Н. СИСАКЯН,
доктор физико-математических наук,
главный ученый-секретарь ОИЯИ,
лауреат премии Ленинского комсомола

Однажды Николаю Николаевичу задали вопрос: «А чем вы занимаетесь в свободное время?» — на что он ответил: «В свободное время я тоже занимаюсь наукой. Наука — главная и единственная цель в моей жизни...» А потом, подумав, добавил: «Но выкраиваю время и для чтения художественной литературы. Люблю читать классиков, исторические книги. Какими языками владею? Украинским, польским, английским, французским, немецким, итальянским, испанским...»

Я часто думаю: как ему на все хватает времени? Говорят, что в свое время за рубежом некоторые специалисты были всерьез убеждены, что в науке работают несколько Боголюбовых, каждый из которых является корифеем в своей области. Согласитесь, что для одного ученого это многовато: преобразование Боголюбова, принцип микропричинности Боголюбова, аксиоматический метод Боголюбова, неравенство Гиббса—Боголюбова, теорема Боголюбова... Это неполный перечень понятных только для специалистов терминов, появление которых обозначило целую эпоху в развитии современных представлений физики и математики.

Он начал свою научную работу в 13 лет в семинаре академика Н. М. Крылова. В 15 лет была опубликована первая статья. В 20 лет пришла известность — он получает международную премию академии Болоньи, а меньше чем через год становится доктором наук...

Николай Николаевич постоянно и внимательно следит за научной молодежью, способствуя раннему созреванию молодых талантов, быстрейшему становлению и формированию их научной самостоятельности. Он считает, что успех в науке приходит только в результате тяжелого и каждодневного труда, полного сомнений и неудач, порой без всякой отдачи.

У нашего учителя свой стиль общения с учениками, и главная черта этого стиля — доброжелательность и уважение к труду.

Работа в Дубне связывает Николая Николаевича с академиком Бруно Максимовичем Понтекорво.

Присуждение Н. Н. Боголюбову почетной степени доктора Варшавского университета. 1977 г. (Фотоархив ОИЯИ).

«А если попробовать посмотреть так!» — спрашивает профессор из США Янг.

Ия МЕСХИ,
собкор «Огонька»

АТАКА НА ДЕФИЦИТ

Товары народного потребления (сокращенно ТНП) — вот они, разложены под стеклянными колпаками в большом павильоне Выставки достижений народного хозяйства Грузинской ССР. Но увы — это не из области достижений. Напротив, павильон демонстрирует то, чего в республике нет. Или есть, но в мизерном количестве.

●

Показывают образцы. И тут глаза разбегаются. Не на все, конечно. Например, лично меня совершенно не волнует гусятница, поскольку не делаю я мужу на обед гусей. Но кто-то готовит! А вот нужные всем маникюрные ножницы: сколько лет мы не видели их в Тбилиси! Пользуемся ножницами только что не портняжными, если не сохранились старенькие, бабушкины. Или, скажем, чудо кухонной техники — электромясорубка. Конечно, можно порубить мясо вручную. Но почему? Редко увидишь в магазине приличный нож и вилку, мало хороших сковородок, кастрюль, нет тесьмы, щеток. Знаете, сколько всяких «нет»? Более полутора тысяч. И это не все. Это лишь то, что пока удалось выявить и установить.

Но для чего же этот парад? Разве в торговых верхах республики нет перечня недостающих товаров? Есть перечень. Но, естественно, на бумаге, в папке. А тут, в павильоне, все в натуральном виде. Конечно, ходить и глазеть на то, что приобрести не можешь, совершенно ни к чему. Да и хозяйка павильона Лина Дмитриевна Деркина, женщина, по всему видно, с характером, так считает. Зато она всяческими способами заводит в павильон руководителей промышленных предприятий. Вот, мол, посмотри на изделия (к каждому есть свой паспорт), подумай, что можно производить на твоем комбинате (заводе, фабрике). У тебя же сколько (и каких!) отходов. Если чего-то не хватает — материалов или оснастки,— поможем, поищем партнеров. Определим потребность рынка. Заключим договор, который гарантирует (заметьте, га-ран-ти-ру-ет!) реализацию. И, давай, делай эту штуку!..

Ох, до чего же неохота некоторым директорам предприятий связываться с ТНП! Понятно, своя основная продукция, свой план — привычные заботы, и, к слову, немалые. А тут еще товары, спрос, конъюнктура...

Многие помнят свой печальный опыт, когда пытались что-то делать из отходов, а торговля не брала. Может быть, потому и не брала, что вовремя не спросили ее: нужно ли это рынку?

Мы весьма усиленно специализируемся, отпочковываемся, выделяемся, расщепляемся и ветвимся на все большее количество ведомств, комитетов, контор, НИИ, КБ и даже министерств. И, наверное, приходит такое время, когда ветви так далеко удаляются друг от друга, что с одной до другой трудно не только дотянуться, а и доаукаться. И надо их собирать в пучок, приближать, перевязывать, чтоб они снова понимали друг друга и действовали в согласии, ибо от одного древа произрастают. На управленческом языке это называется координацией.

...Присутствую на работе одного такого координирующего сообщества, самого высокого и компетентного в республике. Это Комиссия при ЦК КП Грузии по перспективам развития производства товаров народного потребления. Возглавляет комиссию и ведет сегодняшнее заседание секретарь ЦК Солико Евтихиевич Хабеишвили. Члены комиссии — представители республиканского Совмина, отдела ЦК, руководители министерств, Госплана, ЦСУ, Госснаба, Госкомцен, Госстандарта. Все первые или вторые лица. Слушают два министерства: деревообрабатывающей промышленности и промышленности стройматериалов,— как у них с ТНП?

И в прошлом году существовала такая комиссия, только собиралась она не в павильоне. Павильона тогда не было. Какая же разница, где собираться, спросите вы. Но нет, одно дело в канцелярских стенах, другое — в присутствии образцов, взирающих на вас с молчаливым укором и невысказанной надеждой. И вот уже на импровизированном прилавке показывают свои новые разработки предприятия Минместпрома и Минлегпрома. Все это до начала заседания рассматривалось, ощупывалось, подвергалось критике или одобрению. Живая, непосредственная атмосфера, обмен мнениями, убийственные приговоры. Похоже, что министры на какое-то время забывают о своих креслах...

Честное слово — хорошо!

Комиссии предъявляются 28 образцов с 12 предприятий республики, которые до сего времени не занимались переработкой отходов основного производства. Говорится, какая на тот или иной товар предлагается цена. Называется цифра выявленной годовой потребности. Представитель предприятия демонстрирует изделие. Ну, например (из того, что запомнилось), красивое детское одеяльце, набор игрушечной мебели, водоэмульсионный клей, отделочная лента — мечта портних; портативный электронасос... Шумную реакцию вызывает придумка авчальских стекольщиков: из «обезглавленных» в процессе производства бутылок стали делать цветочные вазочки — по рублю за штуку. На заседание вызвали кутаисцев — предупредить за то, что не выдерживают договорные сроки производства ТНП, среди которых есть и дефицитные вещи. Разговор идет подчас острый, но атмосфера заинтересованности, конкретности, предметности не оставляет времени на обиды...

Такова картина, которую я наблюдала на одном из четверговых заседаний Комиссии ЦК по ТНП. А павильон, где происходило действие,— детище этой комиссии. Убедившись, что обычные заседания особо эффективными не назовешь, председатель предложил выделить на республиканской ВДНХ павильон для демонстрации недостающих в республике товаров. Решили создать Координационный республиканский центр организации работы по удовлетворению спроса населения на товары народного потребления. Сейчас центр — на бюджете Минторга, впоследствии перейдет на хозрасчет.

Все здесь еще внове. На непосвященный взгляд кажется, что всего-то навсего надо скоординировать работу промышленности с торговлей.

— А Госплан, который планирует? А Госснаб, который обеспечивает? А Госстандарт? А Комитет цен? — градом обрушивается директор центра, она же хозяйка павильона, Лина Дмитриевна.— А базы государственной и кооперативной торговли, где выявляется спрос? А согласования с товароведами, со знатоками рыночной конъюнктуры? Не перечесть всего. Всю эту уйму материала надо проанализировать, запустить в вычислительные машины, чтобы наконец-то знать: это у нас в республике уже есть, это мы должны и можем выпускать, а это не можем и нет резона, надо ввозить со стороны. За полгода существования павильона и центра мы еще не довели эту работу до конца. И пока продолжается «самодеятельность»...

Но и «самодеятельность», надо заметить, срывает кое-какие аплодисменты. В диспетчерской центра, где прослеживается движение каждого нового изделия через огонь, воду и медные трубы согласований, достигли уже стадии первых промышленных партий двести наименований товаров. Эти двести и будут первыми товарами на прилавках магазина «Новинка», где изделие пройдет экзамен на спрос.

В кабинете директора обращаю внимание на красочно оформленные планшеты с изображением каких-то металлических сосудов.

— Не успела убрать, вчера принесли.— Лина Дмитриевна называет крупное машиностроительное предприятие Тбилиси.—Мы им выдали с выставки образцы кастрюль. Они сказали, что сделают еще лучше, тянули три месяца и вот явились с этими проектами обеденных судков. Я им говорю: «Вы видели на проспекте Руставели хоть одного человека с судками? И вообще — в каком году вы живете?! »

— Отвергли?

— Даже без обсуждения на совете.

Пока беседуем, в павильон вносят садовую скамью, изготовленную на Тбилисском электровагоноремонтном заводе. Им предложили образец без спинки, они сделали со спинкой. Еще удобнее. Будут заключать с центром договор. А недавно из района прибыли представители завода монтажных заготовок с вариантами маленьких раздвижных лесенок. Тут же заодно определили партнерство с другим заводом, которому для выпуска спортивного тренажера недоставало пружины.

Может быть, в самом деле, промелькнет время, и этот «странный» павильон станет в ряд с обычными павильонами республиканской ВДНХ, демонстрирующими достижения, а не отсутствие их? Но пока все это проба, поиски, разведка боем и — делом. И прекрасно, что на это идут. Потому что, как гласит народная мудрость, всякое дело становится легче, когда его делаешь.

Делегат из Вешенской

В ту пору, когда шла подготовка к первому Всесоюзному съезду советских писателей, Михаилу Александровичу Шолохову не было еще и тридцати лет, но слава о нем, о его книгах далеко шагнула по стране. Его творчество поставил в пример «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин, выступая на курсах творческого молодняка — так они тогда назывались,— созданных при Оргкомитете Союза советских писателей.

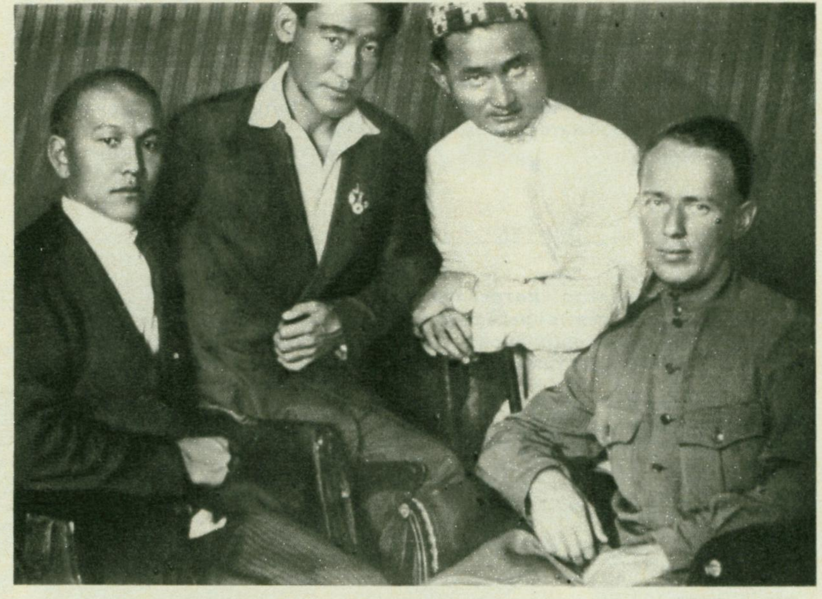
Отвечая на вопрос молодых авторов, как научиться писать, Михаил Иванович говорил:

«Смотрите, Шолохов! Ведь «Тихий Дон» и «Поднятая целина» — лучшие наши произведения. А писал человек в глухой провинции, в маленькой станице, и никакие журналы для начинающих ему не помогали. Работал много — вот и вырос...» Отчет об этой встрече был опубликован в «Правде» 16 мая 1934 года.

А 23 июля 1934 года «Правда» писала в статье «О писателях-коммунистах»: «Мих. Шолохов—писатель, завоевавший своими произведениями огромнейшую популярность среди советских читателей и мировую известность. «Поднятая целина»— большое художественное произведение, могущее служить примером для писателей — и коммунистов и беспартийных».

Тепло встретили зрители-москвичи пятьдесят лет назад появление на сцене шолоховской «Поднятой целины». Поставлена пьеса была тогда еще в молодом театре-студии (ныне это известный академический театр имени Евгения Вахтангова) и стала своего рода «аттестатом зрелости» творческого коллектива актеров. По словам заслуженного артиста республики Р. Симонова, под руководством которого ставилась «Поднятая целина», при работе над ней «молодежь театра с жадностью работала не только над текстом своих ролей, но и изучала особенности и достоинства всего романа в целом». Сказаны были эти примечательные слова в «Правде» в день открытия писательского съезда, и Михаилу Александровичу Шолохову, давнему другу и автору «Правды», было интересно узнать о столь высокой оценке его труда со страниц главной газеты страны.

В год открытия первого Всесоюзного съезда советских писателей в Лондоне вышел на английском языке «Тихий Дон». Тогда же, 7 мая 1934 года, «Правда» сообщила, что «роман Шолохова встретил совершенно исключительный прием и продолжает оставаться в центре внимания английской прессы... Издательство в Лондоне, в котором вышел «Тихий Дон», получило в течение одного дня свыше ста вырезок из всех крупнейших газет и литературных еженедельников Англии, которые отмечали выход этого романа как выдающееся событие».

М. А. Шолохов в кулуарах первого Всесоюзного съезда советских писателей с делегатами среднеазиатских республик.

Любопытно сегодня, спустя полвека, перечитать публикацию «Правды» от 31 июля 1934 года о встрече писателя со своими земляками в станице Вешенской, ставшей ныне центром Шолоховского района.

«— В Москве,— говорил Шолохов,— я очутился в положении одного из героев Артема Веселого, который пришел после окончания гражданской войны регистрироваться на биржу труда. «Какая у вас профессия?» — спросили его.— Пулеметчик,— ответил он».

Но профессия пулеметчика тогда уже не так была нужна, как во время гражданской войны.

— Вот,— продолжал Шолохов,— я зарегистрировался в Москве на бирже труда продовольственным инспектором. Эта профессия тогда тоже не очень была нужна. Был некоторое время безработным, работал чернорабочим, каменщиком, грузчиком, счетоводом в домоуправлении. В 1923 году начал упорно учиться писать, работал фельетонистом в комсомольской газете «Юношеская правда». После издания книги «Донские рассказы» перешел к писательскому труду...

Вопросов писателю было очень много. Интересовались, какую общественную работу он выполняет, связан ли с колхозами, как помогает начинающим писателям, как работает над улучшением языка и т. д. Задавали и такие вопросы, что будет делать дальше тот или другой герой его произведения.

Шолохов отвечал вдумчиво, серьезно. Он активный член вешенской партийной организации. Он крепкими нитями связан с колхозами. В его доме ежедневно можно видеть колхозников, которые приходят с различными вопросами к писателю-большевику. По сигналу Михаила Шолохова не раз принимались меры по исправлению перегибов, имевших место в Вешенском районе.

— Я бываю в колхозах часто,— говорит Шолохов.— Без этой связи я не мог бы писать.

Михаил Шолохов — член редколлегии нескольких московских журналов. Он ведет большую работу с молодыми писателями, он шефствует над пятью начинающими писателями и правит их рукописи, помогая своим опытом и знаниями».

Книги Шолохова находили дорогу к сердцам советских людей, они были дороги и близки им. В год пятидесятилетия первого Всесоюзного съезда писателей хотелось бы привести примечательный эпизод из челюскинской эпопеи, связанный с именем Шолохова. Раздавленный льдами, пароход «Челюскин» тонул на глазах полярников. В считанные минуты нужно было сбросить на льдину груз с палубы тонущего корабля, взять самое необходимое.

Штурман Михаил Марков впоследствии рассказывал журналисту Борису Громову, как он в последние минуты перед гибелью судна, вспомнив, что читать будет нечего, ринулся в уже залитую водой каюту, схватил впопыхах третий том «Тихого Дона» и, точно совершив важнейшее дело, успокоенный, выскочил наверх.

«Чудно, честное слово, чудно!.. Неужели мне нужно было из-за книги рисковать своей жизнью?» — удивлялся после штурман. Зато с каким упоением вслух, коллективно читали челюскинцы на пустынной льдине вдали от берега шолоховскую книгу, как согревала она их сердца в пронизанных ветром и морозом палатках во льдах Чукотского моря!

О шолоховской книге, спасенной с таким риском для жизни, о ее значении для челюскинцев в их полярной одиссее рассказал на первом писательском съезде руководитель экспедиции профессор О. Ю. Шмидт, выступивший здесь не как писатель, а как читатель, подчеркнувший, что все участники полярной экспедиции с чрезвычайным увлечением читали книги — их удалось спасти только несколько,— и как они помогали выстоять в трудные дни двухмесячного пребывания на льдине после гибели «Челюскина».

Михаил Александрович Шолохов находился в президиуме писательского форума и внимательно слушал рассказ о необычной судьбе его книги.

С трибуны съезда не раз произносилось его имя. Книгой-полпредом назвал «Тихий Дон» С. Третьяков, сказав, что «Шолохов, ворвавшись в читательский мир Англии со своим «Тихим Доном», стал фигурой легендарной и даже сенсационной». К тому времени «Тихий Дон» и «Поднятая целина» были переведены на японский язык, и, как отметил на съезде японский писатель Хиджикато, книги эти «очень популярны и пользуются большой любовью у рабочих и крестьянских масс». Уже тогда, в год первого писательского съезда, к молодому Михаилу Шолохову приходила слава мирового писателя.

Шолохов на съезде с речью не выступал, но Колонный зал Дома союзов, где собралось около шестисот делегатов и множество гостей, слышал голос писателя. От имени московской, ленинградской, украинской и закавказской делегаций Шолохов предложил резолюцию по докладу А. М. Горького, содокладу С. Я. Маршака и докладам о литературах национальных республик.

«...Благодаря повседневной помощи партии,— говорит с трибуны Михаил Шолохов,— писатели всех народов СССР пришли на свой первый съезд как коллектив, идейно, организационно и творчески сплоченный вокруг партии и Советской власти в единый Союз советских писателей.

Съезд одобряет деятельность оргкомитета Союза советских писателей, осуществившего объединение советских писателей в Союз советских писателей и обеспечившего подготовку их первого съезда.

Съезд отмечает выдающуюся роль в этом деле великого пролетарского писателя Максима Горького».

Этой резолюцией, зачитанной Шолоховым и принятой единогласно, завершилось 23 августа 1934 года вечернее заседание съезда.

Вернувшись в родные края, Михаил Александрович выступил с отчетом о работе съезда перед своими земляками. Отчет о встрече был опубликован 8 октября 1934 года в ростовской газете «Молот», затем 16 октября в «Правде» и позже вошел в восьмой том собрания сочинений Михаила Шолохова, вышедшего в «Библиотеке «Огонек» в 1975 году.

Шолохов заинтересованно говорил о литературе, которая стала частью общепролетарского дела, о крепнущем единении между рабочими-читателями и советскими писателями, о читательском полновесном голосе, который, по словам Шолохова, «будет заставлять писателя продумать тысячу раз один и тот же вопрос, думать над каждым оборотом фразы, думать над идеей и построением повести, романа, стараться, чтобы его произведение звучало во много раз сильнее, и будило, и звало на борьбу, и вдохновляло бы на дело доблести, чести и геройства».

Анатолий САФОНОВ

«МИР ВОСТОРЖЕСТВУЕТ НА НАШЕЙ ПРЕКРАСНОЙ ЗЕМЛЕ!»

ИЗ ПИСЕМ ВСЕВОЛОДА ВИШНЕВСКОГО

Известный советский писатель Всеволод Вишневский, автор «Первой Конной», «Оптимистической трагедии», «Мы из Кронштадта», начал свою военную и писательскую биографию в четырнадцать лет. Из родительского дома он убежал на первую империалистическую войну. С тех пор Всеволод Вишневский был всю жизнь «мобилизован и призван». Он активно участвовал в 1934 году в работе первого Всесоюзного съезда советских писателей, выступив на нем со страстной речью. Большое внимание уделял Всеволод Витальевич переписке с друзьями, товарищами, коллегами.

Сегодня мы печатаем выдержки из его писем к литератору Марии Ангарской, относящихся к 1946 году.

Всеволод Вишневский. Фото М. Наппельбаума.

«Ночь на 19/I 46 г.

...Тишина. Разбитый на 87% Нюрнберг спит... Уже затихли чудовищные грузовики, которые со скоростью 100 км пролетают под окнами, ведомые неграми... Какая тут смесь племен, наречий, одежды: янки, лондонцы, эсэсовцы, лорды, остатки каких-то немецких частей, баварские бюргеры(...)

Отослал в «Правду» мой 14-й очерк о Розенберге: вечером написал черновик следующего — об одной из основных тем фашизма(...)

Подумалось о работе, о жизни.

Знаю одно — при любых, самых ужасных для меня обстоятельствах я и в области дружбы, любви, духа поднялся бы до высокой веры, до благословения, до надежды, до глубочайшего ощущения общей силы жизни...

Это должно быть моим путем — после пяти войн, в которых я участвовал(...) Все нации разумом и инстинктом тянутся к миру, соглашению... Вижу встречные шаги; много читаю, наблюдаю... Рассказывал о борьбе СССР, о днях войны приехавшим недавно французам. Они буквально впитывали мои рассказы о Ленинграде, о народе в целом, о походе в Германию, о Берлине и пр. Вместе со мной в беседу включались Роман Кармен, Кукрыниксы и др. Это были буквально «конференции»... А мы в рассказах заново переживали свои годы войны, свои дела, мысли.

...Один американец-старик сказал мне: «Вы, русские, сделали исключительно много для Победы... Так много, что я даже не могу выразить сколько»... Мы улыбнулись и дружески пожали руки...»

«5/II. 46 г.

Под Лейпцигом.

...Сейчас за полночь. Я все брожу по Германии. Пересек Баварию, Тюрингию, был в Берлине,— сегодня сделал до 200 км и нахожусь под Лейпцигом. Хочу поклониться памятнику битвы народов 1813 года, где Россия — деды наши еще раз показали свою силу. Тут есть русская церковь.

...Днем сегодня поехал в эту церковь — памятник за освобождение Германии. Тут в битве народов легло в 1813 году много русских и некое количество немцев, австрийцев, шведов.

Церковь... Открыли двери — и я был объят волнением самым глубоким: моя Россия, мое святое... Обнажил голову, вошел — бронзовые доски на стенах, и я прочел имена гвардии и увидел свое кровное... Старое русское оружие, гробы погибших в битве 1813 года. Тишина, речь священника и старые георгиевские кресты...

Медленно прошел по Лейпцигу,— был у мистического, грандиозного памятника погибшим...

Затем зашел в старинный подвал, где пил, гулял Гете — «Откуда мы все? От любви... Чем мы живем? Любовью. Отчего гибнем мы? Без любви...» Здесь огромная бочка XVII столетия, наброски письма Гете, силуэт его и его милой, локон... Его и ее бокалы... Немцы вежливо все поясняют, и вдруг официальные их лица в ответ на мое волнение, на мои слова сменяются чем-то теплым, дружеским... Дошел до студенческого стола, где он пил, где поднимал бокал за любовь... И мне, после зла, ужаса войны, которые калечат меня так долго, так упорно, опять брезжит жизнь, свет — и из любой муки, сырости, зимы, холода, из блокад,— я кричу: «Пусть здравствует жизнь, неумирающая вера в любовь и дружбу».— Эти строки Вы прочли 17.XII 45 года в моей статье, напечатанной в «Правде».

...Если бы Вы поняли, какое неистовое желание мира, счастья разлито в мире!.. Из грязи, крови, руин все вздымают руки и молят об этом... Это пропитывает статьи лондонской, парижской и нью-йоркской прессы».

«16/II. 46 г. Нюрнберг.

...Получил сегодня чудесные телеграммы из «Правды» — благодарность за работу, приветственные телеграммы от Папанина, Эйзенштейна, Довженко и др... Живу страстным, безмерным желанием видеть жизнь умиротворенной, здоровой, красивой!

Нам надо сделать все, чтобы дать своим людям максимум питания, одежды, удобств, внутреннего покоя. Нужно сочетать и труд, и культуру, и отдых — сочетать так, чтобы ясно определилось все или максимально возможные преимущества новой социалистической цивилизации. Ленинские указания о культуре остаются решающими. Это открывает путь к подчинению машин, к выигрышу темпов; это дает уверенность в себе, полет мысли, свободное знание мира: друзей, врагов. И я все ясней вижу и общие задачи и свои собственные, свои темы, свои обязанности в этой общей перспективе...»

«5/VI. 46 г. Москва.

...Дышу все еще вчерашним воздухом. Москва — реки и леса... Мне было просто хорошо, но где-то в самых глубоких глубинах не перестает что-то тревожить... Причин не знаю... Пытаюсь понять, не могу. Какая тема? — Правда, доверие... Это то, что в мире поломано, и не дай бог утеряно. Тоска человечья сейчас мне кажется,— именно и порождена этой утерей больших душевных, моральных скреплений... Вслушиваюсь в хаотические голоса с Запада и Востока: беседую о новых темах, которые нужны «Знамени», действую и неотрывно думаю о том, как вошло в привычку делиться с Вами буквально всем, каждой мыслью. Вряд ли сумею объяснить в этом маленьком письмеце, которое пишу в редакции, в 4 часа дня,— среди звонков, посетителей, дел и пр., свои внутренние тревоги... Спасибо за то, что вчера, наконец, добрался до берега, до солнца...»

«15 июня 1946 г. Москва.

...Усталость, бодрость, упорство... Вспомнились слова М. И. Калинина о трудном пути, тяжелом пути и о том, что если усвоено общее революционное устремление, учение,— то это наполняет жизнь таким богатым содержанием, что она не кажется тяжелой.

...Мои соображения: неумные американские реакционеры, еще не пробовав русского кулака по сопатке, лезут в забияки. Тянут на буксире и англичан. Английский народ рассуждает: что же получится, если будет новая война? Русские опрокинут к чертям любого противника в Европе и Азии.

Если мы гнали Гитлера от Волги до Эльбы, сумеем и других погнать достаточно далеко. Народ Англии, его подавляющее большинство, я уверен, против войны. Наши планы ясны: мы хотим мира, строительства, развития родной страны, безмерно отдавшей делу разгрома фашизма. Нам хочется творить, строить, жить и сделать все, чтобы мир восторжествовал на Земле».

«30/VI. 46 г.

...Эти два дня было много встреч. Мне рассказывали о разных поездках. Я, в свою очередь, делился впечатлениями о Нюрнберге.

А потом с Сашей Фадеевым говорили о Ленинграде, о неповторимой блокаде, о нас «тогдашних» с обостренными до невероятия думами.

...Недавно перелистал стенограмму первого съезда писателей, сумевшего ликвидировать все ненужные, мелкие разногласия, крепко сплотить нас. Этот первый съезд, конечно, сыграл огромную роль во всем многообразном процессе нашей литературы. Поставил перед нами одну из самых главных задач: глубже и всесторонне правдиво показать характер советского человека-труженика. Его героическую сущность, его неустанное движение вперед, его умение защитить завоевание Октября. Невольно вспомнил и свою речь на съезде.

...Говорил я о коммунистах, которым довелось впервые создавать советскую литературу, отражая в ней характеры героических борцов нашей страны. Говорил я и о тех коммунистах-писателях, которые, сидя в Кронштадтской тюрьме, перед расстрелом издали газету, написанную буквально своей кровью. Они писали, что коммунаров никто и никогда не сломит. Это был замечательный первый отряд наших писателей. И сегодня могу с полным правом сказать, что мы, советские писатели, в Великой Отечественной войне были верны традициям своих предшественников. Штыком и пером вместе со всем советским народом, не жалея жизни, мы одержали великую победу!

Эти дни довольно часто встречался с Фадеевым. Намечая организационную программу Союза писателей, мы невольно обращались к первому съезду, вспоминали напутствие Горького, которое и теперь будет для нас путеводной звездой. Его глубокую заинтересованность в каждом писателе, требовательность к литературе. Напомнил мне Фадеев то место моего выступления на съезде, которое я особенно подчеркнул. А говорил я тогда, обращаясь к коллегам:— Пишите, товарищи, о чем хотите, о хрустале, о любви, нежности и пр. Но при этом всегда держите в исправности револьвер и хорошо знайте тот приписной пункт, куда следует явиться в случае необходимости.

Скоро, очень скоро наступила такая необходимость, и писатели честно выдержали великое испытание. Они дрались на фронтах Великой Отечественной войны, во всю мощь нацеливая свое грозное оружие идеологической пропаганды. И сейчас, когда только-только отгремели залпы орудий, когда наш народ с честью выдержал такие неслыханные испытания, вправе потребовать от нас, художников слова, такие произведения, в которых бы правдиво и глубоко были показаны величайшие образцы героизма. Мы обязаны по горячим следам воссоздать обнаженную правду, великую и трагическую, прекрасную и всепобеждающую...»

«15. VII. 46 г.

Снова и снова хочу поделиться своими мыслями о задачах литературы... Доблесть, мужество, смелость, беспредельная верность Родине и ненависть к врагам, все эти качества, которые так выпукло проявились в каждом советском человеке во время войны, мы обязаны с предельной правдивостью и высокохудожественно отразить в наших произведениях. Это наш святой долг и перед современниками и перед потомками. Ведь именно по нашим записям, письмам, дневникам, книгам будут учиться те, кто придет нам на смену. С помощью наших произведений будут осмысливать великую эпоху. Читая нашу литературу, будут изучать характеры героев, их поступки, достойные подражания.

В беседе с Фадеевым мы пришли к выводу, что пережитая война даст новый толчок искусству, литературе. Двинет их вперед!»

«2. VIII. 46 г.

Эти дни целиком занят в ССП. Происходит крупный литературно-организационный процесс послевоенного периода. Новый отбор кадров и на руководящие должности в аппарат Союза писателей, и в некоторые журналы. Надо решительно отвергать все мелкое, антихудожественное. Перед нами стоит важнейшая задача: создание литературы: боевой, бодрой, глубокой, написанной ясным образным языком. Нужны идейно-осмысленные выступления писателей, политически нацеленные. И в области сатиры нужны не примитивные истории, не анекдоты и прочее. А острые выступления, нацеленные на борьбу с нашими недостатками, помогающие задачам пятилетки, словом, политически заостренные удары.

Сегодня опять еду на актив «Правды». Печать должна быть гибкой, смелой, должна передавать мнения и настроения народа, быть интересной и воспитательно полезной. А у нас, к сожалению, еще много серости, скуки, штампа. С этим надо решительно кончать. Необходимо повысить требования к редакторам. Поймите, идет крупнейший процесс активизации прессы, ее идейной направленности, более серьезного отношения к критике и самокритике...»

«6. VIII.

...Да, быть писателем — сложнейшая задача. Ответственность перед народом колоссальная.

...Занимаясь сейчас организацией Союза писателей на новом послевоенном этапе, мы, естественно, все время мысленно возвращаемся к первому съезду писателей, к Горькому, который завещал нам, чтобы наша писательская организация была всегда живой, деятельной, боевой, сплоченной. Мы твердо усвоили эти славные традиции, именно их ставим в основу всех своих начинаний и, конечно, передадим их тем, кто придет нам на смену...

И все же, переключаясь на послевоенный стиль работы, нельзя забывать, что на различных участках нашей планеты продолжают вестись военные действия, а потому снова и снова повторю то, что говорил на первом съезде писателей: «Надо зорко наблюдать за горизонтом и быть всегда наготове...»

«15.VIII.46 г.

...7 часов 30 минут утра... Надо вставать, одолевают думы. И я заново, несмотря на все трудности, по-человечьи упорно атакую проблемы дня... ощущая счастье самой жизни, вступая в новые столицы напором и штурмом (я говорю о столицах духа, о столицах искусства, о символических высотах), которые предстоит одолевать... Написать людям правду о жизни, о войне, о них самих, о том, что было пережито,— это счастье! Знать, что во мне неиссякаемо бьется, вскипает бурный поток ощущений, мыслей, надежд, планов, образов,— это счастье! Думаю, что сильное, глубочайшее, внутреннее желание сумеет претворить самые смелые мечты в реальность,—и это счастье! Счастье живое, сияющее, способное освещать ночи ярче солнца, способное наполнять бытие, способное на подвиг, на торжество труда, творчества...

Я верю: будут чудные дни, знойные лета, студеные зимы, будет большой мир, полный неисчерпаемой жизни,— красок, звуков, смыслов... Будет, обязательно будет, я это знаю твердо, непререкаемо.

Мир восторжествует на нашей прекрасной земле!..»

Публикация Марии АНГАРСКОЙ.

человек и природа

Заповедник в океане

Ю. МУРАВИН, фото автора

Заповедные берега залива, удивительные по красоте, протянулись на 1700 километров. Но не только красота этих мест позвала сюда ученых. Здесь самый большой континент смыкается с самым большим океаном — это уникальный полигон для изучения проблем взаимодействия суши и океана. Здесь находится зона, где сталкиваются два гигантских явления природы: сибирский антициклон и тихоокеанский циклон, которые, как считают ученые, в значительной степени формируют погоду не только нашей страны, но и планеты в целом.

Эта природная лаборатория — первый в СССР Государственный морской заповедник Дальневосточного научного центра — создана для сохранения и изучения богатств морской и островной флоры и фауны в заливе Петра Великого.

В залив Петра Великого проникает как холодное Приморское течение, так и веточка теплого, Цусимского. Тут, на широте Сухуми, температура воды достигает порой 26 градусов. Все это создало предпосылку для удивительного многообразия растительного и животного мира на островах и в море. В заповедных водах растут тридцать видов водорослей, обитают представители почти всех типов морских животных, ученые насчитали здесь двести пятьдесят видов рыб.

Объектив морского биолога поможет нам познакомиться с некоторыми обитателями заповедного царства Нептуна. Вот грациозно проплыла медуза. В родной стихии она отнюдь не безобразна! С интересом позирует перед аппаратом стайка трехполосных морских ершей. Этих рыб называют еще и желтым окунем. В золотом одеянии предстает перед нами японская креветка. Она заплывает на глубину до двадцати метров. В заливе Петра Великого обитают крабы с самыми разными названиями — каменный, стыдливый, овальный. Живут здесь крабы-пауки, крабы-стригуны, крабы-горошинки, волосатые крабы.

В экипировку подводного фотографа-исследователя входит не только фотоаппарат, но и мощная лампа-вспышка специальной конструкции. Только с ее помощью глубоко под водой, на дне, можно передать яркие краски морского царства. Совсем редкой может быть подводная встреча с самым крупным из живущих здесь головоногим моллюском — гигантским осьминогом. Длина отдельных его особей достигает трех метров, вес — до полуцентнера. Жить он может на глубинах до восьмисот метров.

Ученые ведут постоянное наблюдение за обитателями океана, водорослями, составом воды, колониями птиц. По рекомендации ученых все острова и прибрежные зоны Дальнего Востока, превращенные птицами в крупные гнездовья, объявлены заказниками и заповедниками, взяты под охрану государства.

Залив Петра Великого — граница ареалов северных и южных птиц. Тут соседствуют северянка кайра и южанин буревестник. Важным центром исследований дальневосточных орнитологов стала колония птиц на острове Фуругельма — крупнейшее гнездовье чернохвостой чайки. Ученые утверждают, что на небольшом островке обитает свыше 60 тысяч птиц.

Кроме так называемого эталона природы моря, кладовой генетического материала, в заповеднике имеется научно-производственная зона. В заливе Посьет действует первая в стране подводная ферма по выращиванию морского гребешка, очень вкусного и полезного. Растут на ферме устрицы, трепанги. Планируется создание и новых морских «огородов».

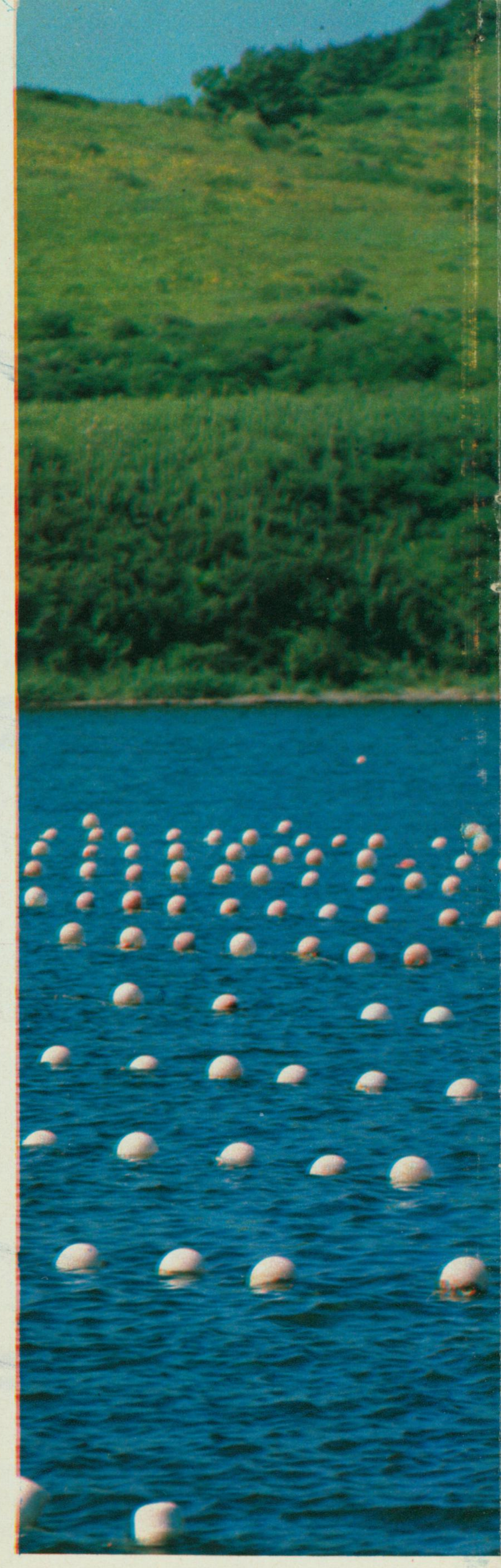
Но главная задача ученых — изучение и бережное сохранение природы моря и его обитателей.

Быть разумным хозяином природы, беречь и приумножать ее — этой задаче служит морской заповедник в заливе Петра Великого.

Исследование подводного царства * Эту скалу называют «Морскими воротами».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Тысячи чаек гнездятся на островах заповедника * В заливе Посьет работает первая в стране подводная ферма по выращиванию морского гребешка * Растения по берегам залива тоже заповедные: девичий виноград, лимонник, багульник.

Подводная фотосъемка К. ОБЕЗЬЯНОВА.

Живопись словом

Лев ОЗЕРОВ

Исполняется 70 лет Льву Адольфовичу ОЗЕРОВУ, известному советскому поэту, переводчику и критику. Вступив в литературу в начале тридцатых годов, Лев Озеров прошел большой творческий путь.

Он один из давних пропагандистов поэзии братских народов нашего многонационального Отечества. В активе его и многочисленные сборники стихов, и исследования творчества А. Пушкина, Е. Баратынского, К. Батюшкова, Ф. Тютчева, А. Фета, Б. Пастернака, современных поэтов, и статьи о поэзии.

Редакция «Огонька» сердечно поздравляет юбиляра и публикует его новые стихи.

В МАСТЕРСКОЙ ПАВЛА КОРИНА

Утром, замыслами лучась,
Открывает свою мастерскую.
Есть труда молитвенный час,—
По такому часу тоскуя,
Здесь, теснимый со всех сторон
Уроженцами русской шири,
Слыша звон, колокольный звон,
Голошенье, чтенье псалтыри,
Видя, как поднялась заря
Над зубчатой далью лесною,
И над острой косой косаря,
И над лиственной желтизною,
Укрупненно на полотне
Закреплял своей мысли взлеты:
Александра в стальной броне
И Коненкова в час работы.
Подсиненная гневом гроза,
Вороненные солнцем излуки.
Резко выявленные глаза,
Резко выделенные руки...

А вот этот мастеровой —
То ли скульптор он, то ли
пахарь —
С непокорною головой
И распахнутою рубахой.
О какой корявый старик!
Он возник в этот миг рабочий.
И лицо переходит в лик,
И глаза переходят в очи.
И повсюду следы ступни
И следы пятерни человека.
Час труда забирает дни,
И за вехой следует веха.
И встают надо мной холсты,
Как неведомые преданья.
Замечаю людские черты
В зыбком облике мирозданья.

...Мастер кисть оторвал от холста.
Мастер сел в старинное кресло.
Не устал — молодая мечта
С прежней силою в нем
воскресла.
Новый век ему не помешал
И родиться и возродиться.
Он любил своих палешан,
Он любил своих флорентийцев.
Павел Дмитриевич, у вас
Я стоял в мастерской, как в храме.
Час труда — молитвенный час.
И теперь не картину в раме —
Уношу с могучих холстов
Краски, внятные мне, как звуки,
Эти лица в рубцах годов,
Эти землю держащие руки.

НАЗВАНЬЯ ГОРОДОВ

Названья древнерусских
городов —
Белозеро, Дубок, Олонец,
Броды,—
Открытое произношенье слов,
Еще не отделенных от породы.
И каждое как кладка той стены,
Что опояшет город над рекою —
Владимир, Псков, Путивль,—
из старины
Доносится звучание такое.
Бряньск, Брянеск или вот:
Дъбряньск —
Одно названье, а звучит различно.
Произноси его десятки раз
И не наскучит — шепотно и зычно.

В постройке слов — постройка
тех домов,
Что дружно возводили горожане,
И нам названье старых городов,
Как слово о полку и как сказанье.

Как музыка дружин, идущих в бой,
Оберегающих надежно крепость.
В той музыке разумной и простой
Соединились лирика и эпос.

ВСЁ НА ЗЕМЛЕ

Всё — на Земле. Вершины. Ветви.
Плоды, что вызрели в тепле.
Все на Земле. И эти ветры,
Блуждающие в полумгле.
И даже небо — на Земле.

КИСТЬ ХУДОЖНИКА

Вновь Куинджи глазам моим хочет
помочь,
Кисть его мне надежно сулила
Белостенные мазанки в лунную
ночь,
Рябь серебряного залива.

Все, что вяло и хило, он резко
отверг,
Луговое он взял, полевое.
Если это сосуд — в нем вода
через верх,
Если это река — половодье.
Ядовитая зелень свежа и щедра,
И донельзя наперчен багрянец.
Я хотел бы такое же и для пера,
Чтоб главенствовал свет,
а не глянец.

ЛЕТО

Июль роскошествует. Он
Еще далек от пресыщенья,
Он слышит своевольный звон
Речушки местного значенья.

Еще не кончен сенокос,
И все острее запах сена,
И липа — главный медонос —
Листвой поет самозабвенно.

ДИКИЕ ГЕРАНИ

Синеют дикие герани,
Еще продлится летний час,
Но влагою туманной рани
Предупреждает осень нас.

Ветшают старые обновы,
И горизонт обмокнут в тень,
Но травы вновь к косьбе готовы,
Как в позабытый вешний день.

СЕВЕРНОЕ ДИВО

Мечтатели не покидают палубы,
Хотя давно уснуть им
надлежало бы,
Но северная ночь белым-бела,
Черемуха ли снова зацвела,
Жасмин зацвел ли заодно
с сиренью,
Сады вдали белеют иль виденье,
Такая белизна стоит вокруг,
Что нам в ту пору было недосуге
Уснуть,— куда там. Северное диво
В глаза глядело тихо и правдиво.

СЕРДЦЕ—ЗРИТЕЛЯМ

Увлечение театром пришло в детстве. Пробовал сам «изображать». Четырнадцати лет разыскал самодеятельную студию «Мим», руководимую Р. Славским, известным цирковым артистом, автором книг о пантомиме, и уговорил взять к себе. Было это в 1957 году. А в семнадцать он уже профессиональный артист Московского мюзик-холла.

Так начался творческий путь одного из создателей советской пантомимы, Анатолия Елизарова. В Большой Советской Энциклопедии в статье о мимах его имя стоит рядом с именем известного французского артиста Марселя Марсо.

Все, кто побывал на сольном представлении А. Елизарова «Монологи», созданном в содружестве с народным артистом СССР Марисом Лиепой, который здесь выступает как режиссер, зачарованы. Прежде всего поражает техника; движения безукоризненно выверены и отточены, мимикой артист владеет в совершенстве.

Когда мы с Анатолием беседовали, он вспомнил: будучи на гастролях в Новой Зеландии, вышел побродить по городу и опоздал к автобусу. Надо было добираться самому. Обратился к полицейскому, а вспомнить не мог, как по-английски звучит название отеля «Белый аист». Мучился, мучился и, наконец, решил показать пантомиму. За зрителями дело не стало. Собралась толпа. И вдруг все хором стали объяснять, как доехать до отеля. Артист был вознагражден за свое искусство жаркими аплодисментами... Это из области курьезов, но довольно точно характеризует мастерство артиста.

И все же одной техникой, сколь она ни совершенна, удержать зал два часа в напряжении трудно. Анатолий Елизаров умеет средствами пантомимы передать сложнейшие оттенки человеческих переживаний, состояний, настроений...

Каждая миниатюра Анатолия Елизарова — маленькая, но сложная драма, где есть трагическое и комическое, грустное и веселое, радостное и печальное. И в каждой — свой персонаж. Вереница их проходит перед зрителем, и быстрота перевоплощения поражает. Мим показывает эпизод из жизни человека, а то и всю его жизнь, «уплотненную» до минут. Сам Елизаров говорит, что основное в пантомиме — мысль. Пантомима должна нести в себе глубокое содержание, иметь внутреннее напряжение, заставить зрителя задуматься над жизнью...

Имя артиста хорошо ведомо советским зрителям, широко известно оно и за рубежом. Овацией отвечали на его выступления в Болгарии, Англии, ГДР, Финляндии, ФРГ и других странах... Пресса по-прежнему сравнивает его с Марселем Марсо, поскольку оба они приверженцы так называемой классической, то есть чистой, пантомимы.

Анатолий Елизаров в редакции «Огонька».

В юности Елизаров встречался с выдающимся артистом:

— Три раза посчастливилось его видеть...

Анатолий показывал Марсо свои работы и получал от него советы. Это служило благотворным импульсом к новым актерским поискам. Одна из миниатюр сольной программы «Пассажир в поезде» взята из репертуара французского артиста как дань благодарности и преклонения.

Сейчас Елизаров уже сам передает мастерство пантомимы студентам ГИТИСа. Сын Григорий тоже идет по стопам отца — учится искусству мима в Училище циркового и эстрадного искусства. И есть у них общее желание: встретиться когда-нибудь и на сценической площадке.

Обычно свою программу Анатолий Елизаров заканчивает новеллой «Прощание мима»... Трепещущее, горячее сердце свое герой вынимает из груди. И протягивает в зал...

Так же щедро, от всего сердца, делится с нами артист своим прекрасным искусством.

Л. НАТОЧАННАЯ

Острова Римского-Корсакова богаты причудливыми гротами * Над новым заповедником шефствует Институт биологии моря Дальневосточного научного центра АН СССР. Аспирант-гидробиолог Лариса Ромейко и младший научный сотрудник Владимир Жуков * На страже будущего потомства * Морской ерш славится своей золотой окраской * Ничто не должно нарушить эту вечную красоту.

Б. ИЛЕШИН

Рожденный «Железным потоком»

Мастерская скульптора Отто Матвеевича Манизера скрыта в зелени деревьев тихой московской улочки. Здесь все напоминает о его отце Матвее Генриховиче Манизере, известном своими классическими работами—скульптурами В. И. Ленина, памятниками В. И. Чапаеву, Зое Космодемьянской, портретами многих современников и среди них партизана Н.

Скульптурный «Портрет партизана Н.» не отличается монументальностью. Но мимо него не пройдешь — непременно остановишься. Волевое лицо, сосредоточенный взгляд... Во всем облике чувствуется могучая сила народного мстителя, его непреклонная вера в победу.

— Этот бюст был вылеплен отцом в 1942 году,— рассказывает Отто Матвеевич.— Естественно, тогда нельзя было называть фамилию человека, действовавшего в тылу противника.

Но мои земляки-тамбовцы хорошо знают отважного «партизана Н.»— это Павел Елисеевич Кривоносов; в двадцатые и тридцатые годы он жил в Мичуринске. Должности занимал скромные: фининспектора, продавца в горторге. Несмотря на пошаливающее здоровье, всегда был полон энергии.

Полюбилась Кривоносову тамбовская земля. Но тянуло неудержимо в те места, где прошла боевая молодость, где сражался с врагами Советской власти, где пролилась кровь товарищей, остались их могилы. Ведь он был участником похода легендарной Таманской армии, описанного А. Серафимовичем в романе «Железный поток». И вот в 1936 году П. Е. Кривоносов организовал поход молодежи по тому героическому маршруту. «Хочу передать подрастающему поколению эстафету мужества отцов их и дедов, грудью ставших на защиту завоеваний Октября»,— писал Кривоносов заместителю командующего Белорусским военным округом, бывшему командиру таманцев Е. И. Ковтюху, послужившему А. Серафимовичу прототипом образа Кожуха.

Ответ пришел быстро: «...Наша советская молодежь, практически не пережившая и не испытавшая на себе гнета и бесправия российского царизма и тягот войны, нуждается в подготовке к предстоящим боям с ополчившимся против нас мировым капиталом в лице фашизма.

Считаю Ваше хорошее начинание, вылившееся в форму изучения этапов гражданской войны на действительной местности, где происходили большие решающие события, одной из наиболее ударных форм военной подготовки молодежи.

В этой работе Вы, Павел Елисеевич, как живой участник событий на одном участке огромного фронта минувшей гражданской войны, безусловно, приносите и принесете большую пользу для обороны нашей социалистической Родины.

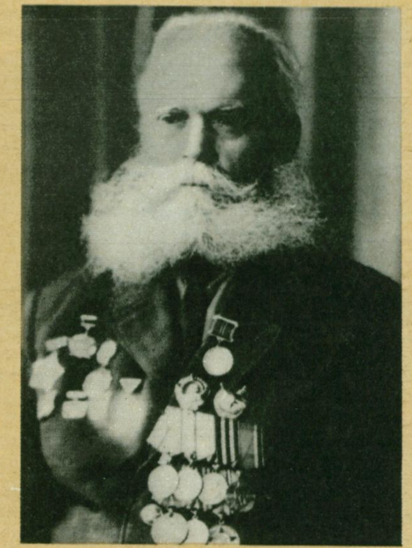
Крепко жму Вашу руку. Уважающий Вас Е. Ковтюх».

И вот Павел Елисеевич на Кубани. Память возвратила его в суровый восемнадцатый. В августе армия Деникина завладела Екатеринодаром, отрезав от основных частей Красной Армии Тамань, где находились многочисленные революционные отряды. Вместе с красными бойцами были вынуждены отступать десятки тысяч беженцев: с детьми и скарбом они спасались от белого террора.

Кривоносов вел тем трудным путем комсомольцев и пионеров — вдоль скалистого берега Черного моря, по горным перевалам. Вел и подробно рассказывал о пережитом, о силе духа, самоотверженности товарищей из «железного потока», о крепкой боевой дружбе.

После героического похода таманцев в 1918 году П. Е. Кривоносов как инвалид мог уйти на покой, мог крестьянствовать, как многие другие. Но на Кубань донеслась весть: в самом центре России, в Тамбовской губернии, вспыхнул контрреволюционный мятеж во главе с эсером Антоновым.

На борьбу с антоновщиной были брошены части под командованием М. Тухачевского, прибыла сюда и отдельная кавалерийская бригада Г. Котовского. Коммунист

П. Е. Кривоносов в послевоенные годы.

Кривоносов, запрятав подальше документы об инвалидности, тоже поехал в Тамбов.

Летом 1921 года кулацко-эсеровский мятеж на Тамбовщине был подавлен. А Павел Кривоносов так и остался на тамбовской земле, в тихом городке Козлове, названном позже Мичуринском.

В начале июня 1941 года Павел Елисеевич поехал в Ленинградскую область навестить брата, жившего в Луге. Здесь и застала его война.

Не раздумывая поспешил в военкомат.

— Прошу немедленно послать на фронт.

— На фронт?— переспросил осунувшийся от усталости военком.— Не годитесь вы, отец, для фронта. С гражданской в инвалидах ходите, комиссованы. Да и годков порядочно.

Погорячился тогда Павел Елисеевич, много слов наговорил военкому, но тот не изменил своего решения.

Павел Елисеевич пошел к первому секретарю Лужского райкома партии И. Д. Дмитриеву.

— О вас мне уже говорил военком Шеломенцев.

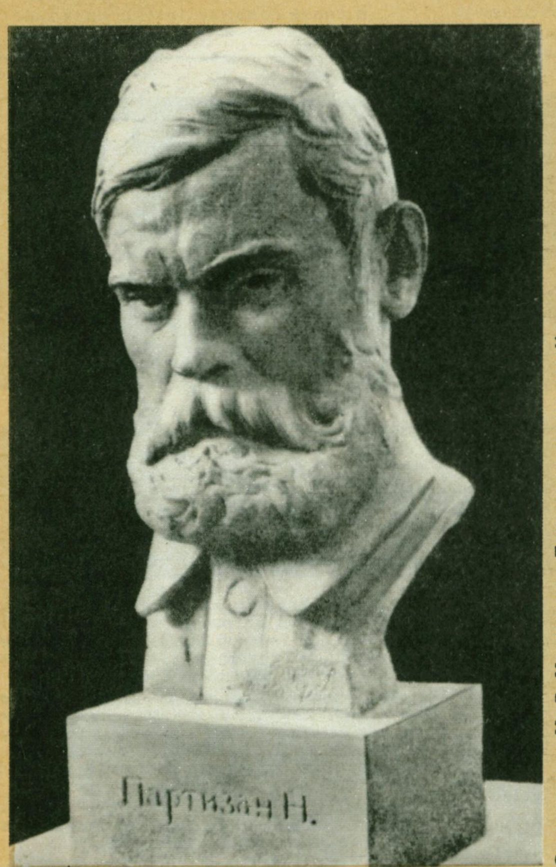
— Жаловался?

— Почему жаловался?

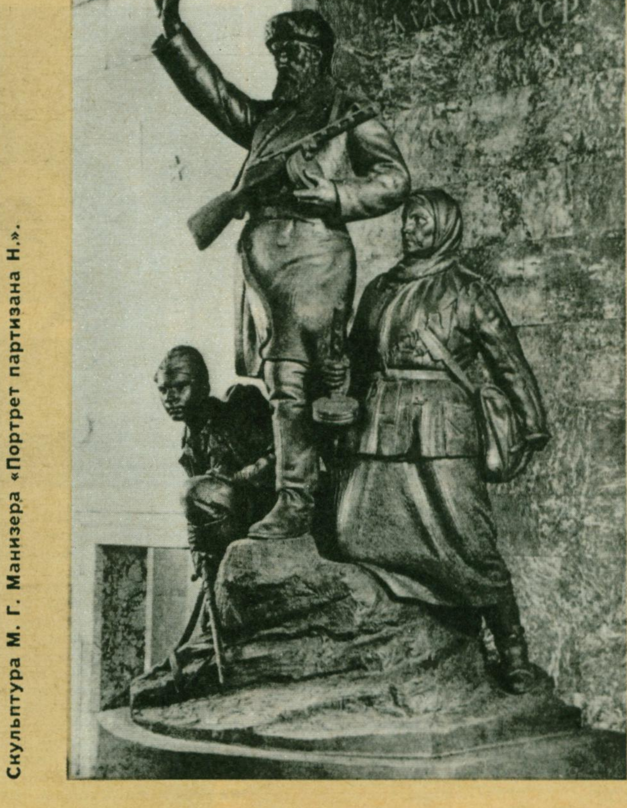
— Да я несколько слов с перцем в его адрес сказал. В инвалиды зачислил старого коммуниста, понимаете? Да, был я болен, но теперь вся болезнь вышла. Он вот на эти руки не посмотрел.— Кривоносов положил на зеленое сукно стола свои широкие литые кисти.— От них крепко досталось разной нечисти.

Секретарю райкома пришелся по душе напористый человек.

— В действующую часть, Павел Елисеевич, мы вас послать не можем. А вот в истребительный батальон зачислим. Это, скажу вам откровенно, нынче тоже передний край.— Секретарь райкома посмотрел прямо в глаза собеседни-

Скульптура М. Г. Манизера «Портрет партизана Н.».

Скульптурная композиция М. Г. Манизера «Народные мстители» на станции метро «Измайловский парк».

ку и для большей убедительности повторил:— Да-да, передний край. Скоро увидите сами. А сейчас идите в военкомат, обратитесь к капитану Лукину. Я ему позвоню.

И стал Кривоносов командиром взвода истребительного батальона. Под его начало попали люди разных возрастов, еще вчера не знавшие друг друга. Целыми днями Павел Елисеевич отрабатывал с ними приемы штыкового боя, стрельбы лежа и с колена, учил метать гранаты и бутылки с зажигательной смесью, ползать по-пластунски... К вечеру гимнастерка прилипала к лопаткам. Но Кривоносов не подавал вида, что уставал до изнеможения, что болела поясница и саднили старые раны.

Тем временем линия фронта приближалась к Луге. Городские улицы были запружены беженцами. В середине июля командир 41-го стрелкового корпуса генерал Астанин решил направить во вражеский тыл армейских разведчиков и попросил подключить к этой операции людей из истребительных отрядов.

— Добывая разведданные,— говорил он секретарю райкома,— они смогли бы также минировать дороги во вражеском тылу, выводить из строя телефонные линии, подрывать мосты.

В помощь армейским разведчикам были назначены две группы, одну из которых возглавил Павел Елисеевич. В Лугу Кривоносов вернулся со своей группой почти через десять дней, и не с пустыми руками. Доложил генералу Астанину, что гитлеровское командование перебрасывает основную массу войск на свой левый фланг: из Плюсского района в Осьминский. Об этом же говорили данные и армейских разведчиков.

— Кривоносов отчитался о выполнении задания и перед райкомом партии,— вспоминал уже после войны И. Д. Дмитриев.— В те дни фашисты еще не заботились всерьез об охране своих тылов, в победном угаре они стремились только вперед. Отряд Кривоносова заходил в деревни, подходил к самой Плюссе. Бойцы заминировали дорогу из Плюссы в Ляды, подорвали два фашистских танка. Поднялся переполох. К месту взрыва на машинах примчались автоматчики. Они прочесали лес, но особенно не углублялись, и отряд, скрывшись в глухой чаще, перешел на другой участок. У деревни Харламова Гора снова заминировали дорогу, устроили засаду. На этот раз подорвалось несколько машин с боеприпасами. Отряд Кривоносова не потерял ни одного человека.

В первой половине августа фашистские войска начали генеральное наступление на лужском направлении. Райком партии принял решение из двух истребительных батальонов создать несколько мобильных партизанских отрядов. Павел Елисеевич вместе со своими бойцами ушел в леса. В непроходимых дебрях, среди озер и болот сооружали землянки, строили шалаши. Гитлеровцы день ото дня все больше чувствовали нарастающие удары народных мстителей. 8 сентября Совинформбюро сообщало: «В Ленинградской области партизанские отряды, развернув интенсивные боевые операции, беспощадно бьют гитлеровских оккупантов. По неполным данным, за вторую половину августа в Лужском районе партизаны перебили более 800 фашистских солдат и офицеров, вывели из строя 14 танков и 7 бронемашин, 17 орудий, 22 пулемета, уничтожили 47 грузовых автомобилей, 62 мотоцикла, сожгли 18 автоцистерн с горючим и захватили много боеприпасов, снаряжения, саперного инвентаря и продовольствия».

За несколько недель совместных действий партизаны убедились: Кривоносов — человек серьезный, самостоятельный, положиться на него можно. С особой теплотой, уважительно относилась к Павлу Елисеевичу молодежь.

— Батя, расскажи, как ты того белобрысого верзилу в плен взял,— просили ребята в короткие часы отдыха.

Павел Елисеевич, рассказывая о пленении фашистского унтер-офицера, особо подчеркивал, что в операции был не один, а вместе с Анатолием — кивком головы он показывал на своего юного друга с рыжеватыми усиками.

— Враг силен, пока ему как следует не дали. А получит раз, другой, сразу пыл сбавляет. По первой мировой знаю.

— А вы и тогда воевали?

— Пришлось. Хлебнул войны по ноздри. Но был, как и вы, огонь-парень. Голыми руками не возьмешь, обожжешься. Как и сейчас, в разведку ходил, на брюхе ползал.

— Он два Георгия имеет,— подает голос Анатолий.

А вскоре вместе с другими партизанами, проявившими смелость и мужество в борьбе с фашистскими захватчиками в первые месяцы войны, П. Е. Кривоносов был награжден орденом Ленина.

Незаметно подошла осень. Штаб районного партизанского соединения, который возглавлял секретарь Лужского райкома партии И. Д. Дмитриев, решил больных и раненых переправить через линию фронта в Ленинград. Сделать это было непросто. Кратчайший путь фашисты перерезали, поэтому решили двигаться в обход. Командиром назначили Кривоносова.

Группа пробиралась глухими лесными тропами, по осенней хляби, но больных и раненых Кривоносов доставил в целости и сохранности. Сам тоже попал в госпиталь. Чтобы быстрее поставить партизана на ноги, отправили его на Большую землю.

В одном из подмосковных госпиталей с ним встретился Матвей Генрихович Манизер. За несколько сеансов он вылепил бюст, явившийся основой для создания центральной фигуры в композиции «Народные мстители», установленной на площадке лестницы, ведущей на станцию метро «Измайловский парк». В образе пожилого партизана с окладистой бородой видны гнев и несгибаемая воля.

Летом сорок второго года в Москве открылась выставка произведений, созданных в дни войны. Среди экспонировавшихся работ были картины К. Юона «Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года», А. Пластова «В освобожденной деревне», П. Кончаловского «Где здесь сдают кровь?», Н. Жукова «Лиза Чайкина» и «Атака», Д. Шмаринова «Танковый десант». Был выставлен и портрет командира партизанского отряда Батько — П. Е. Кривоносова, выполненный художником Г. Ряжским тогда же, когда М. Манизер создавал скульптурный бюст Павла Елисеевича.

Но отважному партизану увидеть свой портрет на выставке не довелось. Едва окрепло здоровье, он обратился в Центральный штаб партизанского движения с просьбой направить его на Кубань, туда, где прошла боевая молодость.

Вскоре он возглавил партизанскую группу «Кубанцы», в которую вошли в основном рабочие и служащие Краснодара. Группа была небольшой, всего около тридцати бойцов, но очень мобильной. Действовала она в прифронтовой полосе, рядом с вражескими траншеями и блиндажами, среди минных полей и проволочных заграждений.

В конце августа группа точно знала расположение минных полей от станицы Убинской до Горячего Ключа. Все разведданные партизаны передали командованию 55-й и 32-й стрелковых дивизий, с которыми были тесно связаны, и в штаб Краснодарского партизанского соединения. Добывали партизаны и «языков». Хорошо зная расположение врага, группа Кривоносова выделяла проводников для армейских разведчиков и соседних партизанских отрядов.

По заданию Павла Елисеевича член партизанской группы «Кубанцы» профессор М. С. Волобуев устроился корреспондентом в издававшейся на русском языке фашистской газете «Кубань». Должность эта позволяла ему разъезжать по станицам, посещать ведомства оккупационных властей, беседовать с гитлеровскими солдатами и офицерами, проникать в расположение войск и на военные объекты. А это давало ценнейшую информацию о противнике. Естественно, сбор сведений был связан с огромным риском. Волобуев знал, что за ним следят. В своей квартире он не раз замечал следы негласных обысков.

Вместе с боевыми частями нашей армии партизанская группа освобождала Краснодар, вместе с ними вошла в израненный город. И сразу же Павел Елисеевич поспешил в горком партии к секретарю горкома Антону — Александру Алексеевичу Ряхину, с которым все месяцы своей партизанской деятельности на Кубани поддерживал самую тесную связь. Встречались «случайно» на улице, на конспиративных квартирах у надежных людей. Чтобы изменить внешность, голос, речь, Ряхин попросил знакомого дантиста удалить у него половину зубов, изменить лицо, облачился в рваную фуфайку с чужого плеча, надел ношенные-переношенные солдатские ботинки с обмотками. Даже самые близкие не могли узнать в заросшем щетиной, с запавшими щеками человеке секретаря горкома, с которым частенько встречались в предвоенные месяцы. Старый коммунист, слушавший выступление Ленина на Втором конгрессе Коминтерна, ударник первых пятилеток, Ряхин был хорошо известен в городе.

И после Великой Победы будут встречаться Кривоносов и Ряхин — старые коммунисты, боевые побратимы. Вместе выступали перед молодежью. Наезжал Павел Елисеевич и в Ростов-на-Дону, к профессору института народного хозяйства М. С. Волобуеву. Бывая в Ленинграде, спешил к И. Д. Дмитриеву.

До последних своих дней Павел Елисеевич был настоящим бойцом партии.

НОВОСТЬ

ГАМИБАЗИН ПРОТИВ НИКОТИНА

Гамибазин против никотина. Формула боя — до победы. Я жду начала дуэли. А так как знаю, что никотин — зло, то, само собой, симпатии мои на стороне гамибазина.

...Типично аптекарская коробочка. В ней аккуратно уложены отмеренные медиками «ириски». Каждая завернута в розовую вощеную бумажку, на которой нарисована решительно перечеркнутая сигарета. Две надписи: русская и по-латыни — так и положено,— ведь лекарство. Информационный листок; он нужен — дело-то новое. «Гамибазин — жевательная резинка... Применяют по назначению врача для облегчения отвыкания от курения...»

И приписка внизу: о результатах и ваших пожеланиях просим сообщить в... Министерство пищевой промышленности Армянской ССР.

Пищевикам — о лекарстве? Ошибки нет, все правильно. Гамибазин — лечебный препарат, и продавать его будут в аптеках по рецептам. Но выпуск препарата взяли на себя пищевики. И тем больше признательность Министерству пищевой промышленности СССР, а особо Минпищепрому Армении.

Не все получилось сразу. Жевательная резинка — дело в общем-то нехитрое. Но тут особый случай. Точнейшая дозировка препарата, специальные приборы для ведения экспресс-анализа.

...Все хорошо, что хорошо кончается. Основные трудности позади. Два министерства — пищевой промышленности и здравоохранения — рассмотрели и утвердили протокол, позволяющий производство гамибазина.

Сейчас начало его выпуска. И, видимо, теперь уже недалек день, когда самые завзятые курильщики, решившие покончить с этим пороком, смогут получить у врача рецепт и отправиться в аптеку за гамибазином.

Время дуэли приближается... И пусть победит гамибазин!

К. БАРЫКИН.

фото Д. Дебабова

Одетту танцует Р. Хилько.

Танцовщики с берегов Днепра

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Балет — особый, неповторимый мир. Здесь сливаются воедино волшебство музыки, радость встречи с бессмертным искусством танца, вдохновение исполнителя... Исполнитель — как же много от него зависит! Ведь своим танцем он передает всю жизнь человеческую. В сложной гармонии, пластике движений раскрывается многообразие всех наших отношений с окружающим миром, вся полнота и сложность чувств.

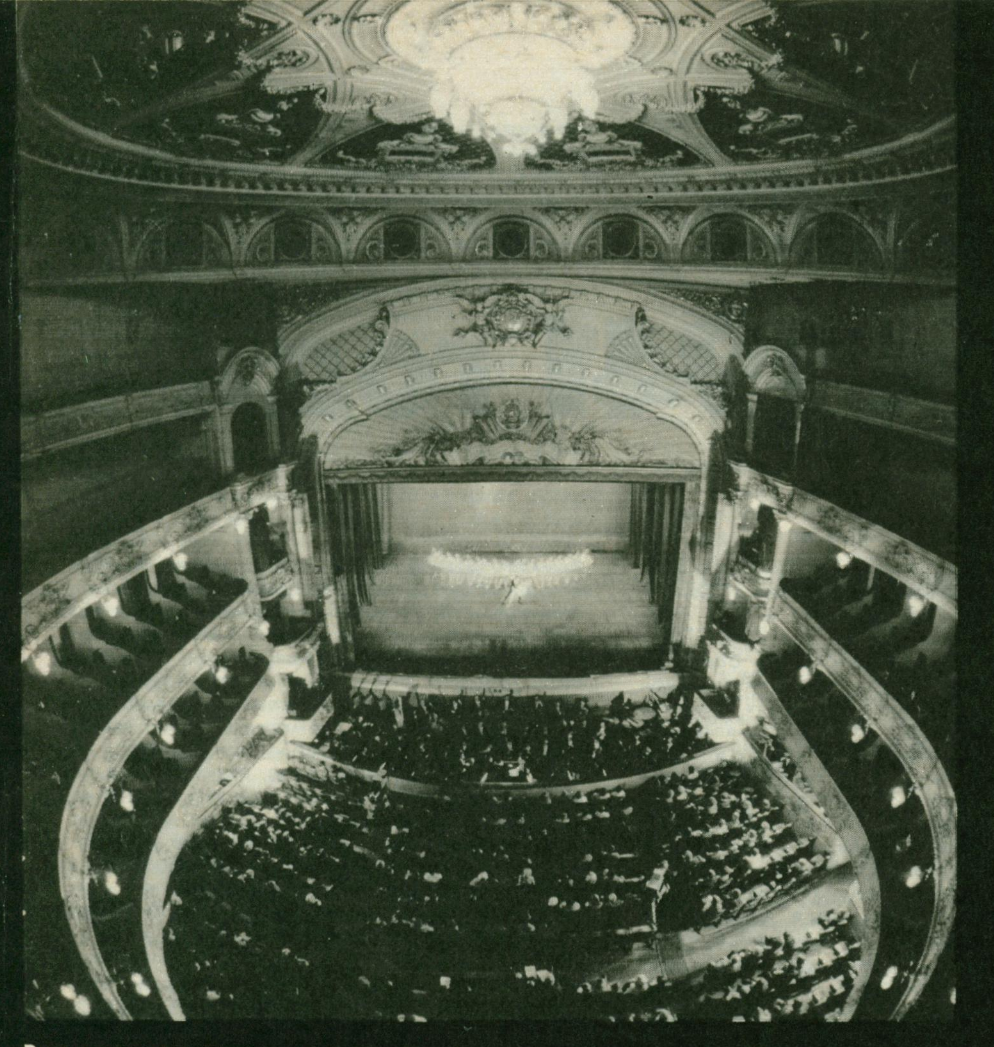
Украинский классический балет богат талантами, чему немало способствовал опыт русской хореографической школы. Начиная от М. Петипа и М. Фокина до Ю. Григоровича и И. Бельского идет вечный поиск пластических образов. Идет все дальше, органично объединяясь в едином советском хореографическом искусстве.

Первый украинский советский театр оперы и балета открылся 3 октября 1925 года в Харькове постановкой «Лебединого озера» Чайковского. С этого дня началась история украинского классического балета. Сегодня же в репертуаре государственных театров оперы и балета Украины — их шесть — насчитывается более 40 балетных спектаклей. Одним из ведущих творческих коллективов является Киевский государственный ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени академический театр оперы и балета имени Т. Г. Шевченко. Каждое новое поколение украинских мастеров вносило свою лепту, свою красоту и одухотворенность в великое искусство танца. Постоянное обращение к классическому наследию мировой хореографии, и в первую очередь русской, стало проверкой и утверждением художественного вкуса и зрелости творческого коллектива. И уже на протяжении десятилетий мы видим на киевской сцене вдохновенную Жизель, нежную Одетту, пробуждающуюся красавицу Аврору...

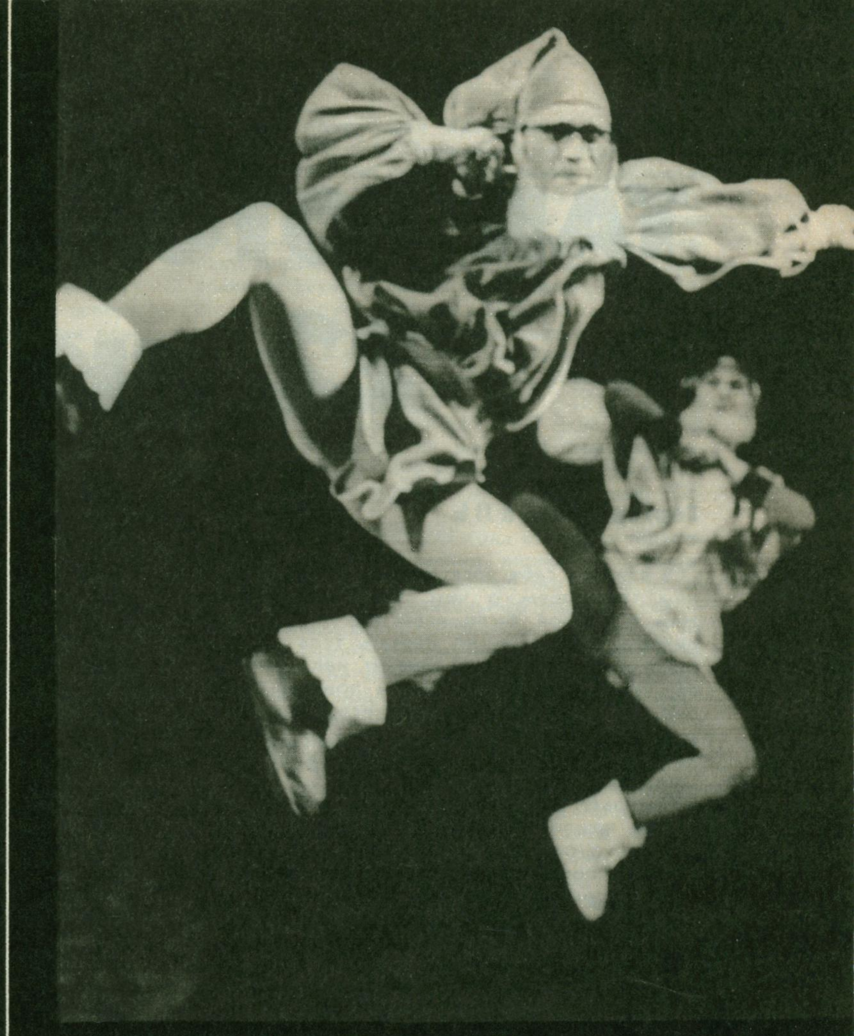
В то же время театр ищет новые темы, добивается заострения образов советской хореографии. На сцене живут «Спартак», «Ромео и Джульетта», «Бахчисарайский фонтан», «Лесная песня», «Лилея», «Белоснежка и семь гномов», новый, совсем недавно созданный балет-легенда «Ольга».

Как известно, язык балета интернационален. Танцовщикам с берегов Днепра аплодировали зрители Франции, Италии, Японии, Португалии, Индии, Новой Зеландии, Филиппин, Чехословакии, да разве назовешь все страны, где люди радовались красоте и содержательности танца. Сегодня коллектив готовится к гастролям в Сирии, Иордании, на братской Кубе...

Ирина ПОТАПСКАЯ

В зрительном зале...

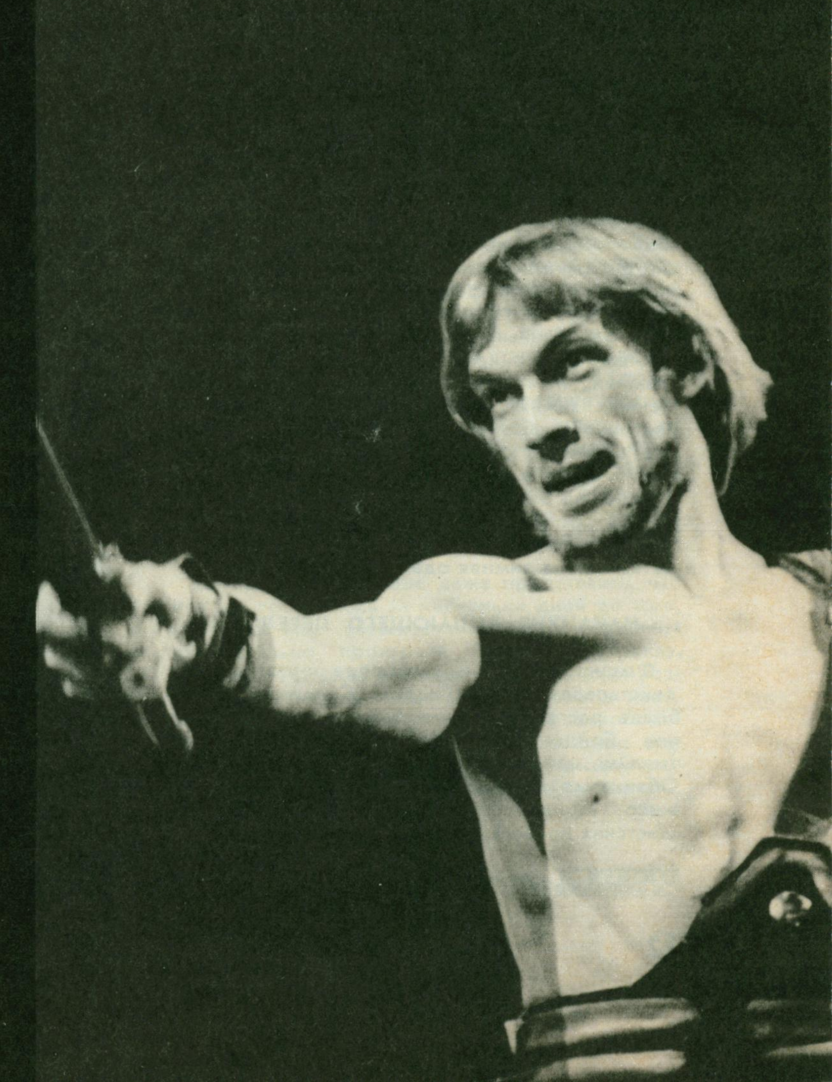

«Белоснежка и семь гномов».

«Лебединое озеро». Л. Сморгачева и С. Лукин.

Спартак — В. Федотов.

ЗАПИСКИ НЕМЕЦКОГО АНТИФАШИСТА

ТАК ГОТОВИЛОСЬ 22 июня 1941 ГОДА

Герхард КЕГЕЛЬ

Я взял на себя восстановление связи с одним товарищем, о чем уже говорил выше. Нам с Ильзой было известно, что он находится в Бухаресте, но поехать туда не представлялось возможным. Значит, надо попытаться, чтобы этот товарищ сам приехал в Берлин. Мы договорились, что, если встреча состоится, я буду говорить с ним о восстановлении только моих собственных связей с Центром.

Сознавая, что мое письмо (а другого пути мы не нашли), по всей вероятности, пройдет несколько раз цензуру, я составил невинный текст и послал с курьерской почтой министерства иностранных дел в германское посольство в Бухаресте, сопроводив просьбой передать данное письмо адресату, который там известен. В качестве отправителя я написал свою фамилию и указал место службы в Берлине. В письме я сообщил, что после длительного пребывания за границей снова нахожусь в Берлине. Мол, с радостью узнал, что он с супругой проживает в Румынии, которая, по берлинским понятиям, просто страна с молочными реками и кисельными берегами. Если он найдет возможным прислать мне посылочку из этой сказочной страны, было бы чрезвычайно приятно. Но еще больше меня обрадует, если он во время своего следующего приезда в Берлин, на который я надеюсь в скором времени, выкроит вечерок для дружеской встречи.

Примерно в конце ноября — начале декабря 1941 года у нас с Ильзой состоялась еще одна долгая беседа о положении на фронтах. Что касается хода войны, мы были настроены оптимистически, несмотря на то, что нацисты предприняли новое крупное наступление на Москву, для которого были переброшены войска из-под Ленинграда и с Юга.

Имевшаяся у нас информация говорила, что в высших военных штабах и некоторых политических центрах «третьего рейха» уже стали заметны весьма пессимистические суждения. Среди населения росли сомнения в непогрешимости фюрера. Огромные потери на Восточном фронте действовали гнетуще даже на многих приверженцев и попутчиков нацистского режима. Несмотря на гитлеровский террор, противники фашизма стали вновь обретать мужество. С невероятным пропагандистским барабанным боем и беспримерным давлением на все круги населения под флагом «зимней помощи» проводился сбор поношенных зимних вещей для «храбрых солдат Восточного фронта». Это отрезвило еще более широкие круги, до сих пор верившие в быструю победу. Неужели, спрашивали себя многие из тех, кто вчера еще верил нацистской пропаганде, Гитлер действительно не знал, что зима в России холодная и что солдатам нужна зимняя одежда?

НАКАНУНЕ РЕШАЮЩЕГО ПЕРЕЛОМА

Фашистская машина террора и подавления действовала полным ходом. Слушание, а тем более распространение передач Московского или Лондонского радио влекло за собой тюрьму, концлагерь, а то и смертную казнь. Обвинение в «подрыве военной мощи» служило юридическим основанием для фашистских кровавых судей...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 29—32.

Но особенно тревожил нацистское руководство рост организованного движения Сопротивления фашистскому режиму и его преступной войне. Несмотря на сильнейшие потери, уже с 1933 года неустрашимо боролись подпольные организации Коммунистической партии Германии, во многих случаях совместно с ними действовали группы социал-демократов, членов профсоюзов и другие. Политически сознательным, непоколебимым ядром антифашистского Сопротивления в Германии были коммунисты, политико-идеологическое направление и поддержку подпольной работе которых давал из Москвы ЦК КПГ. Группы и организации подпольщиков боролись против фашизма, не щадя жизни. Они боролись против войны, за свержение нацистского преступного режима, за новую, свободную и демократическую Германию. В их ряды вступало также и немало буржуазных демократов и других немецких патриотов. Они осознали, что нацистский режим — могильщик Германии, губитель немецкого народа. Многие из них в ходе совместной борьбы или заключения в тюрьмах и концлагерях становились социалистами и коммунистами. Немало борцов погибло за великое общее дело. Постепенно возникала и буржуазная оппозиция гитлеровскому режиму, приведшая к заговору 20 июля 1944 года.

В министерстве иностранных дел я знал некоторых оппозиционно настроенных людей, примыкавших к последней категории. Большинство из них было связано родственными узами не только с юнкерскими кругами и крупным капиталом, но и с высшей государственной и военной бюрократией. Мой опыт работы в германских посольствах в Варшаве и Москве подсказывал, что именно эти лица представляют ценный источник информации. Разумеется, человеку, не принадлежавшему к их кругу, подключиться к такому источнику информации было трудно...

Время, когда у Ильзы не было связи с Центром (конец 1941 — начало 1942 года), я использовал для того, чтобы систематически расширять круг моих потенциальных информаторов.

В обеденный перерыв (он обычно продолжался час) тысячи руководящих, средних и прочих служащих министерств и иных государственных учреждений устремлялись в центр Берлина, в расположенные здесь отели, рестораны и закусочные. Было делом вполне обычным договариваться с коллегами или знакомыми пообедать вместе. Само собой разумеется, каждый платил за себя и приносил собственные обеденные карточки. Во время таких обедов я познакомился со многими людьми, представлявшими для меня интерес. С некоторыми стоило встречаться регулярно. Но бывали и такие, с которыми я в интересах своей безопасности был особенно осторожен.

Я неоднократно встречал на различных торговых переговорах ван Шерпенберга, который тогда занимал руководящий пост в торгово-политическом отделе министерства иностранных дел. Почувствовав, что я, как и он, — противник фашистской диктатуры, Шерпенберг, по-моему, испытывал потребность наедине со мной отвести душу. Он был просто «набит» ценной информацией. Я знал, что когда-то он был социал-демократом, а его жена, дочь бывшего президента рейхсбанка Яльмара Шахта, в юные годы была связана с одной левой студенческой организацией. Это вызывало у меня симпатию к нему. Но во время наших застольных разговоров он вел себя столь несдержанно и говорил столь громко, что начинали прислушиваться не только сидевшие за соседними столиками, но и официанты. Его громогласность объяснялась, вероятно, тугоухостью. Кроме того, он был уверен, что ему, зятю известного д-ра Шахта, никто замечания не сделает. Но я счел все же за благо свести обеденные встречи с ним до минимума. Кстати, никакой антифашистской активности он не проявлял, хотя нацисты, несмотря на влиятельного тестя, к концу войны на несколько месяцев засадили его в тюрьму. После войны он играл некоторую роль в боннском министерстве иностранных дел.

Весьма кстати оказалось мне приглашение, благодаря которому я стал членом «клуба господ», находившегося в Берлине на Егерштрассе (после войны это здание было отдано берлинскому «Культурбунду»). В 1941—1942 годах клуб этот уже давно не был тем, чем он являлся в вильгельмовские времена или в годы Веймарской республики. Теперь это было просто сборище влиятельных людей, аристократическо-юнкерский элемент все еще играл в нем большую роль, а сам клуб превратился в место встреч хорошо информированных лиц, так сказать, в «информационную биржу».

Потому я обрадовался, что некий господин Баум из ведомства Розенберга, специалист по Восточной Европе, многие годы прослуживший в качестве пресс-атташе германского посольства в Москве, в середине декабря 1941 года позвонил мне и предложил пообедать вместе в «клубе господ». Не будучи его членом, Баум имел, однако, постоянный гостевой билет, позволявший ему пригласить другого гостя. Там он познакомил меня с бароном Юкскюллем, который занимал какую-то должность в правлении клуба и охотно устроил гостевой билет и мне.

Здесь, в «клубе господ», стоял большой общий обеденный стол. Места за ним оставлялись для членов и постоянных гостей. Казалось, все они знают друг друга. Новым гостям, а также тем членам, которые приводили с собой еще неизвестных лиц, официанты указывали места за столиками на четверых. За такими столиками располагались и те, кто хотел поговорить доверительно. Баум зарезервировал для нас такой столик. Когда мы усаживались, за большим столом очень громко обсуждалось только что происшедшее нападение японцев на американский Тихоокеанский флот, все говорили о последствиях японо-американской войны и закулисных причинах объявления Германией войны Соединенным Штатам.

Итак, 7 декабря 1941 года в Берлине было объявлено, что Япония, согласно сообщению токийского радио, с 6 часов утра 8 декабря будет находиться в состоянии войны с США и Великобританией. Уже 11 декабря Риббентроп сообщил американскому поверенному в делах в Берлине, что и Германия тоже объявляет войну США. Напомню, что именно в эти декабрьские дни советские армии перешли в наступление на широком фронте и Гитлер и его генералы уже проиграли битву за Москву...

17 декабря веровавшие в Гитлера немцы

со страхом читали сообщение верховного командования вермахта: «В процессе перехода от наступательных операций к позиционной войне на зимние месяцы в настоящее время на различных участках Восточного фронта планомерно предпринимаются необходимые улучшения и сокращения линии фронта». Но поскольку эти «планомерные» изменения частично принимали форму бегства, в информированных нацистских кругах Берлина они вызвали опасения, а у немногочисленных тогда противников Гитлера — большие надежды.

И вот в этих условиях гитлеровская Германия объявляет войну США! Гости за большим столом «клуба господ» пришли к выводу: между Берлином и Токио имеется соглашение. Логично, полагали они, что в ближайшие дни Япония объявит войну и Советскому Союзу, а затем последует крупное отвлекающее японское наступление против России на Дальнем Востоке. Это принесет обессиленным и побитым под Москвой германским армиям столь необходимое им облегчение и не позже, чем в будущем году, приведет к уже провозглашенному разгрому Советского Союза.

Насколько я мог понять из громкого спора за столом «клуба господ», были и такие, кто выражал серьезное сомнение, действительно ли существует твердая договоренность о нападении Японии на Советский Союз на Дальнем Востоке. Мол, маловероятно, чтобы Япония чувствовала себя достаточно сильной вести войну против такой страны, как США, и против Советского Союза. К тому же японцы по собственному опыту агрессии на монгольско-маньчжурской границе должны бы знать, что Советский Союз — это такой противник, недооценивать силу которого весьма опасно.

— А что думаете вы? — спросил я господина Баума. Немного поразмыслив, он ответил, что стал пессимистом. Гитлер и его генералы явно не рассчитали мощь и возможности Советского Союза. Как пойдет дело после нынешней зимы, никто сказать не может. На многих участках Восточного фронта — об этом говорят все имеющиеся у него сведения — царит хаос. Фюрер сместил многих командующих. Он готов прогнать и целый ряд других генералов. В первый раз за всю войну наше положение стало критическим. И откуда только у Советов берутся все новые резервы?..

Затем Баум вернулся к моему вопросу.

— Хотите знать мое мнение насчет объявления нами войны США? По имеющимся у меня сведениям, никакого японского обязательства напасть на Советский Союз в Сибири, если Германия объявит войну США, не существует. Я вижу здесь, у нас, лишь паническую реакцию, вызванную военным кризисом на Восточном фронте. Более или менее уверен: надежда на то, что японцы заплатят нам за наше объявление войны США нападением на Советский Союз, обманчива. Японцы не могут позволить себе этого. Но мы заставили теперь и США с их огромными материальными возможностями официально участвовать в войне против нас на стороне Англии и Советского Союза! Одному Рузвельту получить согласие своего народа на войну с Германией не удалось бы. Черчилль и Сталин могут быть вполне довольны.

— Кстати, скажите, господин Кегель,— продолжал, к моему удивлению, Баум,— вы никогда не задумывались, как вести себя, если вы однажды узнаете, что русские всего в пятидесяти или ста километрах от Берлина?

— Нет,— ответил я,— не задумывался. Но, может быть, нам обоим следует сделать это и при случае обсудить данную тему поглубже.

Мы еще не раз возвращались к этой теме. Встречались в «клубе господ» и обменивались информацией и мнениями. Я надеялся со временем привлечь Баума к участию в движении Сопротивления...

Но однажды, это было, пожалуй, в августе 1942 года, мне позвонил по телефону начальник отдела личного состава министерства иностранных дел фон Тадден. Спросил, не знаю ли я господина Баума, который прежде был пресс-атташе германского посольства в Москве. Я подтвердил, что знаю, и фон Тадден сразу же попросил зайти к нему в кабинет. От этого приглашения мне стало немного не по себе. Неужели у Баума из-за его неосторожных политических высказываний возникли какие-то неприятности с гестапо? И чего хотят в связи с этим от меня? Фон Тадден объяснил: один сотрудник, при котором нашли документы на имя Баума, обнаружен мертвым на железнодорожном пути около Потсдама. Вероятно, сбит поездом. Министерство просит меня опознать труп. Поскольку я знал Баума — моя фамилия значится в его телефонной книжке,— он просит меня немедленно поехать в морг, хорошенько осмотреть труп и написать для министерства краткое заключение. Я был обескуражен, так как всего за два дня до того встречался с Баумом в «клубе господ».

В морге берлинской клиники «Шарите» я увидел на каталке тело. Без сомнения, то был Баум. Никаких следов ранений или применения силы на трупе видно не было. А в свидетельстве о смерти говорилось, что его сбил мчащийся состав. Я написал заключение, в котором подтвердил идентичность мертвеца с известным мне Баумом, при этом особо подчеркнув, что никаких телесных повреждений на трупе мною не замечено. Собственно говоря, я мог бы допустить, что Баум покончил самоубийством. Но были некоторые признаки, опровергавшие это. К тому же двое лиц, знавших Баума, упорно утверждали, что видели его в «клубе господ» как раз в тот момент, когда его согласно свидетельству о смерти уже не было в живых. Несмотря на все усилия, мне так и не удалось добиться ясности насчет смерти Баума...

Между тем еще в конце 1941 — начале 1942 года напыщенные, но вместе с тем самоPOзоблачительные речи Гитлера, Геббельса и Риббентропа дали новый стимул движению Сопротивления.

Когда 23 октября 1941 года в сводке верховного главнокомандования вермахта сообщалось: «Несмотря на тяжелые погодные условия, внешние оборонительные позиции советской столицы были прорваны с юго-запада на широком фронте»,— верующие в Гитлера немцы со дня на день ожидали взятия Москвы. В «клубе господ» рассказывали, что «фюрер» даже уже пригласил высокопоставленных лиц на парад победы нацистских войск в Москве.

Однако 8 ноября Гитлеру пришлось косвенно признать, что для нацистской Германии ни вступления в Москву, ни парада победы на Красной площади не будет. Напротив, он дал понять, что и его самого и его генералов не покидает страх перед катастрофой. «Все может быть,— кричал он своим все еще фанатичным последователям в мюнхенской пивной «Лёвенбройкеллер»,— но не может быть одного: чтобы Германия когда-либо капитулировала! И если наши противники говорят: «Да, но тогда война продлится до 1942 года», — то пусть она длится сколько ей угодно — все равно последним батальоном на этом поле битвы будет батальон немецкий!» Он попытался объяснить своим приверженцам и то, почему немецко-фашистские армии не могут захватить Ленинград. «А если кто-то говорит,— продолжал он,— что вы, мол, находитесь под Ленинградом в обороне, то на это я отвечаю: мы наступали под Ленинградом столько, сколько было необходимо, чтобы окружить его. Теперь мы в обороне, пускай другие пытаются прорвать окружение, зато в Ленинграде все передóхнут от голода!.. Ведь тот, кто дошел от восточно-прусской границы до линии всего в десяти километрах от Ленинграда, тот может преодолеть и эти десять километров и войти в город... Но в этом нет необходимости. Город схвачен кольцом, и его никто уже не освободит, он падет нам в руки. И пусть кто-то говорит: «Только в виде груды развалин!» Меня интересует не какой-то там город Ленинград, а уничтожение индустриального центра Ленинград». То были слова буйствующей, бессильной от ярости лисы, для которой зелен виноград.

После таких вспышек лжи и бахвальства, в которых слышались и ноты страха, немцы снова в течение нескольких дней слышали одни победные фанфары. Даже 26 ноября Риббентроп пытался внушить в Берлине представителям стран «Антикоминтерновского пакта», что Советский Союз, собственно говоря, войну уже проиграл. «Я думаю, что не скажу слишком много,— разглагольствовал он перед представителями сателлитов нацистской Германии,— если заявлю: эти пять месяцев похода на Восток следует назвать самым крупным из всех военных деяний во всей мировой истории... Однако я полагаю, что все геройские дела наших превосходных войск были бы тщетными, если бы эти битвы не направлял всеобъемлющий, уникальный полководческий гений».

Сегодня трудно себе даже представить, что все это говорилось за несколько дней до того, как весь мир узнал: гитлеровская Германия окончательно проиграла битву за Москву. К концу 1941 года вырисовалась реальная возможность победы Советского Союза в навязанной ему войне, которая стала освободительной Отечественной войной. То было для меня самым радостным рождественским подарком из всех, какие я мог только пожелать.

Окончание следует.

Перевод Г. РУДОГО.

Начало контрнаступления советских войск под Москвой.

ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ... ДИРЕКТОРА

ФЕЛЬЕТОН

Виктор ПРОНИН

Представьте себе, дорогой читатель, что вас назначили директором крупного научно-исследовательского института. Ну, например... института санитарного просвещения. Вот так взяли и назначили. Учитывая вашу преданность лозунгу «Здоровье каждого — богатство всех», учитывая вашу, дорогой читатель, образованность и умение руководить коллективом.

Представили? И вот идете вы утром на работу, поднимаетесь по беломраморной лестнице, отражаетесь в высоких зеркалах, ступаете на ковер приемной, шествуете к высокой двустворчатой двери, за которой простирается ваш кабинет. А все вокруг бегут, бегут, исполняют свои обязанности, но все-таки находят момент, чтобы поздороваться с вами, набраться от вас сил на весь предстоящий рабочий день.

— Здравствуйте, Дмитрий Николаевич!— говорят вам сослуживцы с неподдельным уважением.— Здравствуйте! — слышите вы со всех сторон, и душа ваша, дорогой читатель, естественно, радуется...

Приятно, правда?

А потом проходит какое-то время, и вы вдруг обнаруживаете в коллективе чужеродные вкрапления — людей, которые не всегда находят время забежать, засвидетельствовать, засмущаться под вашим проницательным взглядом. Думаю, дорогой читатель, вы правильно поступите, если постараетесь избавиться от такого человека. Зачем он вам? Только коллектив разлагает.

А как-нибудь вечером, глядя на поток машин, вы вдруг подумаете, что одной «Волги» вам явно мало, что неплохо бы и вторую. Вы поступите совершенно правильно, если найдете способ завести себе и вторую легковушку. При ваших-то, дорогой читатель, заботах, при вашем значении и влиянии в мире «Волга» туда, «Волга» сюда... А если окажется однажды, что и коллектив того... не очень соответствует вашим представлениям о примерном, добропорядочном коллективе, то и его можно сменить, не сразу, конечно, но за два-три года можно.

Представили? Так вот, успокойтесь. Вас, дорогой читатель, никак не назначат директором института санитарного просвещения по той простой причине, что там уже есть директор, не знаю, надолго ли, но пока есть, и зовут его, конечно, Дмитрием Николаевичем.

О, Дмитрий Николаевич Лоранский, человек неуемной энергии, железной хватки, мог бы горы свернуть, мог бы до каждого жителя нашей страны донести идеалы санитарного просвещения, но не может он отдаться этому до конца, к сожалению, дела совсем другого рода беспокоят его. Да, правильно, вы угадали. Дмитрий Николаевич убедился, что коллектив, которым ему поручено руководить, не соответствует международным стандартам. А в международных стандартах Дмитрий Николаевич разбирается неплохо: побывал за рубежом, знает порядки в заморских странах и не скрывает своих знаний, несет их в мир. Стоило, например, заболеть машинистке Т. А. Сергеевой, которая в основном печатала его личные материалы, работы его жены и дочери, причем печатала так много и успешно, что вынуждена была подзапустить всю остальную работу, так вот, стоило ей заболеть, как вернулась она уже... уволенной.

— В Америке выгоняют на следующий день после болезни,— поделился с ней Дмитрий Николаевич своими зарубежными впечатлениями.

Знакомясь с деятельностью Дмитрия Николаевича Лоранского на должности директора института, как-то невольно приходишь к мысли, что, наверное, нет такой области человеческой деятельности, где бы нельзя было установить какого-никакого рекорда, прославиться, оставить имя свое в истории. Можно было бы, конечно, попытаться просветить всех поголовно на предмет санитарной гигиены, но ведь хлопотно, население увеличивается, ученые предлагают всевозможные придумки свои — нет, не угнаться. И Дмитрий Николаевич принимает мужественное решение идти по другому пути. Мы ведь не зря упомянули «Волгу» — только за один год перерасход на нее составил без малого тысячу рублей, а по другим данным — даже две тысячи. Но в отчетности, естественно, они были скрыты, и понадобились усилия многих людей, чтобы эту цифру на свет божий извлечь.

Или, к примеру, за рубеж собрался Дмитрий Николаевич. Не ехать же с пустыми руками, так ведь можно с пустыми руками и вернуться. И опять смелое решение — подвластные ему мастера получают срочный и очень почетный заказ: изготовить товарищу директору сувениры для поездки. Изготовили, больше чем на семьсот рублей потянули сувениры. Хорошо съездил товарищ директор, вернулся помолодевший, переполненный впечатлениями.

Причем сказать, что товарищ Лоранский ко всем сплошь относился недоброжелательно,— такого сказать нельзя. К своей жене, например, он неплохо относится. Потребовалось ей перепечатать сотню-другую-третью страниц — пожалуйста, ей тут же выделена ставка машинистка. Потребовалось оформить докторскую диссертацию — и опять, пожалуйста, несколько человек брошены на оформление таблиц, графиков, плакатов. Надо полагать, защита прошла на высоком художественном уровне, поскольку занимались изготовлением материалов мастера этого дела — при институте действует экспериментальное производственное предприятие, которое для краткости называют ЭПП. Так вот, в этом ЭПП народу больше, чем в самом институте, и умельцы там работают первоклассные. Во всяком случае, когда по указанию директора были оформлены диссертации для некоторых соискателей, а их руководителем являлся, конечно, Дмитрий Николаевич, то это обошлось нам с вами, дорогой читатель, больше чем в тысячу семьсот рублей. Да, не чужд Дмитрий Николаевич эстетических воззрений, не чужд.

Так вот, насчет рекордов. Досужие работники института подсчитали, что усилиями Дмитрия Николаевича основной костяк коллектива сменился едва ли не на 99 процентов — из пятидесяти специалистов, которых он застал, придя на новую должность, осталось не то двое, не то трое. Остальные уволились по собственному желанию, как сказано в их заявлениях. Но вот не сказано в заявлениях, по чьему именно собственному желанию они уволились. На этот счет не может быть никаких сомнений: есть десятки заявлений, писем, жалоб от бывших сотрудников института и предприятия, которые открытым текстом пишут, что никакого у них лично собственного желания уходить из коллектива, в котором многие проработали по два-три десятка лет, не было, что ушли они исключительно по личному желанию Дмитрия Николаевича Лоранского.

Секретарь общественного отдела кадров ЭПП В. И. Беляков говорит:

— Среди заявлений, поданных в общественный отдел кадров об увольнении по собственному желанию, были заявления экономиста Т. И. Каменевой, старшего инженера полиграфической группы И. В. Боясовой, старшего мастера печатного участка С. А. Белова, редактора Ф. Я. Беркиной, старшего экономиста Е. Г. Хромченковой, старшего товароведа Т. Ф. Бурыкиной, печатника В. Ф. Бекренева. Однако в частной беседе выяснилось, что они уходят из-за гнетущей обстановки, создаваемой Дмитрием Николаевичем Лоранским.

Добавим, что за последние невеселые годы сменились четыре зама директора по хозяйственной части, четыре управляющих экспериментальным производственным предприятием, не говоря уже о перемене всех мастеров участков, руководителей отделов и подразделений. Малейшее несогласие с директором, попытка отдать предпочтение делу — и следует незамедлительная расправа.

Как-то управляющий ЭПП Виктор Тимофеевич Костюченко надолго слег в больницу с острым нервным заболеванием. Но Лоранский не забывал о нем ни на минуту. Для начала отозвал бумагу о выделении Виктору Тимофеевичу квартиры, оставив того в коммунальной, чтоб знал, как жить на белом свете, чтоб понятие имел о нравственных и духовных ценностях, которыми надо жить. Потом ходоков послал в больницу — не притворяется ли, потом бумагу отправил — притворяется. Потом заявление в ОБХСС — дача у Костюченко не ворованная ли?

А из-за чего все началось?

Вызывает директор к себе Костюченко и говорит таковы слова: надо бы, дескать, на одного нехорошего человека бумагу накатать, чтоб неповадно тому было... «Как так?! — удивляется Костюченко.— Вот так взять да и ложь написать?!» «А как же,— улыбается Лоранский доверительно,— взять и написать. И квартира у тебя будет, и почет, и уважение». Костюченко подобное отверг. И поплатился. В коммуналке до сих пор живет. Да и к увольнению дело, похоже, идет.

Вышел из кабинета Костюченко, вызывает директор его заместителя и говорит: слушай, начинает, товарищ Иванчихина, надо бы на Костюченко бумагу накатать, а то он, растуды его, непокорный нрав мне свой показал, надо, говорит Лоранский, чтоб и план у Костюченко полетел к чертовой матери, чтоб строительство нового корпуса было завалено, а вместе с корпусом завалится и этот настырный Костюченко, которому, видите ли, больше всех надо!

Иванчихина Галина Михайловна от этого предложения отказывается, поскольку считает Костюченко честным и порядочным человеком.

И ушла Иванчихина.

По собственному желанию ушла.

И до сих пор, вот уже больше года, на новое место работы звонят ей уважаемые люди и по поручению Лоранского Дмитрия Николаевича открывают глаза ее новому руководству, убеждают, что очень она плохая, что надо бы ее и оттуда выгнать. Естественно, по собственному желанию.

Но, с другой стороны, читатель, опытный и знающий, возьмет да и усомнится: а может, все это на пользу дела? Может, от всех перетрясок и увольнений польза великая? Может, все это направлено на повышение производительности, улучшение качества, снижение себестоимости, а?

Должны такого читателя сразу разочаровать. Никакого снижения, никакого повышения Дмитрий Николаевич не добился. Да и до того ли ему?! Попробуйте уволить полсотни человек! Нет, вы попробуйте! Сколько сил, сколько криков, рублей, бензина и километров нужно потратить! А новых людей найти! Ведь на место каждого нужно поставить специалиста. А ты его найди, ты его заинтересуй!

Какая уж тут продукция...

Мастер печатного цеха Сергей Александрович Белов, тоже уволенный по собственному желанию, говорит:

А. Орловский. 1777—1832. УКРАИНЕЦ.

Всесоюзная выставка «Реставрация музейных ценностей в СССР».
Калининская областная картинная галерея.

В. Серов. 1865—1911. ПОРТРЕТ В. В. КАПНИСТ.

Всесоюзная выставка «Реставрация музейных ценностей в СССР». Государственный Русский музей.

— Меня поразила низкая организация труда на участке и полнейшее равнодушие к этому со стороны руководства. Оборудование использовалось на 40—50 процентов, помещение запущенное, распространено всевозможное совместительство. Однако мое стремление что-то улучшить, упорядочить натыкалось на стену равнодушия, а потом мне вовсе дали понять, что пора уходить, и потребовали заявление об уходе по собственному желанию.

Старший мастер, бывший председатель цехкома ЭПП А. И. Полещук: всей своей деятельностью Д. Н. Лоранский развивает в людях неуверенность, трусость, угодничество.

Старший инженер полиграфгруппы, бывший секретарь партбюро И. В. Боясова: сейчас я уже на новом месте работы, но верный человек директора Г. А. Малышева продолжает звонить моему новому руководству и клеветать на меня, присылает даже протокол собрания, на котором якобы я была осуждена. Как делаются подобные протоколы, я знаю. И все это, несмотря на то, что и Лоранский и Малышева знают: я готовлюсь стать матерью, и любая нервотрепка может уложить меня в постель.

Редактор наглядных пособий О. М. Скачкова: создается такое впечатление, что основная забота Д. Н. Лоранского — это держать людей в постоянном напряжении, страхе. Люди уходят потому, что знают: возражать, ссылаться на здравый смысл бесполезно.

Начальник планово-экономического отдела ЭПП Г. И. Слуцкая: у нас совершенно недостойные методы руководства, основанные на подслушивании, сплетнях, доносах. Уход «по собственному желанию» значительной группы специалистов усложнил работу предприятия. Мне кажется, что стремление развалить всю нашу работу и есть конечная цель директора.

Редактор Ф. Я. Беркина: летом по распоряжению директора нам перестали давать работу. Но уже были заказаны плакаты, привлечены художники, то есть работа велась, но как бы подпольно. Неужели может быть подобное — работать втайне от директора, работать так, чтобы начальство об этом не прознало?! В этом коллективе я проработала тридцать лет, но подобного никогда не было, да и вряд ли подобное возможно где-либо.

Другими словами, явная социальная безнравственность, как выразился о своем бывшем руководителе Дмитрии Николаевиче Лоранском Н. Б. Коростелев, доцент кафедры истории медицины Первого московского медицинского института.

Чего же добивается Лоранский? Может быть, славы? Вопрос не случаен. Когда сотрудницу института И. И. Аваткову пригласили выступить по телевидению, Лоранский разрешил ей это сделать с одним условием: чтобы он тоже оказался в кадре, а если это никак невозможно, то чтобы Аваткова обязательно оповестила бы страну, что ныне институтом руководит уважаемый директор Дмитрий Николаевич Лоранский. Случай обрадовать народонаселение нашей страны сообщением о столь счастливом событии не представился, и в результате И. И. Аваткова работает совсем в другом месте.

Еще одна сторона деятельности, о которой рассказывает бывший сотрудник института В. Коган:

— Как-то читаю в журнале «Советское здравоохранение» статью Д. Н. Лоранского. Читаю и вижу, что часть этой статьи уже была опубликована под другим именем в другом журнале, а часть — результат моих собственных исследований. И это не единственный случай.

Впрочем, может быть, мы несправедливы к Дмитрию Николаевичу, может быть, есть некий другой отсчет, другая система ценностей, по которой он действительно прекрасный специалист, не знающий устали ученый? Может быть. Во всяком случае, побывав в последние годы за рубежом более сорока раз, он тем не менее ни на минуту не прекращал своей научной деятельности, став автором каждой третьей работы, опубликованной институтом. Думаете, это легко, учитывая, что на каждую поездку требуется время для оформления документов, подготовки докладов, требуется запастись сувенирами в конце концов, о чем мы уже писали. Думаете, это легко, учитывая, что за последние три года из института уволилось 118 сотрудников, притом что там в штате всего 138 человек... Думаете, это легко, учитывая, что даже с уволенными сотрудниками отношения Дмитрия Николаевича не обрывались — ушедшим специалистам нередко лишь через юридические службы удавалось получить от Лоранского свои документы, необходимые записи в трудовой книжке, характеристики.

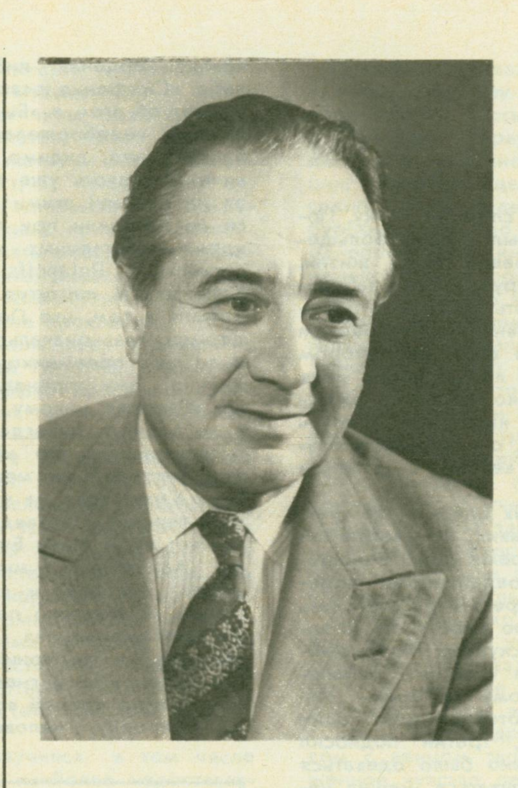
Надо признать, случай чрезвычайно редкий. Да, бывает, когда тот или иной руководитель, убедившись в бесполезности того или иного подчиненного, увольняет его. Но чтобы разогнать целый коллектив, чтобы испортить жизнь десяткам людей, чтобы всех их перессорить и убедить в том, что интересы дела — нечто совершенно второстепенное, этого добиться можно разве что с выдумкой, изобретательностью Дмитрия Николаевича Лоранского.

Передо мной лежит толстый том, по внешнему виду напоминающий том уголовного дела, причем он и по содержанию весьма смахивает на самое настоящее уголовное дело. В нем собраны и подшиты десятки, если не сотни, всевозможных документов, рассказывающих о жизни и деятельности Дмитрия Николаевича Лоранского. Здесь приказы об увольнении, заявления об уходе по собственному желанию, письма в министерство, редакции газет и журналов, в народный контроль, здесь приказы о создании комиссий, которым поручается разобраться с жалобами, выводы этих комиссий, ответы Лоранского и его ближайших соратников. Скажем сразу: подтверждаются и жалобы и письма, поскольку здесь и выводы финансовых комиссий, и приказы о выговорах Лоранскому. Нет, правда, одного, на мой взгляд, очень важного документа...

Но надеюсь, редакция вскоре его дождется.

Потому что разваливать коллектив, вынуждать людей совершать подлости, назначать пьяниц начальниками, чтобы перессорить людей,— разве это не преступление?

...Когда материал был подготовлен к печати, стало известно, что решением Коллегии Министерства здравоохранения СССР Д. Н. Лоранский освобожден от занимаемой должности. Однако не все еще проблемы решены. Не восстановлены в своих правах В. Т. Костюченко, М. Н. Рогова, остались и другие занозы, которые предстоит удалить новому руководству института. В полном соответствии с требованиями санитарии и гигиены.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНАТОЛИЯ АЛЕКСИНА

ВСМАТРИВАЯСЬ В БУДУЩЕЕ

Юное поколение — будущее страны. Педагогика может менять свои методы, экспериментально проверять месяцами и годами пользу или вред какого-нибудь приема воспитания, а писатель, пишущий для детей, ждать не может — он уже сейчас, сию минуту должен обратиться к юности, дать в потаенной форме свой совет ей, начертить путь к познанию себя и к самосовершенствованию, называя черное черным, а белое белым, показывая, кто негодяй и почему и кто человек с будущим, с кем можно дружить и строить. Писатель многое сообщает интуитивно, но честно не менее, чем воспитатель.

Анатолий Алексин — педагог и писатель. Он может воздействовать и длительно и сразу, быть и стратегом и тактиком. Телевизионная рубрика «Лица друзей», которую он ведет, использует оба эти его качества.

Человека во многом созидает чтение. Это неоспоримо. Не читающего — не созидает. Когда видишь, как жадно вглядываются юные читатели и зрители в героев книг и пьес Алексина, словно видишь незримые нити, по которым идет таинство открытия истин в человеческих отношениях, в борьбе добра со злом и несправедливостью. Сколько ребячьих сердец сжималось от горя и наполнялось светлой надеждой при чтении «Безумной Евдокии», или «Раздела имущества», или многих других известных повестей писателя... Всматриваясь в будущее, он видит жизнь юных поколений в непреходящем движении, в развитии характеров, и потому он пишет для читателей всех возрастов. Книги Алексина не стареют, как неизбывны сами проблемы, к которым обращается автор; они проверены временем, в них меткая звучность слова, полнота богатства современного литературного языка. Но не только в этом причина.

В. Короленко в одном из своих писем сказал: «Я думаю, что для детей нужно писать так, чтобы нравилось и взрослым, а для взрослых так, чтобы понимали и дети». Именно это свойство отличает произведения Анатолия Алексина, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР, лауреата премии Ленинского комсомола, Международной премии социалистических стран имени М. Горького, обладателя ряда международных дипломов, включенного в Почетный список имени Андерсена.

Тридцать лет назад Алексин написал рассказ «Неправда» — о том, как в глазах маленького мальчугана случайно рухнул образ правдивого, честного и мужественного отца, оказавшегося обманщиком и подлецом. В то время еще не были написаны ни «Поздний ребенок», ни «Сердечная недостаточность». Но уже тогда этим небольшим рассказом писатель не просто заявил об интересующей его проблеме и поведал об этом мастерски — он уверенно определил ту тональность, которая будет сопровождать отныне его произведения, пробуждающие в юной душе страсть к правде, к борьбе за правое дело, неприятие любой лжи, лицемерия, с которых начинается обыкновенная подлость. И уже тогда стало ясно: будет в книгах Алексина над чем задуматься и тем, кто постарше, и просто взрослым людям, каждодневно общающимся с этим великим отрядом «просыпающегося человечества» — детьми.

Не всем удается взять верную ноту в разговоре с юными, тут должно быть что-то от волшебства, от одаренности, а не только от писательского звания или должности. В том, что с детьми можно и должно говорить о серьезном и жизненно важном, подали пример Пушкин и поколения мастеров после него. У нашей советской детской литературы есть свои прекрасные в этом смысле традиции, заложенные Гайдаром и Пантелеевым, Маршаком и Чуковским. Писатель Анатолий Алексин — один из поборников этой преемственной связи, книгам его суждена долгая жизнь.

Ю. НОВИКОВ

Юрий НАГИБИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Князь Юрка Голицын

И все же испытания не сломили Юрку. Поначалу он еще склонен был к самообольщениям, оставшимся от зоревой поры жизни, когда все само шло к его рукам. Едва забрезжила возможность поставить «Жизнь за царя» и продирижировать несравненным творением Глинки, как он уже видел себя «директором классических опер». Была ли на самом деле такая должность, или только грезилась разгоряченному воображению князя — не берусь сказать, во всяком случае, он незамедлительно поделился радостной вестью с далеким другом Рахманиновым.

Директором классических опер он не стал, «Жизнь за царя» не поставил, но увертюрой не раз дирижировал во время своих безостановочных кружений по соединенному королевству. Постепенно он перестал рассчитывать на чудо и налег на черную работу, не отказываясь даже от самых скудных предложений. Многое было трудно толстому забалованному человеку, которому во время оно послеобеденную трубку готовили трое: один набивал, другой подавал, третий подносил огонь. Трудно и непривычно было одеваться самому, еще труднее — обуваться, мешал необъятный живот, не перегнуться через него. Он возил с собой серебряную ложку от столового сервиза и с ее помощью, вслепую, задыхаясь, хватаясь за сердце, в несколько заходов заправлял стопу в ботинок. Он научился крепко спать в убогих номерах дрянных гостиниц, пронизанных звуками пивного веселья, бильярдной игры, ругани и драк, научился есть в дешевых харчевнях, а то и вовсе обходиться без еды, довольствуясь чашкой чая или кружкой портера, научился вышагивать длинные английские версты-мили на своих тяжелых контуженых ногах, научился стелить и разбирать постель, подметать пол, научился ладить с грубыми, небрежными, зачастую неквалифицированными английскими музыкантами и даже пробуждать в них искру божью. Чужая увлеченность заразительна, а князь во всех своих мытарствах не только не охладел к музыке, а полюбил ее еще с большим пылом. Его странно умиляло, что такое нежное, сердечное занятие служит для пропитания его семьи. Это не унижало музыку, напротив, открывало ее жизненную серьезность: она была нужна людям, и за нее платили, как за хлеб и молоко.

Он исполнял любую музыку, репертуар его был огромен, но охотнее всего — русских композиторов, особенно своего кумира Глинку. Если у него оказывалось время подготовить хор, а князь научился это делать с быстротой, поражавшей знатоков, он давал концерты старинной и современной народной песни и приучал английскую публику к незнакомым созвучиям. Постепенно импресарио стали все чаще приглашать его для исполнения именно русской музыки, от которой прежде шарахались.

Сам князь вроде бы не догадывался, что служит большому культурному делу: приблизить Европу к постижению русской сути через музыку. Он просто зарабатывал на жизнь. Ну, а в приверженности к отечественной музыке столь же мало его заслуг, как в дарованном природой цвете глаз или волос. Не заносясь высоко, не ведая о своей миссии, князь вместе с тем ощущал происшедшую в нем перемену и радовался ей. Он писал Рахманинову: «Я теперь стал человеком! И я так увлекся моим положением, что если бы теперь я должен был не жить для труда и не трудиться для жизни — положение мое было бы невыносимым. Сожалею, что только тридцати шести лет попал в эту школу, а не шестнадцати,— чувствую, что был бы и человек недюжинный».

Он и стал недюжинным человеком, но не замечал этого: с ростом души и таланта пришла скромность.

Он придавал своим концертам политическую окраску. Всякий раз исполнялись либо «Вальс Герцена», либо «Кадриль Огарева», либо «Симфония освобождения». Герцен упоминает об этом в «Былом и думах», но, охваченный недоброжелательством к князю, добавляет, что, видимо, Голицын чарует москвичей (писалось уже после возвращения князя на родину) этими пьесами, которые ничего не потеряли при переезде из Альбиона, кроме собственных имен,— они могли легко перейти в Potapoffs вальс, Mina вальс и Komissaroffs партитур. Яд герценовского остроумия в том, что Потапов был шефом жандармов, главноначальствующим III отделения, а до того преемником Муравьева-Вешателя в Вильно, ему принадлежат знаменитые слова: «Никогда, никому, ни в чем в жизни моей я не верил и никогда не имел повода в том раскаиваться»; что касается Комиссарова, то этот расторопный мещанин отвел карающую руку Каракозова, за что был объявлен народным героем и возведен в дворянское достоинство; ну, а Мина Буркова — любовница графа Адлерберга, министра императорского двора, негодяя и сердечного друга Александра II. Жестоко пошутил Искандер, и зря. Не переименовывал Голицын ни вальса, ни кадрили, ни симфонии, но последняя вспышка герценовского гнева объясняется тем, что Голицын по доброй воле запросился на родину. Герцену, человеку борьбы, человеку остросоциальному, это было непонятно и отвратительно, тем более что Голицыну пришлось обратиться с прошением на Высочайшее имя, и хотя он сделал это с достоинством, Герцен счел его поведение отступническим, чтобы не сказать предательским.

Голицын запросился в Россию, когда худшие дни его лондонской жизни миновали, положение укрепилось и нужда не стучалась в двери. Его поступок нельзя объяснить только ностальгией, которую довелось испытать и Герцену и Огареву, но первый справился с ней собственной волей и преданностью цели, а второй — опираясь на могучую волю первого, а когда и это не помогало, уходил от скорбей в исконный русский рай. Ностальгия не покидала Голицына с самого приезда в Англию. Вначале чистое чувство тоски по родине мешалось с сожалением об утраченном достатке, комфорте, слугах, которые помогут надеть сюртук и сапоги, потом, очистившись от житейщины, стало неотвязной думой о небе, земле, пространстве, реках, деревьях, траве, колоколах и дыме отечества, что сладок и приятен. А там появилось и новое, нестерпимое — со всем предшествующим он как-то справлялся, захваченный борьбой за существование,— он не мог больше без русских песен. Собственной музыки ему, естественно, не хватало, ведь не будет писатель, даже самовлюбленный поэт читать только самого себя. Голицыну нужна была русская песня в поле, на завалинке, в курной избе. Песня самого неискусного, хрипатого, сипатого церковного клира, заунывная песня ямщика, солдатская — под шаг, и ему необходима была та обстановка, тот свет, те снега, те дали, те запахи, те болести, в которых зарождаются эти песни. Он страшился, что его искусство захиреет в чужом климате, что без свежего притока оно растворится в общеевропейской стихии.

Он все время ощущал запах промышленного дыма, даже там, где его заведомо не могло быть, едкая гарь застряла в ноздрях; он постоянно жаловался, что несет Бирмингамом, почему-то этот город стал для него ненавистным символом промышленной Англии; он уже слышать не мог «гнусавую» английскую речь, его коробило, что набранные им хористы по-чужому стонут о березах и лебедушках, даже скрипки и флейты пели с английским акцентом. Он, так восхищавшийся собором в Ковентри, увидев его вторично, вдруг заплакал так внезапно, что не успел подпереть слезы запястьями. Что ему этот громозд — наглость перед лицом господа бога; всю выостренную, колющую небо готическую прелесть он не раздумывая отдаст за бедную сельскую церковку со скромными луковичками, за придорожную ветхую часовенку. Он понимал, что его чувства во многом несправедливы, болезненны, раздражены; народ, далекий всему, что нес Голицын, давно и трогательно откликается плачам почти неведомой, далекой, огромной, темной страны. И сам он, одолев нищету, добившись признания, может спокойно доживать здесь жизнь, воспитывать сына, любить успокоившуюся и похорошевшую жену. Он знал также, что дома полного прощения ему не будет, ибо никто не верит в его раскаяние, что непременно последует какое-то наказание, унижение, а люди его круга отвернутся от человека, нарушившего открыто все заповеди и, главное, неугодного верхам, что его ждет жизнь пролетария, это не стыдно в Англии, но зазорно в России, и все равно ничего не мог поделать с собой. Назад хотела музыка, а она была сильнее всех иных велений, тем паче холодных размышлений. Она жаждала обновления и освежения водами того ключа, что бьет на родине, и тогда она помолодеет, обретет новые краски, оттенки, интонации, новое звучание. В стране машинерии он и сам стал машиной, вырабатывающей музыку, а ведь музыка всегда творилась в его горячей крови; мастерство, профессионализм были одухотворены, а здесь остались только навык, уверенность рутины, четкость безотказного автомата. Это была смерть, хуже, чем смерть, ибо со смертью перестаешь чувствовать и страдать, а он чувствовал, мучительно чувствовал свое онемение сквозь весь производимый им шум. И когда такая боль проснулась в человеке, ее ничем не заговоришь. О музыка!..

Он почти галлюцинировал. Ему казалось, что Россия только и делает, что поет. Поют Петербург и Москва, поют провинциальные города, заливаются деревни и села, поют в домах и на улицах, в церквах и учреждениях, при дворе (граф Адлерберг речитативом сообщает государю столичные сплетни)

Окончание. См. «Огонек» №№ 31, 32.

и в Государственном совете, поют члены комиссии по крестьянской реформе и двух соловьев поединком звучит распря Милютина с Ростовцевым, а какой хор гремит на голубой и гороховой Гороховой! А как поют губернаторы, городничие, генералы, офицеры и нижние чины, купцы, приказчики, телеграфисты, работные люди, поют швеи, и пряхи, и кружевницы, все колокола благовестят, все службы слились в единое духовное действо под сияющие голоса певчих того хора, имя которому Россия, фиоритурам певцов императорской оперы отзываются Нерчинск и Сахалин застуженными басами каторжан под кандальный перезвон. Гремят соловьи, заливаются жаворонки, свистят синицы, тоненькими голосами поют дети, а разве не поют звери, насекомые, деревья, цветы, ковыль и полынь?..

Порой Голицыну казалось, что у него мозговое заболевание. Он уже не слышал ту музыку, которая рождалась под его жезлом из слоновой кости, столь раздражавшим Герцена. Он слышал лишь музыку далекой молчащей России. Ни «Herzens Walzer», ни «Ogarefs Quadrille», ни «Emancipation Symphony» уже ничего не говорили душе, алчущей «ох, ты, лебедушка, да ты, лебедушка, да лебедь села-а-а-лай!..».

Лебедушка, лебедь белая оказалась сильнее Александра Ивановича Герцена. Голицын глубоко, всем сердцем чтил его, с нежностью и почтением относился к тихому Огареву, сочувствовал их идеям и целям, не вникая сколь-нибудь глубоко в темноватый смысл, он был с бунтарями, с Гарибальди, с творцами завтрашнего мира, но лебедушка... Она ведь белая!.. Белая, как старинная церковь, как снег, как Россия...

И князь, испросив монаршего разрешения вернуться на родину, расстался с туманным Альбионом, который был достаточно крут с ним, крут до беспощадности, а все-таки не дал умереть с голода, а главное — вылепил из рыхлой глины дилетантства настоящего артиста. Артисту же нужна Россия, какая ни на есть: без парламента и независимого суда, с крепостным крестьянством, которому ожидаемая реформа даст не свободу, а новую форму кабалы, с чадом и угаром во всех делах и начинаниях, с воровством сверху донизу, с холопством, именуемым смирением, но единственная и незаменимая, без нее все исчерпывается коротким и плоским земным существованием, все ошибки и злые дела — навсегда, все потери невосполнимы, нет прощения, нет жизни вечной, да и тебя самого нет и не было. За родиной и музыкой, за самим собой пустился князь в Россию...

Голицыну на жительство был определен город Ярославль...

Ему приглянулся Ярославль, тем более что оказалась в городе и любимая им с детства акация, высаженная вдоль набережной, ну, а Волга и вовсе покорила князя, никогда не жившего на берегах великих русских рек. И песенным был этот край, здесь хорошо, протяжно, чисто пели, а последнюю ноту тянули аж за край земли, хотя манера была несколько иная, чем на Тамбовщине. У ярославцев песня тягучей, печальней и, пожалуй, проникновенней. После долгой отлучки князь насыщался и не мог насытиться крестьянским пением, как выпущенный из узилища — волей. Собрать бы какой ни на есть хоришко, да нету средств.

Пора было подумать о заработке, устройстве семьи, задержавшейся в Москве из-за болезни сына. Для непрактичного, хотя и предприимчивого князя в самую пору было прийти в отчаяние и отметить бурными рыданиями очередной зигзаг судьбы, но он не успел набрать воздуха в просторную грудь, как все устроилось само собой. А коли нет хорошей беды, то и не взрыднешь толком. На блудного сына России оказался большой спрос в Ярославле. Сюда доходили слухи о его музыкальных успехах и знаменитом хоре, покорившем некогда обе столицы, но много больше ярославские обыватели были наслышаны о его романтических похождениях, о бегстве, достойном пера несравненного Александра Дюма, о его победах, дуэлях, величии и падении — все в искаженном, преувеличенном виде, но это лишь повышало провинциальное любопытство к опальному аристократу, ставшему музыкантом. У князя могло быть отнято все: чины, звания, положение при дворе, богатство, право передвижения по стране, при желании могли отнять и титул и военный крест, но нельзя было отнять древней крови Гедиминовичей, поспорить с которой могла лишь кровь Рюриковичей. Нельзя было отнять невероятной биографии, славы музыканта, блестящих острот, которые, перевирая и тонко улыбаясь, сообщали друг другу светские ярославцы.

И этот лев, родственник всех великих на Руси, друг громовержца Герцена, кумир музыкальной Европы, избрал Ярославль своей временной (на этот счет никто не сомневался) резиденцией перед новым броском в бурные волны,— да как же не воспользоваться таким редким случаем! Музыкальная мания овладела высшим ярославским обществом; всем захотелось брать уроки музыки, учить детей сольфеджио (хотя мало кто знал, что это такое), за дворянством потянулось, как водится, купечество. В короткое время князь оказался завален уроками. Как-то само собой, на деле же усилиями бескорыстных доброхотов, нашлась просторная, светлая и, главное, недорогая квартира с видом на Волгу, в окна долетал густой, сладкий аромат акаций.

Голицын многому научился, в том числе терпению, быть может, наиболее недостававшей ему добродетели. Несмотря на все усиливающуюся боль в ногах, он ходил по урокам пешком, ведь самый рваный «Ванька» драл пятачок, а то и гривенник. Лишь направляясь в отдаленные концы города, князь вынужден был нанимать извозчика, и тот сразу начинал ныть: овес нынче не укупишь, весь заработок коню на прокорм идет, а в избе голодные ребятишки плачут. «Да ты, братец, побогаче меня»,— смеясь, говорил князь, но всегда давал на чаек, уж больно ему нравилась ласково-хитрая и мягко-неотставучая ярославская манера. Позже, когда приедет его подруга с «последней отрадой слабеющих очей», как пышно именовался незаконнорожденный, наладит быт, приобретет в рассрочку рояль, оборудует музыкальную комнату, Голицын будет принимать бо́льшую часть учеников на дому, что позволит еще увеличить их число, а покамест с усилием, хоть и не без удовольствия, он мерил широким, затрудненным шагом Ярославль, любуясь розовым кремлем, золотыми куполами соборов, красивыми особняками, опрятными улицами, смаргивая ослепительные выблески Волги в прозоры меж зданиями и деревьями, и думал: какая она большая и усердная, как верно служит России и как много видела — и алую кровь и черный пот, как много слышала песен — любви, истомы, гульбы, бесстрашия молодецкого. И душа его отзывалась своей музыкой слитным голосам бурлацких и разбойных ватаг.

В броне профессионального достоинства Голицын был равнодушен к тому, как будут принимать его в домах местной знати и местных миллионщиков. Конечно, он не потерпит никакого ущерба своей гордости, готов защищать ее оружием от одних, ударом увесистого кулака от других. Но вместе с тем он не претендовал ни на предупредительность, ни на внимание хозяев к своей персоне. Он знал, что давно уже не персона, но человек часто не видит себя со стороны (изнутри тоже), ему и невдомек было, что никогда еще не выглядел он так вельможно, не был до такой степени Гедиминовичем, как в эти бедные дни по возвращении на родину. Он был скромен, молчалив и любезен, чванство, высокомерие, пренебрежение к людям, вся азиатчина, мешающая даже самым знатным на Руси стать настоящими аристократами, отвалилась от него, как короста с отболевшего тела. Но то ценное, высокое, что передалось ему от достойных и смелых предков, шедших на плаху и пытку, в тюрьму и ссылку ради общерусской правды, как они ее понимали, что делало их бесстрашными воинами и государственными мужами, осталось в князе и наделяло таким превосходством над окружающими, что спина невольно сгибалась, улыбка разжимала надменный рот, и каждый барин или толстосум понимал свое место.

Появление князя в доме воспринималось как праздник, как награда. Хозяева спешили в прихожую, рассыпая дурной французский, от которого старательно отвыкали в столицах, но это веяние еще не достигло провинции, хозяйка щебетала, краснела, строила глазки, муж, правильно избирая образ чуть бурбонистого, но доброго малого, почти однополчанина князя (с непроговоренным намеком: эх, и пошалили мы в нашей гусарской юности!), из кожи лез вон, чтобы не выглядеть моветоном и зазнайкой. Еще почтительнее принимали в купеческих домах; хозяйка разве что в ноги не валилась, а Кит Китыч, только что надававший подзатыльников приказчику и отодравший за волосы непотрафившего стряпчего, вдруг вспоминал спиной, поясницей, задницей все батоги и розги, которые перепали его предкам от предков этого учителишки, и угодливо приглашал допреж занятий откушать чайку. Ученики же, как дворянского, так и купеческого звания, ощущали при нем такой трепет, что становились круглыми дураками.

Шелестели, тихо опадая, как осенние листья, дни, месяцы, вот уж год миновал, пошел другой. Мода на князя не иссякала, как не иссякает в зверинце интерес к слону. Занятны обезьяны, хотя вскоре начинают надоедать и вроде бы раздражать чрезмерным сходством с венцом творения, почтительно-восторженное чувство при виде хищников сменяется скукой, все иные обитатели клеток не задерживают возле себя надолго, но слон есть слон. К нему идут в последнюю очередь, это как конечная остановка, когда не надо суетиться, спешить, вы прибыли, дальше вас уже ничего не ждет. И вот он: серая гора. Он почти недвижим, крошечные глазки полуприкрыты, он не замечает обступившей его толпы. Редко-редко взмахнет он хоботом, обсыпав себя землей, и кажется, будто это ритуальный жест, а не прохлады ради, порой дернет коротеньким, но почему-то не смешным хвостом или переступит с одной ноги-колонны на другую. И не поймешь: то ли он дремлет, то ли погружен в какую-то непомерную думу, додумать которую не хватит целой жизни. Быть может, он вспоминает то бесконечно далекое время, когда был мамонтом, волосатым гигантом с громадными загнутыми клыками, хозяином земли. И маленькие, нагие, упрямые и кровожадные существа век за веком томились своей малостью и ничтожностью перед ним, пока не научились побеждать. Но мамонт не был побежден человеком, он предпочел исчезнуть, оставив на земле свое уменьшенное, но все равно великое подобие — слона. И одно слоновье племя стало сотрудничать с человеком, другое — осталось диким, свирепым и свободным. Трудно сказать, в чем больше величия: в презрительной покорности первых или стихийной независимости вторых; и там и тут превосходство великанов над карликами.

Люди это смутно ощущают, они смотрят на слона снизу вверх, робко пытаются привлечь его внимание — напрасно, слон сам по себе, все остальные сами по себе. Но окружающие благодарны слону за то, что он есть, за то, что он слон.

Слону Голицыну нисколько не докучало ненасытное любопытство окружающих.

Он был слоном не потому, что носил княжеский титул, что, ярославцы князей не видали? И не потому, что принадлежал к знаменитой фамилии — Голицыными хоть пруд пруди, а потому, что был Юрка, невероятный, бесстрашный, ни в чем не знающий удержу, все проигравший и несогнувшийся Юрка — единственный и неповторимый.

И все-таки тоска навалилась на Голицына. Он мог сочинять неплохую музыку, мог искусно обрабатывать народные и церковные напевы, по-прежнему недурно пел и превосходно играл на рояле, но все это относилось не к главному его умению. Он был хормейстером милостью божьей, его инструментом был хор. И пока у него нет хора, он, как Черномор без бороды, пустое место, ничто.

На учительские доходы хора не заведешь. На такое предприятие не занять денег у оставшихся доброхотов; к жене, весьма прочно ставшей на ноги, он обращаться не хотел. Словом, ему не на что содержать хор, но хороший хор может сам себя прокормить.

Надо только набрать голосистых певцов, обучить их, натаскать регентов и ради этого стоит рискнуть последними сбережениями.

Голицын рискнул и сорвал банк, что ему никогда не удавалось за карточным столом. Его громадный опыт, достигший полной зрелости талант, трудолюбие, терпение, воспитавшееся на злых и холодных ветрах жизни, непоколебимая решительность помогли осуществить ту мечту, что заставила его вернуться на родину, не страшась ни унижения, ни кары. Он создал хор.

Настоящий профессиональный хор, «самоокупаемый», как сказали бы мы сейчас.

Голицын воспользовался старой методой, только применил ее с куда большей последовательностью, чем прежде. Хор целиком он собирал лишь для больших концертных выступлений, все остальное время использовал его частями: в домашних церквах, на разных увеселениях, которыми любили тешиться богатые ярославские негоцианты. Сам Голицын проводил спевки, занимался с певцами по отдельности, дирижировал на концертах и торжественных богослужениях в соборе, во всех остальных случаях поручал руководство хором хорошо подготовленным регентам.

Вскоре Голицыну разрешили гастроли, в том числе на великую Нижегородскую ярмарку, что было почетно — перед тамошней аудиторией дрожали знаменитые артисты — и выгодно: зал громаден, а билеты, особенно в ложи и первые ряды партера, очень дороги. Ведь на Нижегородскую ярмарку собирались самые толстые кошельки России. К тому же концерты рецензировались в местной печати, да и столичные газеты неизменно уделяли столбец-другой музыкальной жизни славного города на Волге, как-никак оборот ярмарки превышал двести миллионов рублей.

Городские власти построили роскошный театр, но редко-редко удавалось набрать ползала, хотя приглашали артистов императорских театров, знаменитых виртуозов, иностранных гастролеров. Карусели, трактиры, рестораны с цыганами, рулетка, бильярдные, игорные дома, балаганы с разными чудесами, вроде самой толстой женщины на свете, которую по определенной таксе можно было трогать за разные места, бородатой женщины и женщины, обросшей по всему телу черными волосами (эти монстры не мешали процветанию и менее оригинальных дам), решительно брали перевес над духовными наслаждениями.

Отцам города не хотелось, чтобы великий торговый праздник, собиравший сотни тысяч человек, стал в глазах просвещенной России символом распоясавшегося хамства, черного безобразия. К тому же среди участников ярмарки находилось немало людей, отвергавших ее вульгарные развлечения. Но, к сожалению, эти люди не могли заполнить громадный зал театра, даже когда пела итальянская «звезда» или сотрясал высокие своды сам Рыбаков. Как ни бились губернатор и ярмарочный комитет, чтобы привить черенок цивилизации к могучему древу разгула, ничего не получалось. Цирк, балаганы, рестораны ломились от публики, театр пустовал. Кит Китычу нужны были актерки, которых можно пригласить в номера, а не святое искусство.

И тут кого-то осенила счастливая мысль пригласить хор Голицына.

На первом концерте в зале было пустовато, а потом прошумело, прокатилось по торговым рядам: надо послушать голицынский хор — восторг, исцеление души, будто ты живьем взят на небо и, помахивая стрекозиными крылышками, летишь за стаей ангелов к престолу Вседержителя. С недоверием и неохотой — да ведь нельзя ж от людей отставать — потащился Кит Китыч на концерт, и размокла спекшаяся душа выжиги. Никогда не бывает русский человек до конца дельцом, пусть на самом донышке заросшего сердца, но остается родничок, который отзывается и соловушке, и глубокому, как из подземелья, басу дьякона, и умелому хоровому пению. Ну, а уж коли про лебедушку!.. Кит Китыч весь обновляется, он чувствует себя русоголовым мальчонкой с синими, промытыми глазками, глядящими на мир доверчиво и открыто, он ни у кого еще ничего не украл, никого не обманул, не провел, не обобрал, сердце его плавится и сочится, он готов на доброе, жертвенное, сейчас его можно взять голыми руками. И, бывает, на другой день он не третирует приказчиков, не запрашивает крайних цен, он уступчив и смиренен, и ему стоит немалых усилий, чтобы вернуться к обычному, трезвому поведению.

За Кит Китычем повалила мелкая сошка: приказчики, разносчики, зазывалы, ярмарочные слонялы. Балаганы, карусель и прочие увеселения потеряли былую притягательность и для тех, кто не мог попасть на голицынские концерты. Столкнувшись со столь жестокой конкуренцией, самая толстая женщина в мире снизила таксу: теперь ущипнуть за необъятную ягодицу стоило дешевле, чем раньше прикоснуться к борцовому плечу или вые. А бородатая и волосатая женщины, смирившись с поражением, подались вверх по Волге в неизбалованную Кинешму.

Нижегородские газеты посвящали восторженные (и высококвалифицированные) отзывы о голицынских концертах. В ту пору музыкальная жизнь провинции бурно развивалась, и сам Голицын взмахнул пером, чтобы поделиться своими соображениями об этом отрадном для русской культуры явлении.

За Нижним Новгородом последовали другие города, «жизненное пространство» хора все расширялось. И для этого не нужно было посылать унизительных прошений, прибегать к протекции, все творилось единою славой хора. Его хотели слышать в больших и малых городах, и сами добивались разрешения из Петербурга. И, наконец, настала очередь Москвы, столь любимой князем, с ее хлебосольством, умной иронией, раскованностью, смесью лености с энтузиазмом, с неистребимым русским духом.

Это была большая победа, хотя нерешающая...

Но вот дрогнул... Петербург.

Голицын никогда себе не признавался, как хотелось ему этого. Больше, чем хотелось. Петербург — это последняя станция, достичь ее, и замкнется круг, завершится внешнее дело жизни, ну а душевное кончится лишь со смертью. Его вспомнили в Москве, вспомнили, а где наново узнали, в хороших городах средней России, но Петербург живет наособицу, ему никто не в пример, не в указ; невская твердыня упорно делала вид, будто Голицына больше не существует. Сановный, чиновный, холодный, снобистский, переполненный остзейскими немцами, как иностранец, учащийся русскому языку, не религиозный, не растроганный, но зло расшевеленный приходом новых людей, со своими взглядами, моралью, критериями, Петербург, отдающий приоритет всему заморскому: итальянской опере перед русской, Россини перед Глинкой, ползающий на коленях перед Листом и не замечающий Мусоргского, проклятый и желанный Петербург оставался недосягаемой целью. А ведь только там человек, свернувший с проторенной тропы, мог узнать, кто он: победитель или побежденный.

В свое время Петербург пережил увлечение Голицыным — короткое, но искреннее, а к бывшим кумирам редко возвращаются, тем более в Петербурге. Да и не слишком жаловали тут хоровое пение и народные мелодии, а для утоления художественной жажды немногих хватало Императорской капеллы, так крепко поставленной Ломакиным, что и бездарные его преемники не могли ее загубить.

Петербург не прощает отступников, беженцев, тех, кто противопоставил себя замороженному порядку, «хорошему тону» — раболепству, прикрытому лоском, не прощает неверности себе, в нем начисто отсутствуют московская наивная горячность и приверженность к русской старине, Петербург — западник.

И диву подобно было, что князь Голицын, собравший в себе, как в фокусе, все, что ненавистно, чуждо, неприемлемо Петербургу, получил приглашение дать концерт в одном из самых блестящих залов столицы — в Благородном собрании. Одновременно с этим ему сообщили о снятии запрета на въезд в Петербург. Одно это можно было считать победой и, не подвергая себя опасному испытанию, с благодарностью отклонить предложение. Так поступил бы человек осмотрительный и достаточно битый, чтобы не искушать судьбу. Но все соображения житейской мудрости Голицын безоговорочно зачислял по ведомству трусости. Да и не стал он тихоней, робкой овечкой, за внешней умиротворенностью скрывался все тот же огнедышащий характер Юрки. Годы испытаний, разорение, потеря семьи и всего состояния, каиновы муки на чужбине не научили осторожности эту душу. Его смирение было смирением артиста перед богом искусства, но не перед людьми, тем паче перед сильными мира сего. Тут он остался тем же Юркой, который не боялся морочить ни директора Пажеского корпуса, ни самого государя, высмеивать власть и силу имущих, то и дело нарываться на дуэли и отдавать все преимущество противнику, первому спрыгивать во французские апроши и хладнокровно подставлять огромное туловище под вражеский огонь, совершить невероятный по дерзости побег и после всего содеянного найти мужество вернуться назад и жить в скандальной связи, с которой заставил считаться окружающих.

Он понимал, что его может ждать не просто неуспех или полууспех — это еще противней,— но полный и окончательный, скандальный провал. Не исключено, что некоторые круги готовят ему обструкцию, хотя само приглашение было честным, да ведь многим соблазнительно закопать его раз и навсегда без воинских, как говорится, почестей, скинуть в общую могилу отщепенцев, бродяг, обсевков человечества. Что ж, он спокойно выдержит любое поношение, но не откажет себе в удовольствии вызвать к барьеру двухтрех негодяев. Начертав сей несложный и разумный план, князь вроде успокоился и целиком отдался подготовке к концерту.

Но с приближением рокового дня все чаще и чаще вспыхивало: нет, не дадут мне реванша. Это никому не по душе: ни двору, тогда надо признать, что и ко мне были несправедливы, ни высшему свету — зачем принимать в свою среду деклассированного, ни всей моей родне, до сих пор считающей, что я безобразно поступил с милейшим шефом жандармов Долгоруковым, ни делающим нравственную погоду в обществе старым ханжам (они не могут простить мне «разбитого сердца» Катеньки, а главное, моей нынешней жизни в грехе и блуде), ни бывшим товарищам по пирам и волокитству (став платным капельмейстером, я унизил дворянскую честь), ни мелюзге, когда-то обиженной мною — часто по рассеянности, порой сознательно, угнетенной самым фактом моего существования, рослого, сильного, размашистого человека. Куда ни кинь, всюду клин. Да как не воспользоваться таким удобным случаем и отплатить за давние и незабытые обиды, ведь обиды никогда не забываются.

Ладно, не будет реванша, хотя и жаль, да ведь я переносил удары потяжелее. И без Петербурга много мест в России, где моя музыка нужна. Не пропаду.

Но лишь когда все осталось позади, понял он по-настоящему, в каком нечеловеческом напряжении, каком скруте чувств и болей прожил все дни, предшествующие концерту.

Голицын смутно помнил, как выходил на сцену. Аплодисментов не было, так, жиденькие хлопки, быстро и смущенно смолкнувшие. Потом уже он сообразил, что для многих сидящих в зале неожидан и странен был его изменившийся облик: большая борода, тучность, которую не скрывал, а подчеркивал тесноватый, строго по фигуре фрак. В последнем был расчет. Еще в Лондоне Голицын убедился, что легкость и пластичность его движений восхищают аудиторию (особенно женщин) именно по контрасту с массивностью, тучностью. Стоило ему поднять жезл, и рослый толстяк превращался из Калибана в Ариэля. Дамы восторгались не его «мясами», как ядовито шутил Герцен, а способностью к воспарению изобильной, мощной плоти. Была особая элегантность, даже некоторое чудо в этой неожиданной полетности.

Но сейчас князь чуть медлил воспарить. Он глядел в общее лицо хора и силился понять, как настроен сегодня этот огромный, слож-

ный, тончайший инструмент. Хор — сотня с лишним мужиков и баб, принаряженных, приглаженных, нарумяненных (для непосвященного все на одно лицо, а для него совсем разные),— не раскрывал до конца своей тайны. Но так и должно быть, иначе конец творчеству, полная рассекреченность губительна для искусства. В одном Голицын был уверен: хор необычайно чутко ощущает его настроение, подъем или спад, и тут невозможно обмануть. Певцы знали его лучше, нежели он их, ведь сборный глаз, конечно же, глубже и острее видит одного человека, чем этот одиночка — множественность. И если они подметили его тревогу, неуверенность, смуту, это обязательно скажется на исполнении. Все его магнетические чары ничего не сделают, ибо будут поддельными. Даже если неблагополучие уловят лишь несколько певцов, все равно в хоре появятся трещинки, ощущаемые не ухом, а сердцем слушателей. Хор его настолько хорошо подготовлен, все переходы так обработаны, что плохое пение исключается. Но бóгово может не прозвучать. «Родные, не подведите!..» — беззвучно взмолился князь.

И родные не подвели.

Голицын взмахнул жезлом, зажатым в правой руке, выбросил вперед левую руку, сразу приглушив звук, оставив одну высокую, медленно истаивающую ноту, а затем дал вступить вторым голосам, призвав из бесконечной дали, выманив, заманив, но не в плен, а в полную свободу. И полилась старинная русская песня, и Голицын почуял задрожавшим сердцем, что будет бóгово, хористы дадут сегодня все, на что только способны. Хор понимал его состояние и нашел в себе самом ту подъемную силу, которой у него не оказалось в отягощенности земным. И хор повел его за собой, поднял, оторвал от земли, от всего мелкого, житейского, и Голицын, чувствуя в лопатках блаженный холодок, занял положенное вожаку место впереди стаи.

Это было лучшее за всю его жизнь исполнение, и он наслаждался. Вот к чему он стремился и наконец обрел. Не стало препятствий, его одухотворенность, его умиление выражали себя напрямую, с хрустальной чистотой, доступной лишь музыке сфер. Господи, боже мой, да разве это Ваньки, Яшки, Петьки, Палашки, Дуньки — это небожители, одарившие его высшим счастьем!..

Какое ему дело до того, что принимают сдержанно, что аплодисменты, едва плеснув, сразу замолкают. Чего ждать-то от собравшихся? Их равнодушие искренно. Они привыкли выполнять обряды, но нет в них теплой веры, и что им божественные взвои взыскующих Господа? И что им плачи, тоска, любовь, вся душевная звень народа, которого они не знают да и знать не хотят? Иностранцы в родной стране, они любят французские пасторали, итальянскую легкую мелодичность, испанские страсти, а немецкую тяжеловесную мифологию уважают за непонятность и скуку.

Как всегда, последней он исполнил «Камаринскую» в своем переложении для хора. Уже стало ясно, что нечего опасаться скандала, обструкции; к нему отнеслись по мере сил доброжелательно, и никого не придется вызывать на дуэль. Он даже испытывал благодарность к аудитории, помогшей ему — пусть бессознательно — пережить самое высокое счастье за всю долгую музыкальную жизнь.

Он всегда любил «Камаринскую», где великий Глинка показал, как много глубины на поверхности жизни. Все было в лихом плясе над бездонным озером тоски: отчаянная удаль, забубенность, хмельной восторг, любовь, слезный спазм в горле, гибельность. Он пожалел, что Глинка не слышит его хора.

Когда взмахом жезла он оборвал последнюю ноту, которой, казалось, конца не будет, то услышал тишину за плечами, странную, оцепенелую тишину. Как будто люди вдруг почувствовали себя оскорбленными. Чем?.. Князь недоуменно дернул плечом, впервые он был растерян.

— Браво,— негромко, но удивительно отчетливо сказал, именно сказал, не выкрикнул чей-то голос.

— Браво,— сказал другой.

— Би-и-ис!..— заорали надсадно где-то в задних рядах.

И вот уже весь зал кричал, захлебывался, отбивал ладони. Несколько сбитый с толку, Голицын взмахнул жезлом. Мгновенно воцарилась тишина, и хор взорвался первым хмельным «Э-э-эх!..». Бисируя, Голицын никогда не повторялся. Тем более грешно идти в собственный след по такой необъятности, как глинковская «Камаринская». И сейчас он как бы извлек из музыкального тела сердце, русское сердце, тоскующее даже в хмельном загуле.

И опять тишина, и опять негромкий, удивленный голос:

— Браво!..

И обвал.

Голицын в третий раз поднял жезл. Ну а сейчас ударим разгулом, гульбой, грехом первозданным, сбросим все запреты.

Когда он опустил руки, у него отламывалось правое плечо. На этот раз шквал ворвался в еще не заглохшую ноту. В зале уже не было дам и господ, князей и княгинь, камергеров, генералов, фрейлин, были русские люди, потомки древлян, полян, вятичей, кривичей, благодарные, что им напомнили, кто они.

Господи, а ведь свершилось!.. Он растопил их лед.

Голицын сделал несколько шагов навстречу хору. Шум стоял адский, но его услышали:

— Спасибо... золотые мои!..

А потом за кулисами его окружила толпа. Он пожимал руки мужчинам, целовал — дамам. Щебетали, постанывали, басили:

— Ah, prince!..

— Великолепно, князь!..

— Спасибо за доставленное наслаждение, Ваше сиятельство!..

Светские люди наперебой хотели показать, что его помнят, считают своим, и поскольку вернулось житейское, он думал: вот она, долгожданная победа, все сбылось,— и не мог понять, почему его радости недостает полноты.

И тут вкатили кресло на колесах, где в кружевной пене скрывалось крошечное, сморщенное существо, и оно вдруг замахало лягушачьей лапкой и закричало пронзительно:

— Юрка, паршивец! Совсем зазнался! Не узнаешь свою тетку!

Он смутно догадался, что это одна из Долгоруковых, то ли двоюродная тетка, то ли троюродная бабушка, то ли седьмая вода на киселе, но ведь в свете все либо «тетушки», либо «кузины», и не в этом дело, он услышал свое забытое, свое настоящее имя.

И, коснувшись губами пятнистой лапки, он уронил слезу на пергаментную кожу почти столетней старушки.

Спало последнее заклятье: седеющие, лысеющие мужчины подходили, хлопали по плечу, обнимали, и каждый называл Юркой. Он слышал знакомую интонацию товарищества, чуть снизу вверх, как и раньше, пренебрежительная форма его имени скрывала лесть.

Все вернулось на круги своя. Не бросив капельмейстерского жезла, он снова сел на княжеский престол.

А с банкета Голицын все-таки сбежал. У сопрано Пенкиной в горле были налеты, а он замечательно умел давить их столовой серебряной ложкой.

ДВА РАССКАЗА

Михаил ЗОЩЕНКО

9 августа 1984 года Михаилу Зощенко было бы 90 лет. Возраст, как он сам однажды сказал, «гробовой». Да, человек смертен, в том числе и писатель. Но вот его книги... Книги Зощенко до сих пор, как говорится, в расцвете сил, и до «гробового» возраста, надо думать, им еще далеко.

В последние годы опубликовано более двадцати книг Зощенко. Всех не перечислишь. Однако нельзя не упомянуть два тома, выпущенных в издательстве «Правда» общим тиражом в 2 миллиона экземпляров, трижды переизданный двухтомник в издательстве «Художественная литература», книгу повестей, рассказов, комедий и фельетонов, изданную в «Советской России».

Сегодня идет работа над четырехтомным собранием сочинений Зощенко. Значительное место отдано в собрании тому, что называется забытым, затерянным в периодике.

Два таких вот «забытых» рассказа предлагает сегодня читателям «Огонек».

Ю. ТОМАШЕВСКИЙ,
секретарь комиссии по литературному наследию
М. М. Зощенко

КТО ПРОСТ — ТОМУ КОРОВИЙ ХВОСТ

Больше всего на свете Гаврила учителей любит.

Очень, знаете, симпатичные, милые люди. Очки, знаете, на носе. Бороденочка. Штаны этакие с темной заплатинкой. Тесемка непременно от подштанников болтается...

Гаврила очень обожает учителей.

Гаврила за них завсегда горой стоит. И ничего для них, голубчиков, не пожалеет.

А когда, например, может, помните, в городе Орске съезд работников просвещения происходил,— Гаврила сильно радовался, сколь торжественно все это было обставлено.

Троих, наиболее старинных, учителей даже чествовали. Даже по отрезу сукна им дали. Ей-богу, правда.

Быков такой, председатель УИКА, очень торжественную речь произнес, когда сукно это давал.

— Вы,— говорит,— которые ветераны и прочее... Сукно вам даем...

Ну и еще что-то такое сказал трогательное.

Учителя, голубчики, от умиления плакали даже.

И Быков тоже чуть не заплакал.

Дрожащим таким голосом сказал:

— Кроме, — говорит, — сукна еще,— говорит,— учителю Гребенщикову для сына стипендия будет.

Восторг был, конечно, общий. Хотя какой-то ненасытный учителишка и крикнул:

— Газетку бы, дескать, неплохо... Годами, мол, газетки не видим...

— Газетку!— воскликнул Быков.— Не только газетку, а всем ветеранам труда — кроме сукна и газет — журналы специальные выпишем. Ладно уж. Получайте. Сосите нашу кровь, хватайте за горло!

Тут кругом рыдания начались раздаваться. Это старые ветераны, десятки лет работающие на ниве просвещения, не привыкшие к такому отношению, плакали от восторга и умиления.

Хотели качать Быкова, да не поднять было. Много ли силенки у голубчиков? А Быков — дядя все-таки здоровый.

Постояли так маленько и разошлись кто куда.

Прошло четырнадцать лет. Учитель Гребенщиков, постаревший лет на 60 за последние 14 лет, сидел на койке и говорил своему приятелю:

— Опутали, дьяволы... Четырнадцать лет назад обещали, черти шершавые, сыну стипендию дать, и ни черта в волнах не видно.

Другой старикашечка, приятель Гребенщикова, сморкнулся в кулак и сказал:

— Да уж, знаете. Отрез только и дали. А касаемо газет и журналов и прочего — опутали. Газетенку-то все-таки полгода выписывали, а после заглохло.

Старички замолчали, вспоминая свою молодость.

Лучина в избе догорала.

Вот и все, граждане.

А насчет 14 лет Гаврила маленько преувеличил. По совести-то говоря, год всего и прошел.

Но оно и 14 лет смело может пройти при таком вульгарном отношении. Знаем.

А на остальном фронте просвещения все обстоит довольно отлично и симпатично. Дела, как говорится, идут, контора на ундервуде пишет, и жалование работникам просвещения помаленьку выплачивается.

А касаемо этого товарища Быкова — при встрече Гаврила ему голову с корнем оторвет. Потому — не обещай понапрасну.

Так ему, дорогие учителя, и передайте.

Да, между прочим, не забудьте штрипку-то от подштанников спрятать. Некрасиво.

А вообще извините, если кого обидели.

1925 год.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ

Нынче кругом споры идут — чего рабочим требуется: какие жилища, какие костюмы, сапоги какие.

А последнее время все больше насчет музыки спорят. Дескать, какая музыка требуется рабочему народу.

Одним словом, музыкальные критики чуть между собой не разодрались на этой музыкальной платформе.

Одни говорят: симфонический оркестр рабочим не годится. Рабочий человек любит, чтоб гремело. Тихую струнную музыку рабочий не обожает. А дайте вы ему ради бога за его деньги духовой оркестр заместо струнного.

Другие говорят: духовой оркестр хотя действительно и гремит, но тихого душевного переживания рабочему не дает. А дайте вы рабочему человеку заместо глупого духового оркестра чего-нибудь живое, например, гармонь.

Третьи доказывают: дескать, гармонь вызывает у рабочего человека лишние душевные переживания, благодаря которым его, может, тянет на выпивку. А наилучше всего действует на него народный трехструнный инструмент. Тут уж рабочему есть что послушать.

Обождите, товарищи музыкальные переплетчики! Разрешите прервать вашу острую дискуссию. А то, чего доброго, договоритесь, мол, наилучший музыкальный инструмент для рабочего слуха — заводской гудок.

А заместо тяжелых споров давайте всего понемножку.

ТВОЙ ПРОСТОР НАВЕКИ ПОЛЮБЛЮ...

В Шахматове.

Фото И. Чиркова

Пятнадцать лет назад впервые состоялся в Подмосковье праздник поэзии, посвященный Александру Блоку. И с тех пор каждое первое воскресенье августа приезжают в Шахматово тысячи людей, чтобы отдать дань памяти великому сыну России, «поэту милостию божьей и человеку бесстрашной искренности», как назвал его Горький.

Блок знал и любил эту землю. Она вдохновляла его, здесь приникал он к сердцу России. Именно в «благоуханной глуши» крохотного Шахматова писал поэт «На поле Куликовом» и «Возмездие», «Стихи о России» и «Стихи о Прекрасной Даме». Названия деревень, соседних Шахматову, стоят под многими произведениями Блока, в чью жизнь и поэзию, а значит, и в жизнь отечественной литературы, вошли ближние и дальние окрестности родины его «поэтического самосознания». «Целый день я ехал по сияющим полям между Шахматовым, Рогачевым и Бобловым... В лесу между Покровским и Ивлевом были все те же тонкие папоротники, сияли стоячие воды, цвели луга. И бесконечная даль, и шоссейная дорога, и все те же несбыточные, щемящие душу повороты дороги, где я был всегда один и в союзе с Великим...» — так писал он об этих удивительных и сегодня местах.

...Шахматово, Тараканово, Боблово — эти памятные места войдут в Государственный историко-литературный и природный музей-заповедник А. А. Блока, который по решению Совета Министров РСФСР будет создан в Подмосковье. Объединятся здесь имена гениального ученого Д. И. Менделеева, жившего в Боблове, и А. А. Блока. А в Тараканове давно ждет восстановления прекрасный памятник XVIII века — церковь, где венчался Блок со своей Прекрасной Дамой, дочерью Менделеева Любовью Дмитриевной.

Но для того, чтобы заповедник обрел жизнь, надо наконец после слишком уж долгой раскачки, не откладывая, начинать работу — трудную, но такую необходимую для всех, кому дорога русская культура. Об этом и шла речь в выступлениях многих поэтов и писателей, прозвучавших на блоковском празднике.

И еще об одном говорили выступавшие — В. Солоухин, А. Марков, А. Кулешов, С. Лесневский, В. Лазарев, В. Сорокин и другие: давно, давно пора вновь, как это и было при проведении первых блоковских праздников, перенести их официальную часть из парка культуры и отдыха в Солнечногорске (где Блок, кстати, и не бывал никогда) в Шахматово и Тараканово, в истинно блоковские места, на любимый им простор, туда, где жил и творил поэт, где постигал он душу Родины:

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.
И смотришь — тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сел...

В. ЕНИШЕРЛОВ

В СПОРТИВНОМ КЛУБЕ

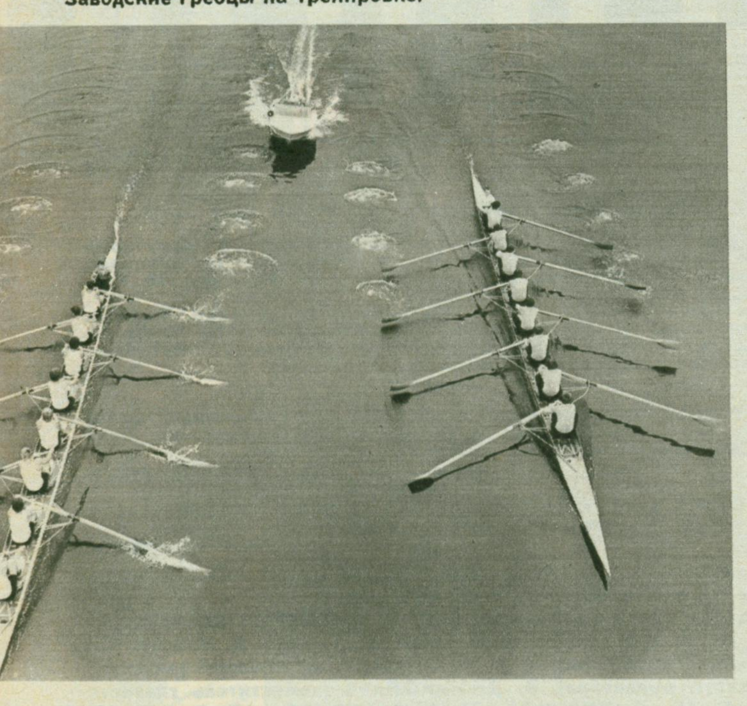
Фото А. БОЧИНИНА

Самый сильный человек спортивного клуба — слесарь листопрокатного цеха мастер спорта Владимир Андреев.

Хороший старт.

Заводские гребцы на тренировке.

Играть в футбол можно и в лесу.

«Спортклуб «Новолипецк» Динеру»... Победные депеши с таким адресом летят на Новолипецкий металлургический комбинат имени Ю. В. Андропова со всех концов страны, и рабочие этого комбината спортивными победами гордятся не меньше, чем производственными. А им есть чем гордиться. Спортивный клуб, выросший из рядового физкультурного коллектива, за четырнадцать лет превратился в поистине олимпийский комбинат, в котором рабочие могут заниматься 29 видами спорта. Его представители выступают на самом высшем уровне на всесоюзных и республиканских соревнованиях, в составе сборных команд страны.

Мы попросили председателя спортклуба «Новолипецк» Рудольфа Вениаминовича Динера рассказать о жизни этого коллектива.

— Скажите, пожалуйста, Рудольф Вениаминович, сколько штатных тренеров работает в клубе?

— 86 человек, а им помогают еще и тренеры-общественники.

— Какими спортивными аренами располагает клуб?

— У нас есть стадион, водная, гребная и лыжная станции, Ледовый дворец спорта, 11 тренировочных залов, бассейн, а в нынешнем году начал работать прекрасный легкоатлетический манеж. Правда, пока действует только первая его очередь, но и вторая не за горами...

Полноводная спортивная река начинается с цеховых ручейков. Вот сообщение из липецкой газеты «Ленинское знамя»: «Производственная гимнастика в режиме рабочего дня в цехах и отделах Новолипецкого металлургического комбината завоевывает большую популярность. Ежегодно в зачет спартакиады «Бодрость и здоровье» проходят соревнования цеховых команд. Первенство оспаривали тридцать команд».

Но истоки широкого физкультурного движения на Новолипецком комбинате надо искать не только в цехах, но и в четырех детско-юношеских специализированных спортивных школах, которые работают при клубе. Здесь ребята занимаются футболом, плаванием, академической греблей, легкой атлетикой и добиваются значительных успехов. И это победы не только областного масштаба. Так, на Всероссийской спартакиаде школьников область представляла хоккейная команда спортшколы клуба «Новолипецк», три путевки в финале фигуристов завоевали новолипецкие юные спортсмены, успешно выступали в финале Всероссийской спартакиады школьников и новолипецкие скороходы.

Один из самых любимых видов спорта в клубе — академическая гребля. И вот на чемпионате СССР в Москве успешно выступил член спортклуба «Новолипецк» Юрий Косых, завоевав бронзовую медаль как загребной четверки без рулевого. А на всесоюзных соревнованиях на олимпийском канале в Крылатском, на которых отбирались сборные команды СССР для участия в международных соревнованиях социалистических стран «Дружба-84» и в юношеском чемпионате мира, в команде четверок без рулевого добились победы Степан Дмитриевский и Михаил Савенков. Гребцы спортивного клуба «Новолипецк» успешно соревновались и в других классах, включая и самый престижный — восьмерки. В этом классе они выступали в составе сборной команды РСФСР на «Большой московской регате» и заняли третье место, а знаменитая рулевая Валентина Хохлова, член спортклуба «Новолипецк», привела восьмерку сборной СССР к победе.

Яркой, разнообразной жизнью насыщены и будни и праздники спортивного клуба.

П. ЯКОВЛЕВ

Семья Широких увлекается оздоровительным бегом.

гастроли

Сцена из спектакля «Луарсаб Таткаридзе».

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

Призвание выше обстоятельств — истина эта подтверждена судьбами многих настоящих художников.

Народный артист Грузинской ССР Тенгиз Чантладзе с детства мечтал стать актером, был еще в школе заводилой, неистощимым шутником и острословом.

Но... родители поставили условие: сначала окончи серьезный институт, получи солидную профессию, а потом уж будешь сам решать свою судьбу. Милые, наивные люди, они и не подозревали, что именно Грузинский политехнический институт (который Тенгиз все-таки успешно окончил) сыграет решающую роль в выборе их сыном актерской судьбы. Он был таким заразительным и органичным, таким ни на кого не похожим конферансье знаменитого в Тбилиси эстрадного оркестра своего института, что не успел еще получить диплом о его окончании, как был приглашен артистом в республиканскую филармонию.

Он стал конферансье, успешно занимался имитацией голосов, и все, кажется, складывалось наилучшим образом, если бы... Если бы не постоянное чувство неудовлетворенности, ощущение, что он может и должен сделать что-то большее... С присущей ему энергией он создал маленький ансамбль миниатюр и, несмотря на успех, остро ощутил в своей работе недостаточность профессионализма. Ушел в Театр имени Котэ Марджанишвили и там в общении с мастерами грузинской сцены осознал необходимость продолжать свою прежнюю работу, но уже на более серьезном и художественном и общественном уровне.

Так родился Театр миниатюр Тенгиза Чантладзе — сначала при филармонии, а с 1975 года обретший статус государственного. Все мы знаем, как непросто творческому коллективу сдать экзамен на статус театра, как смело, ярко и общественно значимо надо для этого заявить о себе. «Будьте еще смелей»,— напутствовали молодой театр. И это напутствие стало девизом творческого коллектива. Вот уже шестнадцать лет он ведет бой с сытостью и рвачеством, косностью и рутиной, с заскорузлой бюрократией и неуважением к человеку, с неуважением человека к самому себе, с националистическими предрассудками. Главным героем спектаклей театра является смех. Он многолик: и беспощаден, и разящ, и весел, и печален, и нежен... Ведь, в сущности, борьба идет не столько против, сколько за. За Человека, за все хорошее в нем, что можно и нужно выявить, разбудить, вышелушить из плевел. В этом смогли убедиться москвичи, побывавшие на спектаклях театра, впервые приехавшего в столицу на гастроли.

«Порицай друга в глаза, а недруга за глаза» — этим эпиграфом к известному рассказу «Человек ли он?» классика грузинской литературы Ильи Чавчавадзе начинается спектакль, названный «Луарсаб Таткаридзе» (авторы инсценировки З. Рцхиладзе и Т. Чантладзе). Это сатирический рассказ о князе Таткаридзе, который живет только заботами о своем желудке — без мысли, без трудов, без волнений и надежд, как житель какой-то болотной заводи. Тенгиз Чантладзе не жалеет красок, беспощаден к своему персонажу. Однако, как это ни трудно, ему и здесь удается вызвать сочувствие — но нет, не к тому сытому, ленивому, скудомыслящему Луарсабу, а к тому, кем он мог бы стать, не засоси его проклятое болото сытости,— к духовно погибшему человеку.

И это очень важно. В подкладке сатиры всегда должна быть трагедия.

Трагедия и сатира — две сестры, и имя им обеим, взятым вместе: правда, писал Достоевский. Эти слова вспоминаешь, размышляя о другом спектакле — «Как Вачнадзе собирались в гости к Чавчавадзе». Удивительный спектакль родился в авторском содружестве А. Арканова, Г. Горина, А. Геловани, Т. Чантладзе. История о том, как молодая супружеская чета князей Вачнадзе никак не может выйти из дому и добраться в гости — все ей что-то мешает: то спор о том, какое платье надеть, то свержение царя, то перестрелка на улице, то княжеская спесь...— только поначалу вызывает смех, ибо с развитием событий на сцене отношение к героям перестает быть однозначным. На наших глазах эти в общем-то беззлобные, неглупые, по-своему даже симпатичные люди проживают целую жизнь, так и не решившись подняться со своей постели. Мимо них прошла уже и Великая Отечественная война, погибли, защищая Родину, те, кто жил рядом; состарились, прожив честную трудовую жизнь, те, к кому Вачнадзе собирались в гости... И вот перед нами два беспомощных, одиноких старика, по собственной воле и душевной инертности расторгнувшие свою связь с миром и горько заплатившие за это. В ролях князя и княгини Тенгиз Чантладзе и Заира Гогиашвили проходят путь от сатиры к глубокой, волнующей философской драме, и оттого спектакль приобретает явственные черты трагикомедии.

Наряду с грузинской классикой (готовится премьера «Кваркваре Тутабери» Поликарпэ Какабадзе) театр ставит и пьесы современных советских сатириков. В ближайших планах Тенгиза Чантладзе — сыграть Хлестакова в собственной постановке «Ревизора». Это не только экзамен «на Гоголя», это еще один шаг к главной мечте Театра миниатюр — стать Грузинским театром сатиры и юмора.

Удачи вам на этом пути, дорогие друзья!

Ирина МИЗЕНЧИКОВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Народный художник СССР, мастер шаржа. 6. Специальный брус, перекрывающий движение транспорта и пешеходов. 8. Советский писатель, автор повести «Молодо — зелено». 11. Продолжительность трудовой деятельности. 12. Спутник Сатурна. 13. Республика в составе Югославии. 14. Экваториальное созвездие. 15. Одна из форм советской автономии. 18. Тропическое вечнозеленое дерево. 19. Украинский писатель, автор пьесы «Наталка-Полтавка». 22. Спортивное оружие. 23. Советский историк, академик. 25. Порт на берегу Дона. 27. Специалист, управляющий с пульта работой ЭВМ. 28. Специалист, разрабатывающий способы, приемы преподавания. 29. Приток Витима. 31. Пролив, соединяющий Балтийское и Северное моря. 32. Соответствие, сходство. 33. Татарский актер, народный артист СССР.

По вертикали: 1. Русский изобретатель, один из создателей дуговой электросварки. 2. Сосуд для поддержания постоянной температуры хранящегося в нем продукта. 3. Картина, узор из цветного стекла. 4. Приток Колымы. 6. Опора вала или оси. 7. Быстрый темп в музыке. 9. Получение рельефных изображений на металле. 10. Выдающаяся русская актриса. 14. Лесная певчая птица. 15. Авиаконструктор, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 17. Атмосферное явление. 18. Город на севере США. 20. Звание, присуждаемое за выдающиеся заслуги в науке, литературе, искусстве. 21. Часть речи — служебное слово. 24. Опера Р. Вагнера. 26. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые». 29. Дословная выдержка из текста. 30. Минерал, сырье для удобрений.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали: 5. Пробирка. 6. Алебастр. 9. «Скутаревский». 10. Ясли. 13. Грач. 15. Моцарт. 17. Тарасова. 18. Единорог. 19. Чаплыгин. 20. Валмиера. 21. Ерошка. 24. Утка. 25. Арфа. 26. Константинов. 27. Озокерит. 29. Оригинал.

По вертикали: 1. Апиа. 2. Модерато. 3. Бруствер. 4. Кадр. 7. Скоробогатов. 8. Числительное. 11. Стандарт. 12. Изабелла. 13. Гвоздика. 14. Апостроф. 15. Массне. 16. Тетива. 22. Руткович. 23. «Катерина». 27. «Овод». 28. Тюль.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Двукратный олимпийский чемпион в метании молота, мировой рекордсмен Юрий Седых. (См. в номере материал «Молотобоец».)

Фото Я. Халилова (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На озере лебедином (село Малиновка Целиноградской области).

Фото Ю. Лушина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 23.07.84. Подписано к печати 07.08.84. А 00399.
Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 719 000 экз. Изд. № 1723. Заказ № 3128.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

У этих реваншистских лиц,
Как видно, наглость БЕЗ ГРАНИЦ!!

Рис. М. АБРАМОВА
Стихи С. МИХАЛКОВА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663